

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 20 (3) 2023

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★Пи
Екатеринбург – 2023

**«ДИСКУРС-ПИ»
Т. 20. № 3
Ноябрь 2023**

Издание посвящено 300-летию
Российской академии наук

**Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 11.11.2023 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 15,28

Тираж 500 экз.

Заказ № 46428

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

*Российская Академия
Наук*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королёв – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Актуальный перечень специальностей следующий:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки),
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

DISCOURSE-P
Vol. 20. No 3
November 2023

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on November 11, 2023
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 15,28
Issues – 500
Order # 46428

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru

When cited the reference to the Journal
is obligatory

The authors are requested to adhere
to the academic style

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

*Russian Academy
of Sciences*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses. The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**October 6, 2020 the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

Т. 20. № 3

Тропы метода

Шавеко Н.А.

Основные модели глобальной демократии: теоретический анализ.....10

Лоскутов Ю.В.Актуальные политические и неполитические субъекты
социальной революции26

Парадигмы и процессы

Журбина И.В.Символизация человека в фигурах политического действия:
Коммунист – Революционер – Борец44**Воробьева М.В., Кочухова Е.С.**

Не новая: образы женщин в советском игровом кино 1920-х гг.61

Кочухова Е.С.От радости к дисциплине:
физическая культура в советском игровом кино 1920–1930-х гг.....81

Дискурс молодого исследователя

Голоскоков В.А.Медиаподдержка и освещение специальной военной операции
на территории Украины политическими партиями России 100

Конференц-зал

**Научно-исследовательский семинар
по проекту «Проектирование человека в постконфликтной ситуации:
концепции, институции и практики»
(Екатеринбург, июль 2023 г.)****Черепанова Е.С.**Философско-антропологические основания немецкой педагогики мира:
трансформация основных понятий и подходов..... 121

Луньков А.С.

Эволюция идеологии пионерского движения в СССР, ГДР
и Югославии в контексте постконфликтных проектов человека..... 138

Боянич П.

Война и прекращение насилия: проектирование справедливых институтов 156

Рецензии и рефераты

Гузаеров Р.И.

«Стабилизирующая» Турция в нестабильном мире 168

Vol. 20. No 3

Tropes of Method

Shaveko, N.A.

Basic Models of Global Democracy: Theoretical Analysis..... 10

Loskutov, Yu.V.Contemporary Political and Non-Political Actors
of the Social Revolution..... 26

Paradigms and Processes

Zhurbina, I.V.Symbolization of a Person in Political Action Figures:
Communist – Revolutionary – Militant 44**Vorobyeva, M.V., Kochukhova, E.S.**

Not New: Images of Women in Soviet Feature Films of the 1920s61

Kochukhova, E.S.From Joy to Discipline:
Physical Culture in Soviet Feature Films of the 1920s and 1930s81

Discourse of a Young Researcher

Goloskokov, V.A.Media Support and Coverage of the Special Military Operation
on the Territory of Ukraine by the Russian Political Parties..... 100

Conference Chamber

Research seminar**on the project “Designing a person in a post-conflict situation:
concepts, institutions and practices”
(Ekaterinburg, July 2023)****Cherepanova, E.S.**Philosophical and Anthropological Foundations of the German Peace Pedagogy:
Transformations of Key Concepts and Approaches 121

Lunkov, A.S.

The Ideological Evolution of the Pioneer Movement in the USSR, the GDR and Yugoslavia in the Context of Post-Conflict Projects of a Human138

Bojanic, P.

War and Cessation of Violence: Designing Just Institutions.....156

Book Reviews

Guzaerov, R.I.

“Stabilizing” Turkey in an Unstable World168

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Николай Александрович Шавеко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
shavekonikolai@gmail.com

Получена 16.04.2023.

Поступила после рецензирования 26.06.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Шавеко Н.А. Основные модели глобальной демократии: теоретический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 10–25. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_10

Аннотация

Цель статьи состоит в рассмотрении возможных демократических форм решения глобальных проблем человечества: односторонние действия демократических государств, заключение межгосударственных союзов и договоров, развитие глобального гражданского общества, создание надгосударственной (глобальной) демократической публичной власти. Автором анализируются фундаментальные проблемы, свойственные каждой из указанных форм. В частности, утверждается, что поскольку глобализация создает угрозу национальным демократиям, демократическое решение глобальных проблем предполагает выход за пределы национального уровня. В то же время межгосударственное сотрудничество также имеет принципиально недемократический характер, поскольку ни содержание договоров, ни неравенство переговорных возможностей при их заключении неподконтрольны какой-либо надгосударственной инстанции. Аналогичным образом демонстрируется принципиальная недемократичность глобального гражданского общества, на которое делают ставку многие исследователи, разрабатывая концепции транснациональной демократии. Отстаивается принципиальная возможность построения глобальной демократии

© Шавеко Н.А., 2023

в виде надгосударственной публичной власти. В качестве примера рассматривается модель всемирной республики О. Хёффе. Акцентируется внимание на необходимости развития космополитических (глобальных) добродетелей и идентичности, без которых любая попытка демократического решения глобальных проблем обречена на провал. Утверждается, что космополитическая идентичность и связанные с ней добродетели на теоретическом уровне сами по себе не противостоят национальным и локальным идентичностям. Делается вывод, что принципиальные трудности, с которыми может столкнуться каждая из рассмотренных моделей решения глобальных проблем с точки зрения демократического идеала, указывают на необходимость разработки интегративной модели глобальной демократии.

Ключевые слова:

глобальная демократия, транснациональная демократия, космополитическая демократия, глобальные проблемы, космополитизм.

UDC 327.7

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_10

BASIC MODELS OF GLOBAL DEMOCRACY: THEORETICAL ANALYSIS

Nikolai A. Shaveko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
shavekonikolai@gmail.com

Received 16.04.2023.

Revised 26.06.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Shaveko, N.A. (2023). Basic Models of Global Democracy: Theoretical Analysis. *Discourse-P*, 20(3), 10–25. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_10

Abstract

The purpose of the article is to consider possible democratic forms of solving global problems: unilateral actions of democratic states, making interstate alliances and treaties, development of global civil society, establishing supranational (global) democratic public power. Fundamental weaknesses inherent in each of these forms are analyzed. In particular, it is argued that since globalization poses a threat to national democracies, a democratic solution to global problems involves going beyond the national level. At the same time, interstate cooperation also has a fundamentally undemocratic character, since neither

the content of treaties, nor the inequality of negotiating opportunities at their conclusion, are under the control of any supranational authority. Similarly, the fundamentally undemocratic nature of global civil society is demonstrated, which many authors rely on when developing concepts of transnational democracy. The fundamental possibility of building a global democracy in the form of a supranational public authority is defended. As an example, the model of the world republic by Otfried Höffe is considered. Attention is focused on the need to develop cosmopolitan (global) virtues and identity, without which any attempt to have a democratic solution to global problems is doomed to failure. It is argued that on the theoretical level, cosmopolitan identity as such and the virtues associated with it are not opposed to national and local identities. It is concluded that in terms of the democratic ideal, the fundamental difficulties that each of the considered models of solving global problems may face show the need to develop an integrative model of global democracy.

Keywords:

global democracy, transnational democracy, cosmopolitan democracy, global issues, cosmopolitanism.

Введение

В конце XX – начале XXI вв. велись активные дискуссии о глобализации, это понятие прочно вошло в научный лексикон. Однако сегодня все чаще звучит термин «деглобализация». На экономику оказал влияние мировой финансовый кризис 2008 г., пандемия коронавируса 2020–2021 гг., на политику – рост международной напряженности и выстраивание новых политических блоков, причем новая холодная война очень быстро переросла в «горячую». Каковы бы ни были причины, в настоящее время глобализация уже не выглядит неизбежным трендом.

Но даже если глобализация ставится под сомнение, глобальные проблемы человечества остаются. В первую очередь это угроза ядерной войны и различные экологические проблемы, связанные с изменением климата и загрязнением окружающей среды. Пандемия коронавируса напомнила, что распространение заболеваний также имеет глобальную значимость. То же самое можно сказать о проблемах трансграничной преступности, в том числе терроризме и киберпреступности. А на появление заболеваний и рост преступности влияет экономическое неравенство, нищета глобального Юга. Наконец, общей для всего мира стала и проблема неконтролируемой миграции.

Все эти проблемы требуют общих решений. Но при этом мы привыкли думать, что такие решения должны приниматься демократически. Действительно, несмотря на всю критику в адрес демократии, она все еще претендует на статус важнейшего политического идеала. И хотя эффективность управления и качество решений могут варьироваться и при демократии, и при недемократии, демократические способы принятия решений имеют также внутреннюю (процедурную) ценность, связанную с выражением идеалов политического самоуправления и равенства. Применительно к глобальному уровню и глобальным проблемам

демократичность принятия решений особенно важна потому, что вероятные негативные последствия злоупотреблений властью будут иметь больший масштаб и могут поставить под угрозу существование человечества. Вот почему на рубеже XX–XXI вв. в западной политической науке много говорилось о глобальной (транснациональной, космополитической) демократии и предлагались самые разные модели ее построения.

Настоящая статья имеет целью осуществить анализ основных типов этих моделей, выявить принципиальные проблемы с точки зрения демократичности, с которыми может сталкиваться их реализация на практике, с учетом известных сегодня наиболее общих фактов о глобализации и глобальных проблемах. При этом, конечно, не имеется в виду, что глобальные проблемы могут быть решены только демократическим путем, однако предполагается, что данный путь является наиболее предпочтительным.

Мы полагаем, что в зависимости от того, какой способ решения глобальных проблем видится основополагающим, различные модели глобальной демократии, предложенные западными теоретиками, можно разделить на предлагающие создавать наднациональные публично-властные институты (Д. Хелд, Д. Аркибуджи и др.), развивать межгосударственное сотрудничество (У. Бек, Р. Кохан и др.), развивать институты гражданского общества, движения и сообщества различных уровней (У. Коннолли), в том числе с опорой на совещательные механизмы (Дж. Драйзек). Представители каждого из указанных подходов в той или иной степени придают значение культивированию космополитических добродетелей, однако последние обычно не являются ключевым элементом соответствующей модели.

Мы постараемся показать, что развиваемые в рамках каждого из этих подходов модели сталкиваются с принципиальными трудностями в контексте идеала демократии. Поэтому подлинно демократическая модель решения глобальных проблем должна предполагать синтез концепций, сложившихся в западной науке, в единую теоретическую модель, включающую как формирование надгосударственных органов власти, так и развитие межгосударственного договорного сотрудничества, всемирного гражданского общества и космополитических добродетелей.

Следует учитывать, что сегодня понятие демократии зачастую используется в качестве синонима всего хорошего. На некорректность подобной оценки указывают разные авторы (Данн, 2016, с. 12–13; Магун, 2015, с. 8). Поэтому для конкретизации цели настоящей статьи отметим, что под демократией нами будет пониматься сочетание двух фундаментальных принципов – коллективного самоуправления и политического равенства. Применительно к глобальному уровню это должно означать, что демократическим является такое решение, которое так или иначе обусловлено волей населения планеты (выраженного как непосредственно, так и опосредованно), и при этом каждый ее житель имеет равный уровень возможностей политического участия.

Результаты исследования

Какими могут быть демократические формы решения глобальных проблем? На первый взгляд, каждое государство могло бы само предпринимать некоторые

действия в индивидуальном порядке. В этом случае задача демократизации форм решения глобальных проблем стояла бы только применительно к национальному уровню. Но особенность этих проблем как раз в том, что для их решения требуется сотрудничество, выстраивание взаимных договоренностей. Без них односторонние действия попросту неэффективны. К тому же во многих случаях государства сталкиваются с «проблемой безбилетника»: им невыгодно нести издержки по решению общих проблем, пока такие же издержки не будут нести другие. Причем государства, которые вдруг решат пожертвовать национальными интересами во имя глобальных, в каком-то смысле уже не могут называться демократическими, потому что пренебрегают интересами собственного народа (Гранин, 2012, с. 12). Между тем задача заключается в том, чтобы найти именно демократические формы решения глобальных проблем. С учетом изложенного данная статья будет посвящена лишь таким формам, которые не сводятся к самостоятельным действиям отдельных государств (не согласованным с международным сообществом), но при этом претендуют на демократичность.

Межгосударственное договорное сотрудничество. В первую очередь государства могли бы заключать друг с другом двух- или многосторонние соглашения по тем или иным вопросам, связанным с глобальной повесткой. В той мере, в которой данные государства сами являются демократическими, такая политика, на первый взгляд, отвечала бы принятым критериям демократичности. Так, У. Бек делает ставку на развитие международного сотрудничества и горизонтальных связей в противовес построению глобальных публичных институтов и вертикальных связей (Бек, 2001). Р. Кохан указывает на то, что международные институты должны стать более прозрачными и представительными (плюралистическими) (Keohane, 1998). С точки зрения указанных авторов, глобальная демократия – это прежде всего сеть межгосударственных соглашений по различным вопросам, добровольность заключения которых подспудно рассматривается как признак их демократичности.

Однако этот путь связан с принципиальными трудностями. В частности, Т. Кристиано показывает, что статус международных договоров следует отличать от статуса частноправовых контрактов. В последнем случае мы обычно имеем публичную сферу, ограничивающую свободу сторон договора преследовать свой корыстный интерес, если это затрагивает интересы третьих лиц или общества в целом. В случае же международных договоров нет никакой стоящей над отдельными государствами публичной сферы (Christiano, 2012, pp. 86–91). Кроме того, в частном праве обычно принимается во внимание не только формальное согласие сторон, но также и неравенство их переговорных возможностей («сильная сторона» способна недобросовестно извлекать выгоду из своего положения, действуя в ущерб «слабой стороне»), в то время как на международном уровне отсутствуют механизмы борьбы с подобным неравенством. Э. Макгрю, в свою очередь, констатирует, что само по себе сотрудничество государств на основе принципов плюрализма, прозрачности и ответственности не способно решить проблему демократического дефицита в условиях глобализации, поскольку существуют «структурные неравенства в распределении власти в глобальной системе» (Макгрю, 2008, с. 179). Действительно, если в национальных право-

порядках обычно защищается «слабая сторона» договора, то в международном праве аналогов такого регулирования нет.

Таким образом, даже в идеале система международных договоров в отсутствие надгосударственной публичной власти не является справедливым положением дел (не говоря уже о том, что не всякое государство, заключая такой договор, отстаивает интересы собственного народа, и зачастую отсутствуют действенные способы принуждения государства к выполнению соглашений). Справедливой эта система была бы при выполнении следующих условий: 1) соглашения одних государств не оказывали бы негативного влияния на положение других государств, не участвующих в соглашении (это явно не случай глобализации); 2) отсутствовало бы неравенство переговорных возможностей (в то время как сегодня имеется явное неравенство между Севером и Югом); 3) все соглашения выполнялись бы добровольно. Таким образом, мы видим, что даже если государства добровольно заключают и выполняют договоры, участвуя тем самым в решении глобальных проблем, это потенциально недемократический способ.

Предположим, однако, что государства согласились честно сотрудничать, причем исключительно на началах укрепления внутренней демократии, и в конечном счете им удалось добиться формирования глобальной системы, при которой суверенные демократические государства в условиях баланса сил успешно встречают вызовы негосударственных субъектов. Если при этом речь не идет о каких-то совершенно фантастических вариантах, то мы должны признать, что сегодня правительства все чаще принимают решения, затрагивающие интересы далеко не только своих граждан: границы между внутренним и внешним стираются, число трансграничных проблем растет, а «фундаментальные процессы правления ускользают от описания их в категориях национального государства» (Оглезнев, 2010, с. 60). Таким образом, взаимозависимость между демократическими государствами в любом случае остается. Но именно в этом и состоит угроза традиционному пониманию демократии: когда народы вынуждены постоянно реагировать на решения, принимаемые не ими, но существенно влияющие на них, вряд ли можно говорить о подлинном самоуправлении. Например, если представить, что решение, принятое свободно народом одной страны, существенно влияет на все остальные страны, то вряд ли можно говорить, что данное решение принято демократически, ведь подавляющее большинство лиц, на которых оно сказывается, было исключено из процесса его принятия и вынуждено реагировать лишь постфактум. Вот почему не столь важно, является государство, чьи действия имеют глобальные последствия, демократическим или недемократическим: сам факт глобального влияния представляет собой угрозу демократическому идеалу. Отсюда, как мы полагаем, защита демократии на глобальном уровне должна означать согласование интересов не государств (пусть даже и демократических), а людей. Это актуализирует создание надгосударственных союзов, в которых право голоса каждого из государств будет зависеть, во-первых, от численности его населения, во-вторых, от степени репрезентативности его власти. По крайней мере, в этом шаге можно увидеть один из способов преодолеть некоторые недостатки, связанные с недемократичностью способов решения глобальных проблем.

Создание надгосударственных публично-властных структур. Мы должны рассмотреть возможность создания надгосударственной публичной власти,

которая помогала бы решать общие проблемы демократически. Теоретически такая власть может помочь преодолеть вышеуказанные дисбалансы договорных отношений государств. Вопрос еще и в том, возможна ли вообще на глобальном уровне демократия в форме надгосударственных публично-властных структур (т. е. могут ли такие структуры в принципе быть демократическими). Известным скептиком в этом отношении являлся Р. Даль, который утверждал, что при любом раскладе «международные системы будут находиться ниже любого разумного порога демократии» (Dahl, 1999, p. 21) в силу своего размера, специфики разрешаемых ими проблем, а также гетерогенности затронутых интересов. Данный скептицизм подкрепляется тезисом А. Хиршмана, что наряду с демократией источником легитимации власти в организации является простота выхода из данной организации (Хиршман, 2009). А поскольку в глобальном масштабе «выход» невозможен, мировое правительство обязано быть даже более демократическим, чем государство.

Между тем аргументы Р. Даля не вполне убедительны. Следует признать, что даже в отношении многих внутригосударственных проблем мы получаем информацию лишь из СМИ и других посредников, т. е. удаленно. Кроме того, граждане не всегда проявляют интерес к подобным проблемам, а их разрешение зачастую требует специальных познаний, что снижает возможность контроля власти со стороны граждан. Даже в рамках одного государства широкомасштабное обсуждение проблем сталкивается с ограничениями, вызванными численностью населения и размером территории, а успешное функционирование государственного механизма – с необходимостью формирования общей «воображаемой» идентичности. Наконец, крайняя гетерогенность интересов возможна в любой, даже самой малой социальной группе (например, в семье). Таким образом, международные дела с точки зрения возможностей народовластия на самом деле не всегда значимо отличаются от внутригосударственных. В той мере, в которой мы все еще считаем внутригосударственную демократию возможной, мы могли бы попытаться реализовать и надгосударственную демократию.

Не следует преувеличивать и дихотомию «выхода» и «голоса» по Хиршману, поскольку существует гораздо больше двух подлежащих учету факторов, влияющих на приемлемость (в том числе легитимность) властных структур. Мы лишь должны иметь в виду, что с увеличением масштабов власти усиливаются и последствия злоупотребления ею. Однако известны и механизмы, которые могли бы воспрепятствовать такому злоупотреблению (например, при голосовании во «всемирном парламенте» правило квалифицированного большинства или право вето, предоставленное меньшинствам, могут помочь сохранить статус-кво, т. е. по крайней мере реализовать принцип «не навреди», одновременно сохранив возможность принятия решений по спорному вопросу на нижестоящих уровнях). Следует заметить, что и в национальных государствах «выход» из-под власти, с которой ты не согласен, далеко не всегда возможен, и не потому, что существует какой-то «железный занавес», а потому, что тебя нигде не ждут. Например, те россияне, которые в 2022 г. пытались уклониться от мобилизации, зачастую депортировались обратно в Россию из якобы свободных западных стран и якобы дружественных постсоветских стран. Да и те, кому не грозит мобилизация, но кто просто хочет переехать жить в другую страну, сталкиваются со всеми

проблемами релокации. В целом по многим причинам ни одна из стран не желает массового наплыва иностранцев. Поэтому опции «выхода» по Хиришману для большинства населения (за исключением наиболее высококвалифицированных специалистов, а также дистанционных работников) практически нет и сейчас.

Важно и то, что, высказывая сомнения относительно над- и межгосударственной демократии, Даль не отрицает значение международных систем для решения тех или иных проблем, но предлагает рассматривать их как «бюрократические системы ведения переговоров» (Dahl, 1999, p. 33), и поэтому призывает лишь принимать во внимание издержки, связанные с недемократичностью этих систем. Таким образом, даже те, кто скептически относится к демократизации надгосударственных систем, считают их в некоторой степени необходимыми.

С учетом изложенного полагаем, что в целом глобальная демократия в виде надгосударственных публично-властных структур теоретически возможна, пусть сегодня эта идея и не столь популярна. В 1990-е гг. и в начале 2000-х гг., когда эта идея была более востребованной, ученые создали множество концепций надгосударственного демократического порядка (т.е. идеальных моделей глобальной демократии, подразумевающих создание некоторого мирового правительства). Одни из самых известных авторов – Д. Хелд (Held, 1995) и Д. Аркибуджи (Archibugi, 2012). Меньшее внимание получил проект О. Хёффе (Höffe, 2002), хотя, как представляется, он весьма убедителен. Немецкий философ обосновывает нормативный идеал всемирной федеративной республики, которая будет субсидиарно дополнять локальные, региональные, национальные, континентальные и межгосударственные структуры. Чего не хватает проекту Хёффе, так это анализа кризиса существующих национальных представительных демократий. Действительно, сегодня многие ученые и политики сходятся во мнении, что демократические институты пребывают в состоянии кризиса. Но при этом предлагается и множество решений, чтобы этот кризис преодолеть. Одна из очевидных тенденций – акцент на совещательных аспектах, а также попытки дополнить или даже заменить выборные органы органами, сформированными путем случайных жеребьевок. Такие проекты разработаны и применительно к глобальной демократии (Dryzek et. al., 2011).

Как бы мы ни относились к различным проектам создания надгосударственных демократических органов публичной власти, предложенным в свое время западными учеными, представляется необходимым исходить из следующего. Во-первых, глобальные проблемы есть, и их надо решать. Во-вторых, решения должны приниматься демократически. В-третьих, данные проблемы сложно решать исключительно на национальном уровне, поэтому всегда нужно иметь в виду такие варианты, как межгосударственное сотрудничество путем заключения договоров и создание надгосударственной публичной власти. Каждый из этих вариантов имеет определенные плюсы и минусы, в том числе в плане воплощения идеала демократии. При этом сложно сказать, какой именно из вариантов будет в целом эффективнее, поскольку это зависит от множества факторов, в том числе от действий и решений политических лидеров по всему миру. Представляется, что лучшее решение глобальных проблем человечества можно найти только путем постепенной апробации, а для этого в первую очередь нужна политическая воля.

Всемирное гражданское общество. Необходимо также рассмотреть возможные ответы на вызовы глобализации, не связанные с публично-властными структурами.

Одним из наиболее известных авторов, отстаивающих неинституциональные решения, является Дж. Драйзек. Он рассматривает возможность демократизации существующего мирового порядка не путем создания каких-либо меж- или надгосударственных публичных органов – нового «аппаратного обеспечения» (hardware), правительства (government), а путем рефлексивного децентрализованного контроля, который подразумевает «программное обеспечение» (software) и управление (governance), за содержанием и балансом существующих в глобальном масштабе «дискурсов», т. е. концепций и категорий, обеспечивающих основу для понимания тех или иных проблем (например, рыночный либерализм и устойчивое развитие, исламский радикализм и права человека и т. п.) (Dryzek, 1999). Указанный контроль должен осуществляться коммуникативно, а не стратегически, что отличает его от «войны идей» и «мягкой силы» (Dryzek, 2006). В этом заключается идеал транснациональной дискурсивной демократии, которая теоретически может существовать вообще без каких-либо надгосударственных институтов, но тесно связана с развитием транснационального гражданского общества. По мнению Драйзека, данный идеал не противоречит идеалу космополитической демократии, скорее, параллелен ему, поскольку иначе расставляет акценты, но при этом имеет больше шансов на осуществление.

Вопрос о шансах идеала транснациональной дискурсивной демократии на осуществление, конечно, не так однозначен. Против Драйзека здесь говорит, например, то, что современные коммуникативные технологии во многом способствуют лишь сегментации «интерсубъективно разделяемого мира», а не его расширению (Хабермас, 2001, с. 219–220). Но для нашего исследования важны не столько частные проблемы, которые могут возникнуть на практике, сколько принципиальные ограничения с точки зрения идеала демократии. И здесь необходимо отметить, что ставка в решении глобальных проблем на институты всемирного гражданского общества в виде международных неправительственных организаций и общественных движений (энвайроментализм, феминизм, пацифизм и др.) сталкивается с теми же проблемами, что и ставка на межгосударственное сотрудничество: всемирному гражданскому обществу, как и совокупности государств, недостает публичной власти. Так, классическое воззрение на гражданское общество исходит из того, что хотя оно и обособлено от государства и часто противостоит ему, все же тесно связано с ним и даже существует благодаря ему. На международном же уровне отсутствует публичная власть, аналогичная государству, в связи с чем нет инстанции, сохраняющей баланс интересов различных институтов глобального гражданского общества. Влияние таких институтов – лишь один из аспектов глобальной «войны всех против всех», а не воплощение идеала демократии. Восхваляемая Драйзеком коммуникативная власть может оказать попросту недостаточно сильной для контроля за балансом различных дискурсов, в связи с чем потребуются некие «некоммуникативные» авторитеты (Макгрю, 2008, с. 186). Современные исследования показывают, например, что «участие организаций гражданского общества в разработке глобальной политики является неравным, выборочным, ограниченным и поверхностным... Аналогичным об-

разом, механизмы внешней подотчетности (таких организаций. – Н.Ш.) перед заинтересованными сторонами, как правило, используются недостаточно или неравномерно. Более того... организации гражданского общества часто сами имеют слабый демократический мандат» (Tallberg & Uhlin, 2012, p. 227).

Сказанное, конечно, не означает, что мы не должны развивать глобальное гражданское общество. Однако необходимо помнить, что пока не созданы независимые инстанции, обеспечивающие баланс интересов, такое общество само является, скорее, воплощением проблемы, с которой сталкивается демократия в эпоху глобализации, чем демократическим способом решения глобальных проблем. Развитие глобального гражданского общества имеет значение лишь в тесной связи с такими независимыми инстанциями. Именно поэтому, если и возлагать какие-либо надежды на общественные движения, то как раз на движения в поддержку космополитической (надгосударственной) демократии. В свою очередь, недостаток демократического мандата у институтов гражданского общества актуализирует две характеристики, которым должны соответствовать такие институты: во-первых, некоммерческие цели; во-вторых, демократический характер их внутренней организации.

Кроме того, говоря о развитии глобального гражданского общества, нельзя забывать, что гражданское общество может быть поддержкой не только демократической, но и тоталитарной власти (Хоффманн, 2017, с. 118). В недемократических странах институты гражданского общества зачастую выступают в качестве фасада демократии для получения международной помощи, а также инструментом управления протестными настроениями и нейтральной оппозиции (Бедерсон, 2019, с. 180). Поэтому крайне важно различать институты гражданского общества, организованные «снизу», и те, что организованы «сверху» (Иванов, 2010). В контексте взаимосвязи демократии и глобализации это имеет значение потому, что сегодня ряд международных неправительственных организаций фактически «приручены» западными правительствами, транснациональными компаниями, глобальными финансовыми институтами, и в значительной степени обеспечивают интересы своих покровителей (Kaldor, 2003).

Все вышеуказанное говорит о том, что развитие всемирного гражданского общества может рассматриваться только как дополнение к институциональному строительству, как один из гарантов глобальной демократии, а не ее воплощение.

Космополитические добродетели и идентичность. Следует отметить, что неинституциональные пути демократизации в условиях глобализации не сводятся к формированию и регламентации соответствующих дискурсов. Один из важнейших путей состоит в развитии космополитической идентичности и космополитических добродетелей. Существует немало скептиков по данному вопросу. Однако целый ряд факторов – во-первых, существование глобальных проблем, требующих неотложного решения; во-вторых, наличие общих ценностей (например, права человека), сформированных по результатам общего исторического опыта (мировые войны); в-третьих, накопленный опыт взаимодействия культур и связанное с ним возрастание популярности понимания нации как гражданской (civitas), а не этнической (gens) сущности, а государственных границ – как исторической случайности; в-четвертых, наличный опыт межгосударственного сотрудничества и надгосударственного строительства, а также возможность учреждения глобаль-

ных демократических институтов (например, всемирного парламента) – в совокупности создают базу общечеловеческой солидарности, которая необходима для глобального управления¹. К тому же, как отмечает Ю. Хабермас, если глобальная публичная власть ограничивается лишь обеспечением мира и защитой прав человека, то нам достаточно даже слабой глобальной солидарности граждан мира, а вовсе не общей политической культуры, жизненных форм, «сильных» нравственных установок, самоопределения как единого «народа» (Хабермас, 2008, с. 132–133). Впоследствии новые глобальные связи и проблемы могут потребовать большей глобальной солидарности, но к тому времени для нее уже возникнет прочная основа в виде сложившегося опыта наднационального демократического регулирования.

Многие авторы рассматривают космополитизм как подрыв национальной идентичности, на которой держатся современные демократии, однако данный подход нельзя признать верным. М. Нуссбаум, раскрывая историю философии космополитизма, пишет: «Стоики подчеркивают, что превращение в гражданина мира не означает отказа от местных идентификаций, которые зачастую способны серьезно обогащать жизни человека. Они не предлагают считать себя лишенными местных привязанностей; скорее, речь идет о том, что человек окружен рядом концентрических кругов. Первый включает самого человека; следующий – его ближайших родственников; еще один – дальних родственников, затем соседей или местную группу, земляков, соотечественников – и к этим группам легко можно добавить этнические, языковые, исторические, профессиональные, гендерные и сексуальные идентичности. И самый большой круг включает все человечество в целом. Наша задача как граждан мира состоит в том, чтобы «притянуть все эти круги к центру»...» (Нуссбаум, 2006, с. 113–114). Таким образом, космополитическая идентичность не подрывает другие формы идентичности, а дополняет их. Космополитизм представляет собой только один из уровней, на которых должно функционировать наше чувство привязанности и чувство долга. Более того, именно локальные формы идентичности крайне важны, чтобы эффективно претворять общечеловеческие программы в конкретных условиях. В любом случае в настоящее время, когда многие процессы носят транснациональный характер, космополитическая идентичность имеет под собой те же моральные основания, что и национальная.

Заключение

Западными учеными разработано множество разноплановых проектов построения глобальной демократии. Это совсем не обязательно создание какой-то надгосударственной власти: решение глобальных проблем может осуществляться путем развития межгосударственного сотрудничества, глобальных институтов гражданского общества, космополитических добродетелей и идентичности.

¹ Развитие информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих взаимодействие на огромных расстояниях, многие исследователи ставят в этот же ряд. Однако технологии могут использоваться по-разному, и на данный момент мы не склонны оценивать их влияние сугубо положительно.

Исследование показало, что хотя каждый из этих способов может сталкиваться с проблемой соответствия принципам демократии, все они в той или иной форме теоретически возможны. Так, межгосударственное сотрудничество на основе договоров может быть недемократическим даже в тех случаях, когда реализуется между демократическими государствами, а договоры добровольно исполняются. В частности, нарушение демократических стандартов происходит, если содержание договоров затрагивает интересы субъектов, не участвующих в договоре, или если не создаются надлежащие механизмы защиты «слабой стороны» договора. Дискурсы глобального гражданского общества также не могут претендовать на демократический статус до тех пор, пока институты гражданского общества не будут удовлетворять определенным критериям в части их целей и внутренней структуры, а также уравниваться демократической публичной властью, поддерживающей баланс между различными гражданскими институтами. И надгосударственная публичная власть может оказаться недемократической, поскольку контроль со стороны населения осуществлять в глобальных масштабах сложнее, чем в национальных.

Вместе с тем даже наш сугубо теоретический анализ показывает, что и межгосударственное договорное взаимодействие, и институты глобального гражданского общества во многом нуждаются в надгосударственной власти, поскольку она потенциально способна усилить их. Тем более, что на уровне отдельных государств соответствующие механизмы в условиях глобализации дают сбой. Сегодня государства, безусловно, не горят желанием ограничивать или уступать свой суверенитет, но проблема как раз в том, что глобальные проблемы могут сделать этот суверенитет уязвимым и без всякой надгосударственной власти (Хабермас, 2001, с. 199). Особую роль в размытии государственного суверенитета играет экономическая глобализация, которая продолжается, несмотря на мировой финансовый кризис, пандемию коронавируса и военные конфликты (Kuttner, 2018; Wu, 2017, pp. 18–19). Таким образом, в современном мире сохранить суверенитет можно лишь частично отказавшись от него, а сохранить демократию – только продвинув ее идеалы на глобальный уровень. Как отмечал турецкий экономист Д. Родрик, «нельзя одновременно поддерживать демократию, национальное самоопределение и экономическую глобализацию» (Родрик, 2014, с. 71). И здесь важным является другой наш теоретический вывод, согласно которому глобальная демократия, вопреки известному мнению Р. Даля, не является принципиально невозможной. Поскольку межгосударственное договорное взаимодействие и развитие институтов гражданского общества нуждается в надгосударственной власти, а последняя, в свою очередь, принципиально может быть демократической, все указанные модели решения глобальных проблем следует рассматривать во взаимосвязи.

Таким образом, общий вывод может быть сформулирован следующим образом. В западной науке разработано множество различных моделей глобальной (космополитической, транснациональной и прочей) демократии. Одни делают акцент на межгосударственном сотрудничестве, другие – на создании надгосударственных публично-властных структур, на формировании глобального гражданского общества или на развитии космополитических добродетелей. Все эти модели имеют право на существование, однако принципиальные трудности, с которыми они могут сталкиваться в плане реализации демократического идеала,

склоняют нас к тому, что демократическое решение глобальных проблем, по всей видимости, достигается лишь одновременным воплощением указанных моделей на практике в том или ином их сочетании. В разработке соответствующей комплексной теоретической модели глобальной демократии и видится дальнейшая задача политической науки.

Список литературы

1. Бедерсон, В.Д. (2019). Гражданские ассоциации как гаранты демократии и не только: история ассоциаций и их политической роли в транснациональной перспективе. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 11(1), 176–183. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-176-183>
2. Бек, У. (2001). *Что такое глобализация?* М.: Прогресс-Традиция.
3. Бузгалин, А.В. (2008). Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи. *Век глобализации*, (1), 120–127.
4. Гранин, Ю.Д. (2012). «Глобальное гражданство» или «глобальный этос»? *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, (2), 7–17.
5. Данн, Дж. (2016). *Не очаровываться демократией*. М.: Издательство Института Гайдара.
6. Иванов, В.Г. (2010). Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики. Часть 1. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, (4), 106–115.
7. Магун, А.В. (2015). *Демократия, или Демон и Гегемон*. СПб.: Издательство Европейского университета.
8. Макгрю, Э. (2008). Транснациональная демократия: теории и перспективы. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (2), 174–199.
9. Нуссбаум, М. (2006). Патриотизм и космополитизм. *Логос*, (2), 110–119.
10. Оглезнев, В.В. (2010). *Глобализация и государство: анализ социальной онтологии*. Томск: Издательство ЦНТИ.
11. Родрик, Д. (2014). Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. *Экономическая социология*, 15(2), 65–75.
12. Хабермас, Ю. (2001). *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука.
13. Хабермас, Ю. (2008). *Расколотый Запад*. М.: Весь Мир.
14. Хиршман, А.О. (2009). *Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств*. М.: Новое издательство.
15. Хоффманн, Ш.-Л. (2017). *Социальное общение и демократия: ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914*. М.: Новое литературное обозрение.
16. Anderson, J. (Ed.). (2002). *Transnational democracy. Political spaces and border crossings*. London, New York: Routledge.
17. Archibugi, D. (2012). From peace between democracies to global democracy. In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 254–273). Cambridge: Cambridge

University Press.

18. Christiano, Th. (2012). Is democratic legitimacy possible for international institutions? In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 69–95). Cambridge: Cambridge University Press.

19. Dahl, R. (1999). Can international organizations be democratic? A skeptical view. In I. Shapiro, & C. Hacker-Cordon (Eds.), *Democracy's edges* (pp. 19–36). Cambridge: Cambridge University Press.

20. Dryzek, J.S. (1999). Transnational democracy. *The Journal of Political Philosophy*, 7(1), 30–51. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00064>

21. Dryzek, J.S. (2006). Transnational democracy in an insecure world. *International Political Science Review*, 27(2), 101–119. <https://doi.org/10.1177/0192512106061421>

22. Dryzek, J.S. (2008). Two paths to global democracy. *Ethical Perspectives*, 15(4), 469–486. <http://dx.doi.org/10.2143/EP.15.4.2034392>

23. Dryzek, J.S., Bächtiger, A., & Milewicz, K. (2011). Toward a deliberative global citizens' assembly. *Global Policy*, 2(1), 33–42. <https://doi.org/10.1111/j.1758-5899.2010.00052.x>

24. Held, D. (1995). *Democracy and the global order. From the modern state to cosmopolitan governance*. Stanford: Stanford University Press.

25. Höffe, O. (2002). *Demokratie im Zeitalter der Globalisierung*. München: Beck.

26. Kaldor, M. (2003). The idea of global civil society. *International Affairs*, 79(3), 583–593. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2346.00324>

27. Keohane, R.O. (1998). International institutions: Can interdependence work? *Foreign Policy*, (110), 82–96.

28. Kuttner, R. (2018). *Can democracy survive global capitalism*. London, New York: W.W. Norton & Company.

29. Tallberg, J., & Uhlin, A. (2012). Civil society and global democracy: An assessment. In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 210–232). Cambridge: Cambridge University Press.

30. Wu, G. (2017). *Globalization against democracy. A political economy of capitalism after its global triumph*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

1. Anderson, J. (Ed.). (2002). *Transnational democracy. Political spaces and border crossings*. London, New York: Routledge.

2. Archibugi, D. (2012). From peace between democracies to global democracy. In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 254–273). Cambridge: Cambridge University Press.

3. Beck, U. (2001). *Что takoe globalizaciya? [What is globalization?]*. Moscow: Progress-Tradiciya.

4. Bederson, V.D. (2019). Grazhdanskie associacii kak garanty demokratii i ne tol'ko: istoriya associacij i ix politicheskoy roli v transnacional'noj perspektive [Civic associations as a guarantor of democracy and more: The history of associations and their political role in the transnational perspective]. *Ars Administrandi*, 11(1), 176–183. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-176-183>
5. Buzgalin, A.V. (2008). Al'terglobalizm: v poiskax pozitivnoj al'ternativy novoj imperii [Alterglobalism: In search of a positive alternative to the new empire]. *Vek globalizacii*, (1), 120–127.
6. Christiano, Th. (2012). Is democratic legitimacy possible for international institutions? In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 69–95). Cambridge: Cambridge University Press.
7. Dahl, R. (1999). Can international organizations be democratic? A skeptical view. In I. Shapiro, & C. Hacker-Cordon (Eds.), *Democracy's edges* (pp. 19–36). Cambridge: Cambridge University Press.
8. Dryzek, J.S. (1999). Transnational democracy. *The Journal of Political Philosophy*, 7(1), 30–51. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00064>
9. Dryzek, J.S. (2006). Transnational democracy in an insecure world. *International Political Science Review*, 27(2), 101–119. <https://doi.org/10.1177/0192512106061421>
10. Dryzek, J.S. (2008). Two paths to global democracy. *Ethical Perspectives*, 15(4), 469–486. <http://dx.doi.org/10.2143/EP.15.4.2034392>
11. Dryzek, J.S., Bächtiger, A., & Milewicz, K. (2011). Toward a deliberative global citizens' assembly. *Global Policy*, 2(1), 33–42. <https://doi.org/10.1111/j.1758-5899.2010.00052.x>
12. Dunn, J. (2016). *Ne ocharovyvat'sya demokratiej* [Breaking democracy's spell]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
13. Granin, Yu.D. (2012). “Global'noe grazhdanstvo” ili “global'nyj e'tos”? [“Global citizenship” or “global ethos”?]. *Novoe v psixologo-pedagogicheskix issledovaniyax*, (2), 7–17.
14. Habermas, J. (2001). *Vovlechenie drugogo. Oчерki politicheskoy teorii*. [The inclusion of the other: Studies in political theory]. Saint Petersburg: Nauka.
15. Habermas, J. (2008). *Raskolotyj Zapad* [The split West]. Moscow: Ves' Mir.
16. Held, D. (1995). *Democracy and the global order. From the modern state to cosmopolitan governance*. Stanford: Stanford University Press.
17. Hirschman, A.O. (2009). *Vыход, golos i vernost'. Reakciya na upadok firm, organizacij i gosudarstv* [Exit, voice, and loyalty. Responses to decline in firms, organizations, and states]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
18. Höffe, O. (2002). *Demokratie im Zeitalter der Globalisierung* [Democracy in an age of globalisation]. München: Beck.
19. Hoffmann, S.-L. (2017). *Social'noe obshhenie i demokratiya: associacii i grazhdanskoe obshhestvo v transnacional'noj perspektive, 1750–1914* [Social communication and democracy: Associations and civil society in a transnational perspective, 1750–1914]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Ivanov, V.G. (2010). *Global'noe grazhdanskoe obshhestvo: stanovlenie novogo aktora mirovoj politiki. Chast' 1* [Global civil society: The formation of the new

actor of world politics. Part 1]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, (4), 106–115.

21. Kaldor, M. (2003). The idea of global civil society. *International Affairs*, 79(3), 583–593. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2346.00324>

22. Keohane, R.O. (1998). International institutions: Can interdependence work? *Foreign Policy*, (110), 82–96.

23. Kuttner, R. (2018). *Can democracy survive global capitalism*. London, New York: W.W. Norton & Company.

24. Magun, A.V. (2015). *Demokratiya, ili Demon i Gegemon* [Democracy, or the demon and the hegemon]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta.

25. McGrew, A. (2008). Transnacional'naya demokratiya: teorii i perspektivy [Transnational democracy: Theories and prospects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (2), 174–199.

26. Nussbaum, M. (2006). Patriotizm i kosmopolitizm [Patriotism and cosmopolitanism]. *Logos*, (2), 110–119.

27. Ogleznev, V.V. (2010). *Globalizaciya i gosudarstvo: analiz social'noj ontologii* [Globalization and the State: An analysis of social ontology]. Tomsk: Izdatel'stvo CNTI.

28. Rodrik, D. (2014). Paradoks globalizacii: demokratiya i budushhee mirovoj e'konomiki [The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy]. *E'konomicheskaya sociologiya*, 15(2), 65–75.

29. Tallberg, J., & Uhlin, A. (2012). Civil society and global democracy: An assessment. In D. Archibugi, M. Koenig-Archibugi, & R. Marchetti (Eds.), *Global democracy: Normative and empirical perspectives* (pp. 210–232). Cambridge: Cambridge University Press.

30. Wu, G. (2017). *Globalization against democracy. A political economy of capitalism after its global triumph*. Cambridge: Cambridge University Press.

Информация об авторе

Николай Александрович Шавеко, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, e-mail: shavekonikolai@gmail.com

Information about the author

Nikolai Alexandrovich Shaveko, Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, e-mail: shavekonikolai@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Юрий Викторович Лоскутов,

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия,
yuri-loskutov@mail.ru

Получена 12.05.2023.

Поступила после рецензирования 14.07.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Лоскутов Ю.В. Актуальные политические и неполитические субъекты социальной революции // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 26–43. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_26

Аннотация

В статье анализируется проблема субъектов посткапиталистической социальной революции. Вопрос о смене капиталистической общественной формации актуален в силу того, что капитализм все чаще тормозит развитие производительных сил, включая развитие самого человека. Вместе с тем относительное обнищание трудящихся лишает их необходимых ресурсов для успешной политической борьбы. Следовательно, типичная посткапиталистическая социальная революция не сопровождается внутривнутриполитической революцией «снизу». Однако политические субъекты социальной революции проявляют себя в качестве таковых (преимущественно косвенным образом) не на внутривнутриполитической, а на международной арене, способствуя утрате глобальной капиталистической системой мировой экономической гегемонии, что обуславливает начавшийся процесс политической самоликвидации данной системы. Поскольку субстанциональным источником социальной революции выступает не классовая борьба, а развитие производительных сил в ходе повседневных практик, сторонникам посткапитализма следует пересмотреть актуальную общественную

© Лоскутов Ю.В., 2023

проблематику в контексте этого развития и, прежде всего, всестороннего развития индивидов. Системообразующим фактором усложнения производительных сил является развитие трудовой деятельности, поэтому неполитическими субъектами посткапиталистической социальной революции выступают субъекты всеобщего труда, производящие социал-гармонические общественные отношения взамен социал-атомистических. По мнению автора статьи, сегодняшний кризис ставит под вопрос предполагаемое классовое господство индивидуалистического «персоналиата». Становление всеобщего труда уничтожает противоречие между умственным и физическим трудом, что приводит к постепенной ликвидации классового антагонизма. В этой связи сторонникам посткапитализма следует стремиться к увеличению численности и общественного влияния представителей всеобщего труда.

Ключевые слова:

социальная революция, политическая революция, капитализм, производительные силы, всеобщий труд.

UDC 304

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_26

CONTEMPORARY POLITICAL AND NON-POLITICAL ACTORS OF THE SOCIAL REVOLUTION

Yuri V. Loskutov,

Perm State University,
Perm, Russia,
yuri-loskutov@mail.ru

Received 12.05.2023.

Revised 14.07.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Loskutov, Yu.V. (2023). Contemporary Political and Non-Political Actors of the Social Revolution. *Discourse-P*, 20(3), 26–43. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_26

Abstract

The article analyzes the issue of actors of the post-capitalist social revolution. The question of changing the capitalist social formation is relevant due to the fact that capitalism is increasingly hindering the development of productive forces, including human development. At the same time, the relative impoverishment of workers deprives them of the necessary resources for a successful political struggle. Consequently, a typi-

cal post-capitalist social revolution is not accompanied by an internal political revolution “from below”. However, the political actors of the social revolution manifest themselves as such (mostly indirectly) not in the domestic but in the international arena, contributing to the loss of global economic hegemony by the global capitalist system, which determines the process of its political self-liquidation. Since the substantive source of social revolution is not the class struggle, but the development of productive forces in everyday practices, the proponents of post-capitalism should reconsider current social problems in the context of this development and, above all, the comprehensive development of individuals. The system-forming factor of productive forces complication is the development of labor activity, and therefore the non-political actors of the post-capitalist social revolution are the actors of universal labor, producing social-harmonic relations instead of social-atomistic ones. The current crisis calls into question the supposed class domination of the individualistic “personalist”. The emergence of universal labor destroys the contradiction between mental and physical labor, leading to the gradual elimination of class antagonism. In this regard, the proponents of post-capitalism should strive to increase the number and social influence of representatives of universal labor.

Keywords:

social revolution, political revolution, capitalism, productive forces, universal labour.

Введение

Смена общественной формации является сегодня не только теоретической, но и практической проблемой для всего человечества. Эта проблема порождена необходимостью преодоления глобального антропологического кризиса, который проявляется в дисгармонии и отчуждении человека на всех уровнях бытия, в господстве не универсальных, а частичных отношений с миром, особенно характерных для капиталистического общества (Кондрашов, 2020а, с. 38). На вопросы о характере будущего общественного устройства может окончательно ответить только общественно-историческая практика¹. Однако некоторые из текущих практических тенденций позволяют теоретикам сделать некоторые предварительные выводы и высказать те или иные гипотезы по рассматриваемой теме.

П. Н. Кондрашов пишет: «Под *общественной формацией* мы понимаем качественно целостную стадию общественной эволюции, которая характеризуется определенной степенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые в конечном итоге определяются ею... Закономерностью исторического процесса является *качественный* (революционный, скачкообразный) *переход* между способами производства и между формациями. При этом «революцию» в данном случае надо понимать не в политическом смысле (как

¹ В целях соблюдения научной строгости имеет смысл использовать нейтральный термин «посткапитализм» взамен его идеологически окрашенных эквивалентов (Давыдов, 2020, с. 10–11).

смену классовый политической надстройки), а как глубинную социально-экономическую структурную трансформацию, которая охватывает все без исключения сферы общественного и индивидуального бытия и сознания, базиса и надстройки» (Кондрашов, 2020b, с. 152) Термины «межформационный переход» и «социальная революция» можно считать синонимами.

Смена формации действительно назрела в общественно-исторической практике в силу того, что дальнейшее сохранение капитализма угрожает развитию (а во многих случаях и физическому выживанию) огромного числа людей. Каким образом в контексте закона соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил (Маркс, 1959, с. 6–7) можно сегодня приводить уровень бурно развивающихся производительных сил в строгое соответствие с капиталистическими производственными отношениями? Ради достижения указанной цели капиталу требуется всячески тормозить развитие производительных сил и даже просто уничтожать их. Для этого хорошо «подходят» войны и геноцид, а также аборт, гомосексуализм, наркотики, духовное отупление трудящихся с помощью низкопробной массовой культуры. Ведь главная производительная сила – это не средства производства, а сами трудящиеся (Маркс, 1968, с. 403). Если при жизни К. Маркса капитал решительно развивал производительные силы, то сегодня он «одной рукой» их развивает (что соответствует его конъюнктурным экономическим интересам), а «другой рукой» разрушает. Поскольку, когда производительные силы разовьются должным образом, господству капитала придет конец. Неуклонно деградируя, капитализм все меньше развивает производительные силы и все больше разрушает их. Причем данное соотношение в планетарном масштабе угрожает сместиться в сторону разрушения, а кое-где (например, в зонах локальных военных конфликтов) это уже произошло. Развитие производительных сил все больше происходит вне рамок капиталистических производственных отношений и, прежде всего, в свободное время.

Переход к постиндустриальному обществу недостаточно глубок для того, чтобы стать межформационным. Один из виднейших постиндустриалистов М. Кастельс называет новую техноэкономическую систему «информациональным капитализмом» (Кастельс, 2000, с. 40) и отмечает, что «информационная/глобальная экономика является капиталистической, фактически более капиталистической, чем любая другая экономика в истории» (с. 497).

Цель настоящей статьи – социально-философское выделение субъектов межформационного перехода от капитализма к посткапитализму. Проблема этого выделения, зародившаяся в рамках марксизма, может быть теоретически и практически решена только путем внутренней самокритики последнего. Многие исследователи заявляют, что сегодня субъект социальной революции является неопределенным или отсутствует (Давыдов, 2021, с. 17; Коряковцев, Вискунов, 2017, с. 17; Сейерс, 2017, с. 15, 17), а социолог и философ Дж. Холлоуэй вообще занимает агностическую позицию: «Невозможно определить критически-революционного субъекта, поскольку критически-революционный субъект – это неопределимое» (Holloway, 2010a, p. 150). Для его обозначения (но не определения) исследователь использует термин «мы-кто-хочет-изменить-мир» (p. 62). В данной статье теоретическое выделение субъектов текущего межформацион-

ного перехода носит предварительный характер; тщательная и подробная классификация является задачей дальнейших междисциплинарных исследований.

Трудности с определением субъектов посткапиталистической социальной революции обусловлены прежде всего тем, что вопреки надеждам классического марксизма рабочий класс так и не стал субъектом межформационного перехода. Постопераистская мысль на место рабочего класса выдвинула новый революционный субъект под названием «множество» (Вирно, 2013; Хардт, Негри, 2006), однако это понятие, будучи логически неопределенным, обозначает настолько размытую социальную совокупность людей, что последняя едва ли может быть оформлена в качестве субъекта внутренней политики. Более того, не оправдались надежды на внутривнутриполитический переход к посткапитализму. В книге с характерным названием «Изменяйте мир без захвата власти» Дж. Холлоуэй пишет: «Очевидная невозможность революции в начале XXI в. в действительности отражает исторический провал конкретной концепции революции – концепции, которая отождествляла революцию с контролем над государством. Оба подхода, «реформистский» и «революционный», полностью не оправдали надежд своих восторженных сторонников» (Holloway, 2010a, p. 12).

Тем не менее отсутствие внутривнутриполитических субъектов межформационного перехода в капиталистических странах не означает отсутствия субъектов посткапиталистической социальной революции как таковых.

Политические субъекты посткапиталистической социальной революции

Посткапиталистическая социальная революция, осуществляемая «снизу» политическими средствами, не может сегодня преодолеть внутривнутриполитические преграды в любой капиталистической стране мира, и у этого факта есть объективная причина – рост относительного обнищания трудящихся. Так, по данным *Oxfam International*, в 1995–2021 гг. 1 % самых богатых людей мира завладели почти в 20 раз большей частью мирового богатства, чем беднейшие 50 % человечества². Таковы последствия торжества неолиберализма. Следовательно, требующиеся для зарождения нового способа производства ресурсы накапливаются именно у элит (Давыдов, 2021, с. 101), которые, как правило, не заинтересованы в таком зарождении. При этом внутривнутриполитические шансы на изменение соотношения в распределении этих ресурсов в пользу трудящихся уменьшаются с каждым годом по причине роста относительного обнищания, прежде всего, в его абсолютных значениях. Ведь чтобы овладеть ресурсами, требуются ресурсы, которых нет. Подавляющее большинство граждан капиталистических стран не имеют ни денег, ни связей, ни полномочий, достаточных для того, чтобы изменить такое положение дел даже в том случае, если указанные ресурсы будут организационно объединены большинством трудящихся. «Когда мы едины, мы непобедимы» – этот лозунг больше не работает. Здесь важно учитывать рост

² Inequality kills (2022, January 17). *Oxfam*. Retrieved April 25, 2023, from <https://oxfamlibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/621341/bp-inequality-kills-170122-en.pdf>

относительного обнищания именно в его абсолютных значениях: в результате общего роста национального богатства относительное обнищание может увеличиваться в абсолютных величинах даже в тех случаях, когда это обнищание, исчисляемое с помощью процентов от доли национального богатства, формально поворачивается вспять, когда неолиберализм отступает, когда падает индекс Джини. В условиях капиталистических производственных отношений пропасть между социальными возможностями трудящихся и социальными возможностями владельцев капитала имеет тенденцию к возрастанию. В результате трудящиеся не обладают и тем минимумом ресурсов, который потребовался для донбасского антифашистского восстания, – оптовыми партиями шин, горючего, бронежилетов, железобетонных блоков и т. д., а также денежными запасами для того, чтобы на некоторое время променять работу на борьбу. Все это нашлось у мелкого бизнеса, но даже его повстанческие усилия в ходе «Русской весны» 2014 г. (национально-освободительной мелкобуржуазной революции) оказались не самодостаточными, критически зависимыми от решений высшей бюрократии.

Однако ранее, в эпоху империализма, относительное обнищание еще не достигало в своих абсолютных значениях сегодняшних критических величин, что позволяло трудящимся устраивать политические революции под руководством революционной партии как политического авангарда в рамках отдельно взятой страны «догоняющего развития». Этот феномен вошел в историю под названием «ленинизм» (или «маоизм») – сначала взять политическую власть революционным путем в отсталой стране, а потом форсированно развивать производительные силы этой страны. В силу стимулируемого неолиберализмом роста относительного обнищания трудящихся, сегодня такая политическая стратегия объективно бесперспективна. Принцип историзма требует признать, что ленинизм как внутривнутриполитическая стратегия захвата власти трудящимися устарел и уже не работает.

Путь внутренней политической революции «снизу» (тем более путь вооруженного бунта) для достижения межформационного перехода уже закрыт, ибо он заведомо обрекает социальную революцию на поражение. Стоит помнить, что капитализм за последние сто с лишним лет научился «сеять ветер» и «пожинать бурю» гораздо лучше, чем это делают коммунисты. На его счету две мировые войны, множество локальных военных конфликтов и государственных переворотов. Именно капитализм обеспечивал и обеспечивает возвращение такого инструмента для нагнетания бури и хаоса, как фашизм. «Революционные» политические требования (нередко сопровождающиеся вооруженными эксцессами) сопутствуют конфликтам между различными фракциями социальных контрреволюционеров. Примером служат «цветные революции», которые, будучи политическими переворотами, не имеют к социальной революции никакого отношения. Более того, они склонны отбрасывать далеко назад в социальном развитии страны, в которых побеждают. Помимо прочего, трудящимся совершенно бессмысленно перенимать у буржуазных глобалистов «цветные политтехнологии» – они требуют огромных ресурсов и потому разработаны не для эксплуатируемого класса.

Но мог ли ленинизм, при всех его бесспорных исторических успехах, закончить с капитализмом с помощью провозглашения монополии угнетенного

класса на внутреннюю политику? Д.А. Давыдов справедливо указывает, что «тезис о «революционном переустройстве всего общественного здания» как неперменном следствии борьбы между угнетающими и угнетаемыми не находит подтверждения. Более того, история показывает, что борьба свободных и рабов, патрициев и плебеев, помещиков и крепостных и т.д. между собой никогда не приводила к смене общественных формаций. Переход от сословно-классовой к капиталистической общественной формации, например, был осуществлен под руководством буржуазии, а не крестьян. В данном контексте не соответствующим общей логике исторического процесса представляется и прогноз Маркса относительно того, что именно рабочий класс уничтожит капитализм. Надежды на реализацию этого прогноза уже не раз демонстрировали свою тщетность» (Давыдов, 2020, с. 90). А.А. Коряковцев отмечает, что рабочий класс, не завершив социальную антикапиталистическую революцию, проявляет самоотчуждение от политики (Коряковцев, 2013, с. 48). Рабочий класс сторонится политики как особого вида деятельности потому, что в его сегодняшнем постфордистском труде и так слишком много черт политической практики (Вирно, 2013, с. 52).

Действительные политические субъекты межформационного перехода проявляют себя в сфере не внутренней, а международной политики, хотя и преимущественно косвенным образом. Дело в том, что мировой капитализм со временем сформировал глобальную экономическую систему, и капитализм уже не может рассматриваться в рамках только отдельно взятой страны. При этом М. Кастельс верно отмечает следующее обстоятельство: «Глобальная экономика представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики. Согласно Фернану Броделю и Иммануэлю Уоллерстайну, под мировой экономикой понимается такая система, где процесс накопления капитала происходит по всему миру, и она существует на Западе по крайней мере с XVI в. Глобальная экономика представляет собой нечто другое: это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени... <...> Необходимо внести дополнительную поправку в определение контура глобальной экономики – *это не экономика планетарного масштаба*. Другими словами, она не включает все экономические процессы, территории и людей на планете, хотя прямо или косвенно оказывает влияние на все человечество. Несмотря на планетарный эффект от глобальной экономики, ее существование и форма затрагивают лишь отдельные сегменты и экономические структуры, страны и регионы пропорционально конкретному положению страны или региона в международном разделении труда» (Кастельс, 2000, с. 105, 114).

Именно ликвидация глобальной капиталистической системы, в центре которой находится диктат американских элит, может рассматриваться сегодня в качестве признака ликвидации капитализма как общественной формации. В связи с этим стоит напомнить, что Президент Российской Федерации В.В. Путин фактически объявил мировую революцию: «Мир вступил в период революционных трансформаций, они носят фундаментальный характер. Формируются новые центры развития, они представляют большинство – большинство! – мирового сообщества и готовы не только заявлять о своих интересах, но и защищать их, и в многополярности видят возможность укрепить свой суверенитет, а значит,

обрести истинную свободу, историческую перспективу, свое право на самостоятельное, творческое, самобытное развитие, на гармоничный процесс»³. И эти слова не являются пустой риторикой, если принять во внимание контекст, в котором они были произнесены – в процессе официального оформления новых субъектов Российской Федерации, против чего выступает глобальная капиталистическая система.

Ведущую роль в экономическом слове глобальной американоцентричной капиталистической системы играет сегодня Китайская Народная Республика, которая в отличие от СССР не вышла из ленинского/маоистского политического проекта (притом что в последний уже никто не может зайти). Китай находится сегодня на той стадии социалистического строительства, которая как теоретически, так и фактически соответствует советскому НЭПу, характеризуясь взаимодействием социалистического и капиталистического укладов, осуществляемым под руководством Коммунистической партии. Бросив экономический вызов мировому капиталистическому гегемону, КНР в октябре 2014 г. стала мировым лидером по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, а к середине 2020-х гг. ожидается мировое лидерство и по номинальному ВВП⁴. Кроме того, КНР даже в условиях COVID-19 продемонстрировала впечатляющий рост объема внешней торговли до 6,05 трлн долл. США в 2021 г. При этом положительное сальдо торгового баланса КНР с США составило 396,5 млрд долл. – это рост по сравнению с положительным сальдо 323,3 млрд в 2018 г.⁵ Столь успешный экономический вызов в адрес ведущей капиталистической державы мира не сопровождается каким-либо политическим «экспортом революции» (более того, дела с *soft power* обстоят у КНР по сравнению с США откровенно плохо). Тем не менее факт постепенного прекращения (благодаря КНР) американской экономической гегемонии в мире заставляет политическую элиту США (флагмана глобального капитализма) откровенно нервничать, пытаться компенсировать экономические потери усилением политического диктата и потому предпринимать радикальные политические шаги на международной арене, потенциально ведущие к развалу глобального капитализма. Так, специальная военная операция Российской Федерации послужила в 2022 г. поводом для ранее невиданного процесса – начала самоликвидации глобальной капиталистической системы, когда США самостоятельно «отстегнули» от этой системы громадную и «непослушную» Россию вместе с Белоруссией. Если в эпоху империализма капиталистические державы воевали за рынки, то сегодня они, наоборот, добровольно жертвуют рынками во имя политических и идеократических целей.

³ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России (2022, 30 сентября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://kremlin.ru/events/president/news/69465>

⁴ Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире (2014, 8 октября). *РБК*. Взято 25 апреля 2023, с <https://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a>

⁵ США остались главным торговым партнером Китая, а Россия не вошла в десятку (2022, 19 января). *Regnum*. Взято 25 апреля 2023, с <https://regnum.ru/news/economy/3480533.html>

Глобальный капиталистический «американский мир» рискует все более и более уменьшаться в размерах, ибо за ним более не стоит экономическая гегемония.

Неполитические субъекты посткапиталистической социальной революции

Социальная революция не обязана сопровождаться внутривнутриполитической революцией «снизу». Это доказывается, например, опытом скандинавских стран, в которых переход от феодализма к капитализму протекал относительно мирно. Но если для наступления капитализма отсутствие политической революции «снизу» было в большей степени исключением, то для наступления посткапитализма оно будет скорее правилом – в силу усиления относительного обнищания рядовых граждан. Посткапитализм исторически связан с политической революцией «снизу» только в тех странах, которые успели вскочить на подножку уходящего «поезда» ленинизма/маоизма и не выскочили обратно. Но даже в таких странах политическое руководство создает условия для развития неполитических субъектов межформационного перехода.

Для того чтобы обозначить эти субъекты, требуется обратиться к основам марксистской социальной теории. Любая общественная формация имеет в своей основе тот или иной способ производства (или их сочетание). Любой способ производства – это единство производительных сил (его содержания) и производственных отношений (его формы). Диалектика гласит, что источник развития – содержание, вслед за которым усложняется форма. Соотношение производительных сил и производственных отношений не является исключением: существует закон соответствия производственных отношений производительным силам. Значит, для того чтобы одна формация сменялась на другую, более сложную, нужно усложнить производительные силы.

Чем обычно занимаются «красные», находясь в политической оппозиции? Классовой и прочей борьбой, но отнюдь не созиданием, не развитием труда и производительных сил в целом. Ибо убеждены, что этими вопросами они могут заниматься только тогда, когда находятся у власти. А если у власти находится буржуазия (или высшая бюрократия при бонапартизме), то вопросы развития производства следует «уступать» ей. Во времена Маркса и даже Ленина такое поведение имело смысл – капитал бурно развивал производительные силы и без помощи марксистов. Сегодня ситуация изменилась, о чем здесь уже шла речь, а политическое поведение «красных» осталось прежним. Так почему же они, желая сменить общественную формацию, в своей практической деятельности упускают ключевое звено в этой смене, усиленно занимаясь тем, от чего формация не меняется?

В силу того, что главной производительной силой является сам человек, «формация есть особый способ организации сущностных сил человека. Соответственно кризис формации имеет свое антропологическое основание в обострении до крайности внутреннего противоречия человеческой сущности... Глубинным субстанциональным основанием перехода является перерастание, преодоление родовой универсальной человеческой сущностью своей индивидуальной ограниченной формы» (Мусаелян, 2016, с. 63). Это преодоление

означает в условиях становящегося посткапитализма всестороннее развитие индивидов: «Частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 441). Капитализм же сопротивляется такому всестороннему развитию. Присвоение человеческой сущности капиталом порождает острое противоречие между производительными силами (прежде всего самим человеком) и несвободными производственными отношениями. «Существование классов и их конституирование невозможно разделить: сказать, что классы существуют, значит сказать, что они находятся в процессе конституирования. Конституирование класса можно рассматривать как разделение субъекта и объекта. Капитализм – это ежедневно повторяющееся насильственное отделение объекта от субъекта, ежедневное вырывание объекта-творения-продукта у субъекта-творца-производителя, ежедневное отнятие у делателя не только сделанного, но и акта делания, его творчества, его субъективности, его человечности» (Holloway, 2010a, p. 143). Напротив, «коммунистический борец – это борец за человечность, каждый раз неповторимую и бесконечно сложную. Никакое дело не может быть коммунистически-революционным, если оно антигуманистично, если оно губительно для культуры, если оно ставится людьми над собой и другими: если сами люди становятся средствами и жертвами фетишизированных Порядков и Норм» (Батищев, 2015, с. 271).

В этой борьбе за человечность ключевую роль играют повседневные практики: «Коль скоро речь идет не о социологических абстракциях, а о реальных общественных индивидах, то существенную роль в объяснении исторического процесса должен играть феномен повседневности. Именно в ней возникают те незаметные для глаз изменения, которые, развертываясь, приводят к возникновению нового способа производства, а значит, и новой ступени исторического развития» (Коряковцев, Кондрашов, 2021, с. 363). Дж. Холлоуэй пишет о социальной революции так: «Революция возможна, только если мы исходим из того, что быть революционером – это очень обычное, очень привычное дело, что мы все революционеры, хотя и в очень противоречивых, фетишизированных, подавленных формах» (Holloway, 2010a, p. 211).

Развитие производительных сил – процесс тихий и, как правило, малозаметный для массмедиа. Рождаются и воспитываются дети, осваиваются профессии, совершаются научные открытия, внедряются новые полезные технологии, идет борьба за здоровый образ жизни. Еще К. Маркс указывал на то, что внедрение новых технологий вызывает «постоянные повседневные перевороты в способе производства» (Маркс, 1961a, с. 289). Затем феномен «тихой революции» эмпирически обнаружил американский социолог Р. Инглхарт, который, правда, свел ее содержание к изменению (преимущественно непубличному) субъективных человеческих ценностей в некоторых социальных группах стран Запада – изменению в так называемую постматериалистическую (точнее, поствещную) сторону, противоречащую духу капитализма (Инглхарт, 1977)⁶. Конечно, с марксистской

⁶ К тому же «постматериалистические» тенденции, которые исследовал ученый,

точки зрения указанное субъективное ценностное изменение имеет объективные причины в общественном бытии – «тихая революция» требует комплексного философского осмысления как целостный духовно-практический феномен, в результате которого происходит смена исторической эпохи.

И такое осмысление уже начато. Т. Фахури отмечает следующее: «Обычно люди ассоциируют сопротивление угнетению с политическим активизмом. Я утверждаю, что существует ценный вид сопротивления, который значительно отличается от активизма и который легко упустить из виду. В «тихом сопротивлении» люди противостоят влиянию угнетения на их личную жизнь, добиваясь чего-то – проекта, предпочтения, отношений или идеала, что запрещено или не поощряется угнетением, которое они испытывают. Их сопротивление «тихое» не в том смысле, что его буквально не слышно, а потому что они не пытаются донести послание сопротивления до публичной аудитории. Тихие сопротивленцы не имеют явно выраженных политических мотивов или устремлений. Они сопротивляются ради того, чтобы жить жизнью, которая выражает их сущность и то, что их волнует, несмотря на риски или благодаря им» (Fakhoury, 2019, p. iii). Дж. Холлоуэй указывает на то, что повседневный социальный протест «открывает нам пространство и время, в котором мы пытаемся жить как субъекты, а не как объекты. Это время или пространство, в котором мы утверждаем нашу способность решать за себя, что нам делать – будь то беседа с другом, игра с нашими детьми, обработка земли другим способом, разработка и реализация проектов критического образования. Это время или пространство, в котором мы берем на себя контроль над собственной жизнью, принимаем на себя ответственность за свою человечность» (Holloway, 2010b, p. 19). Повседневность нередко противоречит интересам капитала: «Простая попытка быть человеком, поболтать с друзьями, влюбиться, превращается динамикой капитала, этим постоянным вращением винта, в акт непокорности. И наоборот: именно эта попытка быть человеком является нашей революционной надеждой, потенциальным прорывом в другой мир, в другое делание, в другой способ отношений» (p. 251).

Главным, системообразующим источником усложнения производительных сил, утверждения человечности является развитие труда, прежде всего материального. Здесь стоит пояснить, что К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали об упразднении труда-работы, вынужденной деятельности, а не об упразднении труда как свободной деятельности – родовой характеристики человека (Кондрашов, 2021, с. 97–103). Труд как ключевая сущностная сила человека оказывает по сравнению с другими сущностными силами наибольшее влияние на смену формаций. Ключевой повседневной практикой, ведущей к посткапитализму, является такой труд, который выступает как свободная деятельность (самодеятельность) человека. «Самодеятельность – это деятельность, конкретность которой определяется внутренней целесообразностью субъективности самого человека, логикой его личных интересов и желаний... Самодеятельность (господство которой увязано Марксом и Энгельсом с коммунистическим обществом)

оказались для Запада временным явлением (Давыдов, 2018, с. 92), там произошла, так сказать, «тихая контрреволюция». Тем не менее эти тенденции имеют место и в других регионах планеты.

предполагает свободный обмен деятельностью» (Коряковцев, Вискунов, 2017, с. 533). Для того чтобы быть самодеятельностью, труд должен обладать важной объективной характеристикой – быть самопрограммируемым, самоформирующимся, когда его субстанциальный, самопричинный характер представлен на уровне отдельной личности, а не только общества в целом. Осознание и самостоятельное проектирование личностью своих материальных действий в ходе самопрограммируемого труда выступают основой ликвидации его разделения на умственный и физический. Самопрограммируемый, самоформирующийся труд можно обозначить в марксистской терминологии как всеобщий труд (Орлов, Васильева, 2005, с. 222–223). «Самопрограммирующаяся рабочая сила нуждается в определенном типе образования, на основе которого накопленный работником запас знаний и информации может расширяться и видоизменяться на протяжении всей его (или ее) трудовой жизни» (Кастельс, 2004, с. 113–114). В отличие от обладателей самопрограммирующейся рабочей силы, носители общей рабочей силы – это работники, «использующие лишь те навыки, которые требуются для выполнения указаний руководства» (с. 117). Общей рабочей силой обладают не только неквалифицированные работники, но и многие представители считающихся интеллектуальными профессий – значительная часть учителей, врачей, чиновников и т. д.

Становление всеобщего труда уничтожает разделение между умственным и физическим трудом, что приводит к постепенной ликвидации классового антагонизма, а также антагонизма между производителем и потребителем. Именно субъекты всеобщего труда (равно как и субъекты, стремящиеся к всеобщему труду) являются неполитическими субъектами посткапиталистического межформационного перехода.

Субъект всеобщего труда непосредственно существует как личность (а уже опосредованно как коллектив): «Естественной предпосылкой свободной деятельности является автономная личность, «общественно-необходимый индивид» (Маркс), то есть индивид, ставший ансамблем общественных отношений, тотальностью, обществом в миниатюре» (Коряковцев, Вискунов, 2017, с. 551). К. Маркс пишет, что «общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития» (Маркс, 1962, с. 402–403), но роль личности в истории меняется от эпохи к эпохе. В связи с этим им отмечается интересная деталь: «Первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства» (Маркс, 1961b, с. 404). Таким образом, Маркс фактически констатирует, что системообразующим фактором способа производства служит не тип собственности на средства производства (или производственные отношения в целом), а господствующий тип личности как главной производительной силы.

Именно личность рассматривается Д. А. Давыдовым в качестве субъекта межформационного перехода к посткапитализму (Давыдов, 2020, с. 91, 109). Хотя личность определяется довольно узко: это «человек, ставящий на первое место ценности творчества и самореализации... Речь здесь идет... о своеобразном «массовом» распространении самого личностного «модуса»: когда ценности личностной самореализации начинают вытеснять ценности сугубо материаль-

ного насыщения/обогащения» (с. 120). Таким образом, личность трактуется схожим, хотя и не тождественным, образом с субъектами «тихой революции» у Р. Инглхарта (Давыдов, 2021, с. 247)⁷. Если торжество сообщества творческих личностей («креатосферы») приводит в концепции А.В. Бузгалина к не антагонистическому и бесклассовому «царству свободы» (Бузгалин, 2013, с. 164), то с точки зрения Д.А. Давыдова творческая личность осуществляет переход к новой антагонистической формации: «Посткапиталистические производственные отношения характеризует не творчество как таковое (как самоцель), а производство личности, понимаемое как совокупность целенаправленных практик возвышения в творческой конкурентной борьбе за внимание и популярность. Уже сегодня постепенно возникают основания для новой антагонистической социальной стратификации: общество начинает делиться на массу потребителей результатов творческой деятельности (имперсоналиат) и небольшую прослойку популярных творческих деятелей – «захватчиков дискурса» (персоналиат). Поэтому общественную формацию, в рамках которой творчество является основным источником потребительных ценностей, резонно обозначить как персоналистическую» (Давыдов, 2021, с. 73).

Однако в марксистской мысли творчество традиционно рассматривается не как узкопрофессиональное занятие «захватчиков дискурса», а как массовое явление, которое «включает в себя и образование, и самообразование, и воспитание детей, и даже обычные, повседневные формы деятельности. Самое главное для марксизма понимание творчества в будущем мире – это *творение, созидание общественных отношений*» (Кондрашов, 2019, с. 22–23). При таком понимании творчества «имперсоналиат» тоже должен признаваться совокупностью творческих личностей. Да и сам Д.А. Давыдов отмечает то, что «возможно творчество совсем другого характера – нацеленное не столько на производство личности, сколько на преобразование материального и социального мира» (Давыдов, 2021, с. 306). Кроме того, автор заявляет, что «всевластие персоналиата и всеместности личностного «модуса», всеобщей погоне за самореализацией и популярностью можно найти куда более достойную альтернативу. Это альтернатива, в которой «безликий» труд дает ощущение сопричастности к большому, по-настоящему полезному делу, поэтому вполне возможно, что имперсоналиат пойдет по другому пути, найдет другие цели для своей общественной борьбы. И не исключено, что эти цели с точки зрения общечеловеческих ценностей будут куда более достойными» (с. 305). Но разве это не проявление личностного начала в людях? Разве это не освобождающее действие личности в истории?

Все же думается, что у «персоналистической формации» не так много шансов на полноценное вызревание, т. к. индивидуализм «персоналиата» не соответствует новейшим тенденциям в формировании социальных отношений. «Культура отмены» и «зеленая» повестка на Западе, а также специальная военная операция Российской Федерации являются «маркерами» глубокого кризиса тех индивидуалистических общественных связей, которые Г.С. Батищев вслед

⁷ Впрочем, даже и за рамками столь узкой трактовки личности некорректно объявлять субъектом межформационного перехода каждую личность или личность вообще, ведь не всякая личность способствует социальному прогрессу.

за Марксом назвал социал-атомистическими. Они характерны для капитализма, начало их разрушения является индикатором надвигающегося краха капиталистической общественной формации. Если исходить из концепции Маркса и Батищева, распад социал-атомистических связей может иметь одно из двух последствий – регресс или прогресс. В первом случае происходит низведение общества до давно, казалось бы, преодоленного уровня социал-органических связей. Альтернативой выступает прогресс – установление социал-гармонических связей (Батищев, 1997, с. 47–49). В них проявляется «полифоническое», со-творческое общение – все мы разные, но можем понимать друг друга и помогать друг другу, что противоречит принципу эксплуатации труда. Факторами, способствующими установлению социал-гармонических связей, являются всеобщий труд, крупные наукоемкие экономические проекты, общественная собственность на средства производства, гуманистическая духовная культура.

Заключение

В силу того, что сегодняшний капитализм имеет глобальный характер, сторонники посткапиталистического межформационного перехода должны быть сторонниками слома глобальной американоцентричной капиталистической системы и сторонниками союзнических отношений с Китаем, подрывающим экономическую гегемонию США. Кроме того, следует делать все возможное для увеличения численности и общественного влияния коллективного неполи-тического субъекта посткапиталистической социальной революции – сообщества личностей, являющихся субъектами всеобщего труда. Осуществить это можно с помощью комплекса практических мер, направленных на повышение рождаемости, развитие образования и здравоохранения, нравственное воспитание. Современным марксистам, неоправданно зациквившимся на политических процессах и производственных отношениях, следует взглянуть в корень своего учения и пересмотреть всю актуальную общественную проблематику «под углом зрения» развития производительных сил. Сегодня именно борьба за развитие производительных сил – главная форма борьбы с капитализмом, а вовсе не борьба за политическую власть. Оружием трудящихся выступает всеобщий труд, а не булжник. «Свобода через профессионализм» – вот что должно стать девизом сторонников посткапитализма. Движение за посткапитализм уже может позволить себе не быть политически радикальным, т. к. современное общество в отличие от индустриальной эпохи во многом созрело для действительного, а не мнимого преодоления частной собственности. Аккумулятивное развитие всеобщего труда даже предполагает наличие некоторого консервативного аспекта теории и практики, ибо то, что развивается, прежде должно быть сохранено от разрушения.

Список литературы

1. Батищев, Г.С. (1997). *Введение в диалектику творчества*. СПб.: Издательство РХГИ.

2. Батищев, Г. С. (2015). Деятельностная сущность человека как философский принцип. В Г. С. Батищев, *Избранные произведения* (с. 191–275). Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.
3. Бугалин, А. В. (2013). По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода. В Б. Ф. Славин (Ред.), *Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения* (с. 80–168). М.: ЛЕНАНД.
4. Вирно, П. (2013). *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
5. Давыдов, Д. А. (2018). Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 18(3), 86–102. <https://doi.org/10.17506/guip.2016.18.3.86102>
6. Давыдов, Д. А. (2020). *Личность и государство в терниях посткапитализма: на пути к новой антагонистической общественной формации*. М.: Ленанд.
7. Давыдов, Д. А. (2021). *Посткапитализм и рождение персоналиата*. М.: Рипол-классик.
8. Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ.
9. Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет*. Екатеринбург: У-Фактория.
10. Кондрашов, П. Н. (2019). О противоречиях посткапитализма: размышления над статьей Д. А. Давыдова. *Дискурс-Пи*, (1), 20–28. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.2028>
11. Кондрашов, П. Н. (2020a). Марксова концепция становления целостности человека. *Вопросы философии*, (5), 36–48. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-5-36-48>
12. Кондрашов, П. Н. (2020b). Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация. *Социологические исследования*, (2), 150–159. <https://doi.org/10.31857/S013216250008524-9>
13. Кондрашов, П. Н. (2021). Какого же Маркса мы читаем? В А. А. Коряковцев (Ред.), *Маркс утраченный и Маркс обретенный* (с. 89–119). М., Екатеринбург: ИФИП УрО РАН, Кабинетный ученый.
14. Коряковцев, А. А. (2013). Антикапиталистическая революция индустриальной эпохи: проблема естественноисторических пределов в марксистской традиции. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 13(3), 38–50.
15. Коряковцев, А. А., Вискунов, С. В. (2017). *Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом*. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый.
16. Коряковцев, А. А., Кондрашов, П. Н. (2021). Заключение. В А. А. Коряковцев (Ред.), *Маркс утраченный и Маркс обретенный*. (с. 355–366). М., Екатеринбург: ИФИП УрО РАН, Кабинетный ученый.
17. Маркс, К. (1959). К критике политической экономии. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 13, с. 1–167). М.: Государственное издательство политической литературы.

18. Маркс, К. (1961a). Капитал. Т. 3. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 25, ч. 1, с. 29–542). М.: Государственное издательство политической литературы.
19. Маркс, К. (1961b). Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 19, с. 400–421). М.: Государственное издательство политической литературы.
20. Маркс, К. (1962). Письмо П.В. Анненкову. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 27, с. 401–412). М.: Государственное издательство политической литературы.
21. Маркс, К. (1968). Экономические рукописи 1857–59 годов. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 46, ч. 1, с. 3–510). М.: Издательство политической литературы.
22. Маркс, К., Энгельс Ф. (1955). Немецкая идеология. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3, с. 7–544). М.: Государственное издательство политической литературы.
23. Мусаелян, Л. А. (2016). *Исторический процесс и глобализация*. Пермь: ПГНИУ.
24. Орлов, В.В., Васильева, Т.С. (2005). *Философия экономики*. Пермь: Издательство Пермского государственного университета.
25. Сейерс, Ш. (2017). Идея коммунизма. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 17(1), 7–20.
26. Хардт, М., Негри, А. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
27. Fakhoury, T. (2019). *Quiet resistance: The value of personal defiance*. Chapel Hill: University of North Carolina.
28. Holloway, J. (2010a). *Change the world without taking power*. New York: Pluto Press.
29. Holloway, J. (2010b). *Crack capitalism*. London: Pluto Press.
30. Inglehart, R. (1977). *The silent revolution. Changing values and political styles among Western publics*. Princeton: Princeton University Press.

References

1. Batishhev, G. S. (1997). *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [An introduction to the dialectic of creativity]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RXGI.
2. Batishhev, G. S. (2015). Deyatel'nostnaya sushhnost' cheloveka kak filosofskij princip [The activity-based essence of man as a philosophical principle]. In G. S. Batishhev, *Izbrannye proizvedeniya* (pp. 191–275). Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK.
3. Buzgalin, A. V. (2013). Po tu storonu otchuzhdeniya: social'noe tvorchestvo i svoboda [On the other side of alienation: Social creativity and freedom]. B. F. Slavin (Ed.), *Doroga k svobode: Kriticheskij marksizm o teorii i praktike social'nogo osvobozhdeniya* (pp. 80–168). Moscow: LENAND.
4. Castells, M. (2000). *Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: Economy, society, and culture]. Moscow: GU VShE'.
5. Castells, M. (2004). *Galaktika Internet* [The Internet galaxy]. Ekaterinburg:

U-Faktoriya.

6. Davydov, D.A. (2018). Konceptsiya postmaterializma Ronalda Ingleharta v kriticheskoj perspektive [Ronald Inglehart's concept of postmaterialism from a critical perspective]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 18(3), 86–102. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.3.86102>

7. Davydov, D.A. (2020). *Lichnost' i gosudarstvo v terniyax postkapitalizma: na puti k novoj antagonisticheskoj obshhestvennoj formacii* [Personality and State in the thorns of post-capitalism: Toward a new antagonistic social formation]. Moscow: Lenand.

8. Davydov, D.A. (2021). *Postkapitalizm i rozhdenie personaliat* [Postcapitalism and the birth of the personaliat]. Moscow: Ripol-klassik.

9. Fakhoury, T. (2019). *Quiet resistance: The value of personal defiance*. Chapel Hill: University of North Carolina.

10. Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v e'poxu imperii* [Multitude: War and democracy in the age of empire]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya.

11. Holloway, J. (2010a). *Change the world without taking power*. New York: Pluto Press.

12. Holloway, J. (2010b). *Crack capitalism*. London: Pluto Press.

13. Inglehart, R. (1977). *The silent revolution. Changing values and political styles among Western publics*. Princeton: Princeton University Press.

14. Kondrashov, P.N. (2019). O protivorechiyax postkapitalizma: razmyshleniya nad stat'ej D.A. Davydova [On the contradictions of post-capitalism: Notes on the article by Dmitry Davydov]. *Diskurs-Pi*, (1), 20–28. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.2028>

15. Kondrashov, P.N. (2020a). Marksova koncepcija stanovleniya celostnosti cheloveka [Karl Marx's concept of formation of the integrity of the man]. *Voprosy filosofii*, (5), 36–48. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-5-36-48>

16. Kondrashov, P.N. (2020b). Postkapitalizm kak novaya obshhestvennaya inter/trans-formaciya [Postcapitalism as a new social inter/trans-formation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, (2), 150–159. <https://doi.org/10.31857/S013216250008524-9>

17. Kondrashov, P.N. (2021). Kakogo zhe Marksa my chitaem? [Which Marx are we reading?]. In A.A. Koryakovtsev (Ed.), *Marks utrachennyj i Marks obretennyj* (pp. 89–119). Moscow, Ekaterinburg: IFiP UrO RAN, Kabinetnyj uchenyj.

18. Koryakovtsev, A.A. (2013). Antikapitalisticheskaya revolyuciya industrial'noj e'poxi: problema estestvennoistoricheskix predelov v marksistskoj tradicii [Anti-capitalist revolution of industrial epoch: Problem of natural-historic limits according to Marxist tradition]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 13(3), 38–50.

19. Koryakovtsev, A.A., & Kondrashov, P.N. (2021). Zaklyuchenie [Conclusion]. In A.A. Koryakovtsev (Ed.), *Marks utrachennyj i Marks obretennyj* (pp. 355–366). Moscow, Ekaterinburg: IFiP UrO RAN, Kabinetnyj uchenyj.

20. Koryakovtsev, A.A., & Viskunov, S.V. (2017). *Marxizm i polifoniya razumov: Drama filosofskix idej v 18 glavax s e'pilogom* [Marxism and the polyphony of rationalities: A drama of philosophical ideas in 18 chapters with an epilogue].

Moscow, Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj.

21. Marx, K. (1959). K kritike politicheskoj e'konomii [Toward a critique of political economy]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 13, pp. 1–167). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

22. Marx, K. (1961a). Kapital. T. 3 [Capital. Vol. 3]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 25, part 1, pp. 29–542). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

23. Marx, K. (1961b). Nabroski otveta na pis'mo V.I. Zasluch [Drafts response to the letter of V.I. Zasluch]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 19, pp. 400–421). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

24. Marx, K. (1962). Pis'mo P.V. Annenkovu [Letter to P.V. Annenkov]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 27, pp. 401–412). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

25. Marx, K. (1968). E'konomicheskie rukopisi 1857–59 godov [Economic manuscripts of 1857–59]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 46, part 1, pp. 3–510). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoj literatury.

26. Marx, K., & Engels F. (1955). Nemeckaya ideologiya [The German ideology]. In K. Marx, & F. Engels, *Sochineniya* (Vol. 3, pp. 7–544). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury.

27. Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskij process i globalizaciya* [Historical process and globalization]. Perm: PGNIU.

28. Orlov, V.V., & Vasilyeva, T.S. (2005). *Filosofiya e'konomiki* [Philosophy of economics]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta.

29. Sayers, S. (2017). Ideya kommunizma [Idea of communism]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 17(1), 7–20.

30. Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A grammar of the multitude: For an analysis of contemporary forms of life]. Moscow: Ad Marginem Press.

Информация об авторе

Юрий Викторович Лоскутов, кандидат философских наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4678-3357>, e-mail: yuri-loskutov@mail.ru

Information about the author

Yuri Viktorovich Loskutov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Perm State University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4678-3357>, e-mail: yuri-loskutov@mail.ru

СИМВОЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИГУРАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ: КОММУНИСТ – РЕВОЛЮЦИОНЕР – БОРЕЦ

Ирина Викторовна Журбина,

Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия,
soloveyIV1@mail.ru

Получена 29.03.2023.

Поступила после рецензирования 06.06.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Журбина И.В. Символизация человека в фигурах политического действия: Коммунист – Революционер – Борец // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 44–60. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_44

Аннотация

Доминирование неолиберализма порождает ситуацию онтологического кризиса, что проявляется в отсутствии активной фигуры, способной продемонстрировать образец человеческого действия, отличный от поведения *homo oeconomicus*. Выход за пределы чисто экономической трактовки открывает новый символический образ Человека, который в современной философии представлен такими фигурами, как Фронтвик, Рабочий (Э. Юнгер, А. де Бенуа), Воин, Солдат (А. Бадью), Патриот, Борец (М. Хардт, А. Негри). Особое место среди них занимает Борец, который является политической фигурой, демонстрирующей новое понимание борьбы. Цель статьи – представить Борца в качестве фигуры, символизирующей сопротивление и/или борьбу людей с глобальным капиталом и его последствиями. Отмечается, что историческими предшественниками Борца являются фигуры Коммуниста (К. Маркс, Ф. Энгельс) и профессионального Революционера (В.И. Ленин). Коммунист – Революционер – Борец рассматриваются в качестве фигур, символизирующих поворот в политической борьбе. При этом у Маркса и Энгельса Коммунист оказывается

© Журбина И.В., 2023

фигурой, посредством которой они утверждают необходимость поворота к идее коммунизма, в то время как профессиональный Революционер у Ленина символизирует поворот к организованной и сознательной классовой борьбе. Особенность Борца заключается в том, что он обозначает переход от политической борьбы против капитала и капиталистической эксплуатации (в марксистско-ленинском понимании) к борьбе за жизнь. Автором статьи рассматриваются два способа современной борьбы: сопротивление разрушительной силе глобализации и борьба индивидов за право на жизнь.

Ключевые слова:

глобализация, неолиберализм, «последний человек», homo oeconomicus, Коммунист, Революционер, Борец.

UDC 323.2

DOI 10.17506/18179568_2023_20_3_44

SYMBOLIZATION OF A PERSON IN POLITICAL ACTION FIGURES: COMMUNIST – REVOLUTIONARY – MILITANT

Irina V. Zhurbina,

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia,
soloveyIV1@mail.ru

Received 29.03.2023.

Revised 06.06.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Zhurbina, I.V. (2023). Symbolization of a Person in Political Action Figures: Communist – Revolutionary – Militant. *Discourse-P*, 20(3), 44–60. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_44

Abstract

The dominance of neoliberalism provokes an ontological crisis, which manifests itself in the absence of an active figure capable of demonstrating a human behavior pattern different from the one of homo oeconomicus. Going beyond the purely economic approach opens up a new symbolic image of Man, which is represented in modern philosophy by such figures as the Frontline Soldier, the Worker (Ernst Jünger, Alen de Benoist), the Warrior, and the Soldier (Alain Badiou), the Patriot and the Militant (Michael Hardt, Antonio Negri). The Militant takes a special place among them being a political figure presenting a new understanding of the political struggle. The objective of this study is to present

the Militant as a figure symbolizing resistance and/or struggle against global capital and its consequences. The article shows that the historical predecessors of the Militant are the figures of the Communist (Karl Marx, Friedrich Engels) and the professional Revolutionary (Vladimir Lenin). Communist – Revolutionary – Militant are seen as figures symbolizing the turn in the political struggle. The Communist in Marx and Engels' doctrine is a figure through which they assert the need for a turn to the idea of communism, whereas in Lenin's works the professional Revolutionary symbolizes a turn to the organized and conscious class struggle. The peculiarity of the Militant as a figure is that it indicates the transition from the political struggle against capital and capitalist exploitation (in the understanding of Marxism-Leninism) to the struggle for life. Two ways of representing the modern struggle are considered: resistance to the destructive force of globalization and the struggle of individuals for the right to life.

Keywords:

globalization, neoliberalism, “the last man”, homo oeconomicus, Communist, Revolutionary, Militant.

Введение

Современный процесс экономической глобализации и неолиберальной «экономизации» мира изменяет представление о человеке. *Homo politicus* не просто полностью вытесняется концептом *homo oeconomicus*, который рассматривается экономической наукой в качестве главного действующего лица, задающего модель поведения человека в обществе (Капелюшников, 2020, с. 9), но неолиберализмом вырабатывается собственное видение экономической составляющей сущности человека. Либеральная модель *homo oeconomicus* в эпоху неолиберализма наделяется новым значением. Здесь сущность человека начинает определяться понятием «человеческий капитал». В классическом либерализме, согласно М. Фуко, *homo oeconomicus* рассматривался как один из двух партнеров в процессе обмена. В неолиберализме он получает иную трактовку, представляется антрепренером, «который сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник дохода» (Фуко, 2010, с. 285).

Структура человеческого капитала уподобляется структуре финансового и инвестиционного капитала, распространяющегося на образование, повышение квалификации, досуг, воспроизводство, потребление и т. д. (Браун, 2018, с. 118). Неолиберализм создает условия для капитализации всего «человеческого», что есть в человеке. Происходит эпистемологический сдвиг в понимании его сущности. Человек начинает мыслиться исключительно как рыночный актор, а его жизнь представляет собой бизнес-проект, ориентированный на постоянное наращивание человеческого капитала. Объем человеческого капитала определяет степень экономической эффективности жизни человека. Модель *homo oeconomicus* задает утилитарное отношение к жизни, в соответствии с которым человек должен руководствоваться личной выгодой. «*Homo oeconomicus* соответствует утилитарная мораль, определяемая выгодой

и удовольствием индивида (в роли производителя – продавца – покупателя) от конкретных экономических обменов, когда в рамках социального атомизма все люди *a priori* квалифицируются как однородные по своей мотивации, целям, опыту» (Мартьянов, 2017, с. 107). Задавая представление о человеке в понятиях экономизации, капитала, монетизации, накопления и т. д., неолиберализм доводит до предела идею человеческого, т. е. все то, что человека делает Человеком с большой буквы. В этом смысле неолиберализм переворачивает «классические ценности гуманизма с ног на голову» (Браун, 2018, с. 107).

Неолиберальная трактовка *homo oeconomicus* возвращает нигилистический образ «последнего человека» Ф. Ницше как «самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя» (Ницше, 1996, с. 11). Такие люди ни о чем не думают и ни к чему не стремятся, довольствуясь малым: уютом и удобством, «ибо им необходимо тепло», безопасностью, «ибо ходят они осмотрительно», и развлечением, которое бы «не утомляло их» (с. 11–12). Если Ф. Фукуяма говорит о том, что в силу своей неспособности «ощутить стыд за неумение подняться над своими желаниями» «последний человек перестает быть человеком» (Фукуяма, 2015, с. 13), то А. Бадью считает, что последний человек, демонстрирующий формулу спокойной жизни «комфорт + немножко удовольствия + оставьте меня в покое» (Бадью, 2008, с. 172), переходит в сферу нечеловеческого, где присутствует только застывшая природа человека-животного. «Капитализм – это оскотинивание животного «человек», которое живет теперь лишь по своим интересам, в соответствии с тем, что считает достойным себя. Крайне опасное оскотинивание, ведь оно лишено и веры, и закона» (Бадью, 2013b, с. 49). С одной стороны, такого рода возвращение свидетельствует о ситуации кризиса, который выражается в первую очередь в отсутствии активной фигуры, способной продемонстрировать образец человеческого действия, отличный от поведения *homo oeconomicus*. С другой стороны, ситуация кризиса имеет и позитивное значение, поскольку указывает на предельное состояние, в котором происходит возвращение к нигилистическому образу «последнего человека», но здесь возвращение аналогично акту философской рефлексии.

Философская рефлексия дает возможность по-новому взглянуть на проблему человека, т. е. выйти за пределы чисто экономической трактовки, ограничивающей представление рамками прагматизма и утилитаризма, с присущей им инстинктивной страстью к накоплению богатства, денег и других материальных благ. В этом случае выход за пределы экономической трактовки человека в терминах человеческого капитала, монетизации, накопления позволяет совершить «поворот» от реального мира капитала, в котором доминирует модель *homo oeconomicus*, к миру идей. Из всех сфер знания такой «поворот» может совершить только философия, которая по праву считается областью знания, относящейся к сфере бытия идей. С одной стороны, философия демонстрирует бесконечную способность человеческого мышления преодолевать границы действительности такой, «какая она есть на самом деле», и выходить в сферу идеального. С другой – философия сочетает в себе фигуральность мысли с поэтической образностью языка, создающего словесные фигуры, имеющие переносное значение. В силу своей специфики философия способна сконструировать

ровать символический образ Человека, возвышающий его над самим собой как трудящимся животным, занятым исключительно увеличением капитала.

В связи с этим особую эвристическую значимость приобретают философские концепции, возвышающие человека до фигуры Человека. Таким представлениям соответствуют Фронтвик и Рабочий Э. Юнгера (2000) и их современная интерпретация А. де Бенуа (2021), Воин и Солдат А. Бадью (2013а), Патриот и Борец М. Хардта и А. Негри (2004, 2006) и др. В этих концепциях человек представляется фигурой не только символической, олицетворяющей собой дух труда (Рабочий), политической борьбы (Патриот, Борец), но и героической (Воин, Солдат, Фронтвик).

Ситуация кризиса, спровоцированная неолиберальным концептом *homo oeconomicus*, приобретает иное значение. Древнегреческое слово κρίσις может использоваться не в значении судебного разбирательства, следствия и осуждения, а в значении толкования¹. В этом случае философская рефлексия вовлекает концепт человека в поле интерпретации таким образом, что фигуральность философской мысли и поэтическая образность языка философии создают новый символический образ Человека как фигуры действия.

Цель работы – представить Борца в качестве фигуры, символизирующей сопротивление и/или борьбу людей с глобальным капиталом и его последствиями. Обращение к данной символической фигуре объясняется тем, что в деполитизированном мире глобальной экономики она в полной мере олицетворяет борьбу, имеющую политический смысл.

Исторические предшественники Борца: фигуры Коммуниста и профессионального Революционера

Борьба *против* капитала и эксплуатации традиционно связывалась с такими политическими фигурами, как *Коммунист* и *Революционер*. В работе М. Хардта и А. Негри они оказываются фигурами, от которых «отталкиваются» исследователи, образуя круг интерпретации фигуры Борца, поскольку именно Коммунист и Революционер в XIX–XX вв. олицетворяли собой коллективную борьбу рабочего класса. «На протяжении всего этого долгого периода деятельность борца состояла, прежде всего, из практик сопротивления капиталистической эксплуатации на производстве и в обществе. <...> Бросая вызов цинизму буржуазии, денежному отчуждению, экспроприации жизни, эксплуатации труда, колонизации чувств и тому, что им сопутствует, борец шел на бой. В мятеже проявлял он свою гордость. Вновь и вновь представал он в облике мученика в трагической истории коммунистической борьбы» (Хардт, Негри, 2004, с. 379).

Одной из первых фигур, предшествующих Борцу, является Коммунист К. Маркса и Ф. Энгельса, представленный в Манифесте Коммунистической партии 1848 г. В современной социальной философии «академическая мода» на интерпретацию Маркса появилась тогда, когда марксизм уже потерпел историческое поражение (Бадью, 2005, с. 39). Постмарксистская традиция представляет множество не связанных друг с другом «Марксов», каждый

¹ Вейсман, А. Д. (1991). *Греческо-русский словарь* (с. 732). М.: ГЛК.

из которых лишен политического смысла. Это «Маркс культурологии, Маркс постмодернистских софистов, Маркс мессианских пророчеств, санированный Маркс – «классик» социальной теории, наконец, Маркс, о котором говорят даже на Уолл-стрит как о предсказателе современной глобализации» (Горных, 2017, с. 220). Однако в эпоху глобализации, когда экономическое поглощает политическое, Коммунист вновь обретает свою актуальность в качестве символической фигуры, открывающей нам возможность понять смысл современной фигуры Борца. Фигура Коммуниста не столько символизирует прошлое, сколько позволяет по-новому взглянуть на современную практику сопротивления капиталу и эксплуатации. Если в работе М. Хардта и А. Негри Коммунист присутствует в общем контексте, то в данном случае мы рассматриваем Коммуниста, Революционера и Борца в качестве фигур, каждая из которых становится символом «поворота» в политической борьбе.

У Маркса и Энгельса Коммунист является «поворотной» фигурой, посредством которой они заявляют о необходимости перехода от идей реакционного, консервативного и утопического социализма, уже не актуальных в силу своей оторванности от освободительного движения рабочего класса, к идее коммунизма, еще не полностью определившейся. Призрачность самой идеи коммунизма превращает Коммуниста в фигуру, обращенную к будущему, в сторону коммунистической идеи. «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 423). В этом смысле Манифест можно рассматривать как декларативное заявление о появлении новой фигуры, в которой призрачная идея коммунизма как бы обретает реальность. «Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии» (с. 423). Коммунист представляется фигурой коллективной, которая в Манифесте употребляется преимущественно во множественном числе, т. е. Маркс и Энгельс пишут о коммунистах. Это существительное имеет собирательное значение. Употребление имени существительного с собирательным значением позволяет множественным числом называть целое, тем самым создавая единый образ передовой части рабочих, находящихся в авангарде борьбы с буржуазией. Использование множественного числа подчеркивает в первую очередь количественный аспект, выражающий силу и мощь самой фигуры Коммуниста.

Смысл этой фигуры раскрывается Марксом и Энгельсом через системы отношений «буржуа – пролетарии» и «пролетарии – коммунисты». В первой системе Коммунист оказывается фигурой массового подъема пролетариата, смысл которого выражается призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 459). Обращаясь к этимологии слова «пролетарий» и его использованию в марксистской философии, Ж. Рансьер отмечает, что в латинском языке *proles* изначально означает «потомство», а *proletarii* – «те, кто воспроизводит себя; те, кто просто живут и воспроизводят себя, не обладая именем и не передавая его» (Рансьер, 2006, с. 104). Латинское *proletarii* является именем единственного-множественного числа, обозначающим безымянное множество всех, кто несет в себе потенциальную способность уничтожения классового строя. Для демонстрации этой потенциальной способности требу-

ется фигура Коммуниста, выступающая символом актуализации силы пролетариата, его способности разрушить господство капитала и власть буржуазии.

Задаваясь вопросом, в каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще, Маркс и Энгельс связывают с фигурой Коммуниста организацию революции, которая начинается с превращения пролетариата в господствующий класс, а заканчивается насильственным ниспровержением существующего общественного строя и завоеванием пролетариатом политической власти (Маркс, Энгельс, 1955, с. 437–438). Сам Манифест Коммунистической партии и есть, в прямом смысле слова, призыв к пролетарской революции под руководством коммунистов как носителей коммунистической идеи Маркса и Энгельса.

Это значит, что смысл отношений «пролетарии – коммунисты» можно понять через другую систему, а именно как систему отношений «коммунисты – Маркс и Энгельс». В этом случае Коммунист представляется идейным марксистом. Знание коммунистами теории научного коммунизма Маркса и Энгельса, истории борьбы классов, а также понимание революционной роли пролетариата позволяют коммунистам выступать в роли идейных борцов. Распространяя идеи Маркса и Энгельса в среде пролетариата как единственно революционного класса, Коммунист открыто заявляет о необходимости коммунистической революции. В Манифесте Коммунистической партии он говорит голосами Маркса и Энгельса: «Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим...»; «Мы вовсе не намерены...» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 438–439); «Но не спорьте с нами...»; «Мы сознаемся в этом...» (с. 443) и т. д. Представляя собой сторонника и/или носителя идеи коммунизма, Коммунист становится понятием, тождественным понятию «марксист». Это значит, что быть Коммунистом означает быть марксистом, а быть марксистом означает являться революционером. Три понятия отождествляются между собой: Коммунист = марксист = революционер. В данном случае идейность оказывается основой революционной активности Коммуниста, а Коммунист – образцом идейности. Он является фигурой, показывающей не просто действенность идей в политике, но в первую очередь силу действия идеи коммунизма. Таким образом, у Маркса и Энгельса выделяются три ипостаси одной фигуры Коммуниста, который является одновременно революционером, марксистом и идейным борцом, т. е. символом самой идеи коммунизма.

В своей работе 1902 г. «Что делать?» Ленин создает политическую фигуру профессионального *Революционера*, символизирующего идею борьбы рабочего класса с капиталом начала XX в. В современной социальной философии возвращение к работам Ленина объясняется попыткой, во-первых, «сопоставить ряд вопросов, рождающихся из ленинской мысли, с проблематикой, с которой мы сегодня сталкиваемся в классовой борьбе» (Негри, 2017, с. 9; Negri, 2014), во-вторых, заново ответить на вопрос «что делать?» (Нанси, 2017). Профессиональный Революционер у Ленина также является «поворотной» фигурой, посредством которой он показывает необходимость перехода от стихийной экономической борьбы, кустарничества экономистов к организованной и сознательной классовой борьбе под руководством организации профессиональных революционеров, чья деятельность направлена на свершение политической революции.

Фигуру профессионального Революционера Ленин соотносит с будущим социал-демократии в России. «Из области истории мы переходим здесь в область

настоящего, отчасти будущего» (Ленин, 1963, с. 182). В момент написания работы Лениным фигура профессионального Революционера является всего лишь предметом его мечтаний: «Вот о чем надо мечтать!» (с. 171). Ссылаясь на работу Д.И. Писарева «Промахи незрелой мысли», Ленин обосновывает свой призыв «Надо мечтать!» тем, что мечта, обращенная в будущее, обгоняет естественный ход событий, позволяет человеку, забегая вперед, созерцать созданный им образ. Существование «разрыва» между мечтой и действительностью открывает возможность мечтающей личности работать над осуществлением своих фантазий, приближая момент соприкосновения мечты и жизни (с. 171).

Мечты Ленина о профессиональном Революционере обусловлены конкретной исторической ситуацией, а именно отставанием руководителей революционного движения («идеологов», революционеров, социал-демократов) от стихийного подъема народных масс. В связи с этим Ленин пишет: «...стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности» (Ленин, 1963, с. 52). Сущностная характеристика профессионального Революционера – политическое сознание, которое Ленин рассматривает как сознание антагонизма существующему политическому порядку (Лазарюс, 2017). Уровень воспитанности политического сознания определяет иерархию руководителей революционного движения. Революционер не является у Ленина целостной фигурой. Выделяются его разные ипостаси – теоретик/идеолог, организатор, агитатор, пропагандист, агент влияния на цеховые союзы, развозчик и т. д., опираясь на которые Ленин говорит о специализации и профессиональной дифференциации деятельности революционеров (с. 82). Чем более воспитано у Революционера политическое сознание, тем яснее он осознает необходимость свершения пролетарской революции и тем более высокое положение занимает в иерархии ее руководителей.

На верхнем уровне находятся вожди революции, которые являются теоретиками-идеологами и организаторами, направляющими массовое движение и управляющими революционной борьбой. Ленин под вождями революции понимал узкий круг профессионально подготовленных революционеров, имеющих практический опыт политической борьбы и руководствующихся теорией марксизма. В этот круг входят в основном интеллигенты, пробуждающие во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть политических обличений. Ниже находится более широкий, но, как отмечает Ленин, ограниченный круг агитаторов из рабочих, выдающихся своими способностями, а также студентов, учащейся молодежи и т. д. Ответственность за воспитание политического сознания революционеров-агитаторов Ленин возлагает на интеллигенцию, которая должна распространять теорию марксизма среди широких масс населения, используя не только «легальную», но и «нелегальную» марксистскую литературу, выполняющую функцию теоретической основы революционной деятельности: «...марксизм дает... гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса!» (Ленин, 1963, с. 48). Агитатор занимается обличением политического угнетения, полицейского гнета и самодержавного бесчинства. С одной стороны, он должен пробуждать в народных массах мысль о негодности всего политического строя, с другой – должен уметь

вызывать у народа отклик на все конкретные случаи произвола, насилия и злоупотребления (с. 58). Ленин указывает на необходимость агитации по поводу каждого конкретного проявления угнетения, показывая на конкретных примерах, как угнетение проявляется в самых различных областях жизни – общественной, политической, профессиональной, семейной и т.д. Выполняя роль агитатора, профессиональный Революционер воспитывает политическое сознание масс, повышает их революционную активность, побуждая к участию в собраниях, стачках, манифестациях, демонстрациях и т.д.

Иерархическая система Ленина предполагает, что рабочие будут подниматься до уровня интеллигентов, образуя с ними замкнутый круг тех, кого он и называет профессиональными Революционерами. В этом кругу стираются не только какие-либо различия между рабочими и интеллигенцией, но и отсутствуют профессиональные различия. Профессиональный Революционер посвящает свою жизнь делу служения революции, т.е. он сознательно отказывается от профессии и семьи, переходит на нелегальное положение и живет на средства партии (Ленин, 1963, с. 132). В этом смысле Ленин возвышает его над прозой жизни с ее повседневным ритмом (работа) и заботами (семья). Само представление о профессиональном Революционере он относит к «десятк» испытанных и профессионально вышколенных деятелей революции (с. 126).

В работе «Что делать?» Ленин формулирует для замкнутого на самом себе круга профессиональных Революционеров особую форму жизни – *forma vitae*, которая состоит из суммы его дисциплинированных действий (Ермаков, 2017, с. 58). Профессией Революционера становится *борьба* в широком смысле слова. Это борьба против капитала, самодержавия и политической полиции, а также борьба за саму возможность массовой политики. «Профессиональный революционер является столь же нападающим, сколь и защитником: его задача не только привнести сознание антагонизма, но и защитить от полиции возможную массовую политику – например, как указывает Ленин, обеспечивая конспиративность подготовки рабочих выступлений или последующее распространение информации о них в условиях государственного контроля над прессой» (с. 63). Таким образом, у Ленина профессиональный Революционер является фигурой периода подъема народных масс и организации революции. Если у фигуры Коммуниста идейность является основой политической активности, то Ленин формулирует образец дисциплинированного политического действия.

В настоящее время возвращение исследователей к идее коммунизма является своего рода реакцией на идеологию неолиберализма с ее ориентацией на глобальную экономику, провоцирующую появление в мире радикального неравенства. Актуальным становится вопрос: «Существует ли... такая возможность организации человеческой коллективности, которая бы радикально отличалась от существующей ныне?» (Бадью, 2013b, с. 50). В то же время проводится различие между существительным «коммунизм» и прилагательным «коммунистический», отсылающим к таким понятиям, как «коммунистическая партия» и «коммунистическое государство», непосредственно связанным с массовыми арестами, партийными чистками и т.д. Современная идея коммунизма перестает рассматриваться в качестве программы действия, она определяется как гипотеза или интеллектуальная схема, позволяющая рассуждать о возможности

установления равенства без ограничений (Badiou, 2010, p. 259). В связи с этим изменяется представление и о Коммунисте, который является перформативной фигурой, сформированной позициями множества индивидов, сделавших свой выбор в пользу идеи коммунизма. Основной становится проблема определения социальных основ современной фигуры Коммуниста, т. е. установления всех тех, кто способен утвердительно ответить на вопрос: «Вы коммунист?» В этом смысле будущее идеи коммунизма туманно и неопределенно, поскольку ее сторонниками являются в основном «пришлые пролетарии», т. е. рабочие иностранного происхождения, которые вновь задаются поставленным в начале XX в. ленинским вопросом «что делать?»

Фигура Борца: революционный «поворот» к борьбе за идею жизни

В эпоху глобальной экономики «поворотной» фигурой становится Борец. В данном случае это собирательный образ, символизирующий политическую жизнь множества (*multitude*) как нового субъекта, который пришел на смену марксовскому пролетариату. У М. Хардта и А. Негри «множество» оказывается всеохватывающим понятием с открытыми границами, обозначающим неопределенную численность многоликого общества (Хардт, Негри, 2006, с. 4). Борьба неопределенного множества и представляется фигурой Борца. «В эпоху постсовременности, когда исчезает образ народа, только борец выражает жизнь масс с наибольшей полнотой» (Хардт, Негри, 2004, с. 378).

Символизм Борца заключается в том, что это понятие обозначает того, кто борется за что-то, например, за свободу, равенство, братство как идеалы Великой Французской революции, за коммунизм, социализм и т. д. Но также им обозначается борьба против чего-то – против угнетения, эксплуатации, насилия, рабства, социальной несправедливости и т. д., что символизировали фигуры Коммуниста и профессионального Революционера. Особенность Борца заключается в том, что он обозначает переход от политической борьбы против капитала, капиталистов и капиталистической эксплуатации, в марксистском и марксистско-ленинском их понимании, к борьбе за жизнь, которая в современных условиях приобретает политический смысл. Борец изменяет смысл понятия «борьба», которая начинает рассматриваться как позитивная созидательная деятельность (Хардт, Негри, 2004, с. 379).

Борьба за жизнь – это единственное, что остается множеству людей, поскольку глобальный характер капитала, его тотальная власть показывают бессмысленность и бесперспективность любой политической борьбы с ним. Смысл революционного поворота, совершаемого Борцом, заключается в возвращении человека к идее жизни как таковой, со всеми ее благами и радостями, к жизни, существующей в своей простоте и невинности. Поэтому борьба за жизнь разворачивается в двух направлениях: с одной стороны, Борец демонстрирует сопротивление жизни разрушительной силе глобализации, которое выражается в борьбе множества людей с ее экономическими последствиями, с другой – Борец олицетворяет собой борьбу множества индивидов за право на жизнь.

Первый вариант – сопротивление разрушительной силе глобализации – раскрывается Н. Кляйн, которая не использует напрямую понятие «Борец»,

но в ее концепции мы можем обнаружить контуры этой фигуры (Кляйн, 2009). Здесь Борец является символом сопротивления множества людей, переживших шоковую терапию экономической глобализации, а именно приватизацию, отмену государственного контроля, резкое снижение затрат на социальную сферу и др. Особенность экономической глобализации заключается в том, что она оставляет после себя обломки былой инфраструктуры, которые можно обнаружить во множестве разных стран: заброшенные индустриальные пригороды, разоренные предприятия и хозяйства, участки необработанной земли. Концепция свободного рынка М. Фридмана, выраженная общим тезисом «капитализм и свобода – это две части одного неделимого проекта» (Фридман, 2006), не создает гармоничную экономику, а превращает богатых в чрезвычайно богатых людей, а организованный рабочий класс – в бедняков. Поэтому в рамках глобальной экономики процесс пролетаризации приобретает тотальный характер. Пролетаризированной оказывается не только сфера труда, где понятие «пролетариат» включает в себя всех, кто подвергается эксплуатации и трудится под властью капитала, но и сама сфера жизни. Представление о пролетариате больше не ограничивается учением К. Маркса и Ф. Энгельса о промышленном рабочем, образ которого относится к эпохе первоначального накопления капитала, когда происходило отделение непосредственного производителя от средств производства.

Суть современной пролетаризации выражается именем «бедняк», объединяющим массу неимущих людей, которые одновременно включены в процесс производства капитала, но не имеют доступа к богатствам (Хардт, Негри, 2006, с. 189). В современном мире капитал выполняет функцию линии, разделяющей человеческое существование на две части. Она принимает вид бюрократического контроля, колючей проволоки, морских патрулей, права высылки нелегалов и т. д. Линия, прочерченная капиталом, разделяет мир наслаждения богатых и мир желания бедных. В мире капитала бедняк становится предельным именем, обозначающим недифференцированную массу «всех тех, кто и внутри истинного мира, кто извне, за стеной или колючей проволокой; и не суть важно, идет ли речь о крестьянах, прозябающих в тысячелетней нищете, или горожанах, ютящихся в фавелах, пригородах, городках, общежитиях, самовольно занятых домах и бидонвилях» (Бадью, 2008, с. 72).

Сопrotивление появляется тогда, когда у населения проходит оцепенение от шока глобализации и возникает понимание, что помощи ждать больше неоткуда. С этого момента люди начинают задаваться собственно политическими вопросами, предельным из которых становится вопрос: «Как жить дальше?» Это инициирует цепочку других вопросов и рассуждений: «Что мы можем сделать сами?»; «Что можно сделать прямо сейчас, чтобы восстановить наше местное общество, несмотря на деятельность правительства?» (Кляйн, 2009, с. 612). Вопрос обращает людей к самим себе как активным борцам за свою жизнь. Борьба с последствиями глобализации представляется как организованный процесс, возникающий по инициативе людей. В этом случае фигура Борца показывает активность сопротивления разрушительной силе глобального капитала на локальном уровне жизни сообщества. Борьба за жизнь разворачивается в первую очередь в сфере хозяйственной деятельности. Такая деятельность организуется людьми по принципу самоуправления, когда процессом восстанов-

ления руководят те же люди, которые пострадали от катастрофы. «Участники такой реконструкции говорят, что они не просто восстанавливают дома, но исцеляют сами себя» (с. 613). Борьба за жизнь означает разобрать обломки глобализации и снова заставить работать заброшенные предприятия, хозяйства, земельные участки и т. д. Борец становится символом самоорганизующейся активности местных сообществ Бразилии, Венесуэлы, Аргентины, Таиланда, Нового Орлеана (США) и т. д. «В Бразилии активисты и разорившиеся фермеры объединились в «Движение безземельных людей», которое создало сотни кооперативов для освоения неиспользованных земель. В Аргентине это движение «восстановленных компаний» – двух сотен обанкротившихся предприятий, которые превратились в кооперативы с демократическим управлением» (с. 598).

Хозяйственная деятельность местных сообществ (кооперации фермеров, кооперативы рабочих, объединенные поселения) приобретает политический смысл. Политическое мышление занятых хозяйственной деятельностью людей можно выразить аристотелевским понятием «рассудительность» (φρόνησις). У Аристотеля рассудительность аналогична здравомыслию или житейской мудрости, которая проявляет себя в привычке рассуждать о мере собственности, необходимой для благополучной жизни сообщества. «Рассудительность же связана с человеческими делами и с тем, о чем можно принимать решение; мы утверждаем, что дело рассудительного – это прежде всего разумно принимать решения» (Аристотель, 2011, с. 166). Рассудительность или практический ум формирует представление о мере, которая должна проявляться в сфере хозяйствования, ограниченной вопросами приобретения, пользования и управления имуществом. В данном варианте Борец является символом восстановления и противодействия разрушительной силе экономической глобализации, олицетворением мечты о жизни без лишений и невзгод. Борец показывает, что разрушительная сила вызывает равное по силе противодействие людей, борющихся за жизнь. Однако здесь понятия «жизнь» и «борьба» меняются местами и «переворачиваются». Тезис «жизнь – это борьба» оборачивается своей противоположностью, а именно представлением, что «борьба – это и есть жизнь». В эпоху диктата глобальной экономики не бороться, т. е. не оказывать сопротивление, означает не жить.

Второй вариант – борьба множества индивидов за право на жизнь – раскрывают в своей концепции М. Хардт и А. Негри, у которых Борец становится символом всех, кого глобализация лишает прав. Эту борьбу они представляют на основе легенды о святом Франциске Ассизском, победившем нищету масс, приняв ее как данность – со смиренным согласием (Хардт, Негри, 2004, с. 380). Такая борьба сводится, во-первых, к борьбе за глобальное гражданство рабочих, участвующих в создании капитала. Например, лозунг «Документы для всех!» становится требованием предоставления в полном объеме гражданских прав трудящимся-иммигрантам (с. 368). Во-вторых, разворачивается как борьба за право на репроприацию – право обретения заново средств производства. В данном случае репроприация означает получение свободного доступа к знанию, информации и коммуникации, используемым в процессе производства, и возможности самим их контролировать. К такой борьбе относится, например, «Движение за свободные программы». В-третьих, борьба за жизнь выражается

в борьбе за социальную заработную плату и гарантированный доход (с. 366–374). Одной из ее форм становится борьба за «пособие на существование», которая показывает, что человеческая жизнь возможна и за пределами капитала.

Требование «пособие на существование» выдвигают различные общественные силы – от представителей профсоюзов, женских и благотворительных организаций до союзов безработных и мигрантов. Здесь понятие «пособие» приобретает широкое значение и утрачивает смысл денег, которые выделяются безработным на потребительские расходы. Борьба за «пособие на существование» демонстрирует, что пособие, абсолютно бесполезное для рыночной реализации капитала, имеет значение для деятельности вне рынка, вне конкуренции и нормированной работы. Такое пособие поддерживает жизнь как таковую: «Мы имеем право на социальное существование, не исчерпывающееся этой трудовой деятельностью и не совпадающее с ней» (Горц, 2010, с. 101). В этом варианте фигура Борца обращает человека к жизни, представленной во всем многообразии форм деятельности, лежащих за пределами труда, капитала и рынка. Борец призывает людей смириться с диктатом глобальной экономики и научиться получать от нее радость, тем самым как бы призывая: «Люби жизнь такой, какая она есть», что означает «Живи! Радуйся жизни!»/«Просто живи!»

Заключение

В современной социальной философии Борца можно рассматривать в качестве символической фигуры эпохи глобального капитала и тотальной пролетаризации жизни, которая пришла на смену таким фигурам XIX–XX вв., как Коммунист и Революционер. Обращение к фигурам Коммуниста и профессионального Революционера позволяет понять смысл революционного «поворота», совершаемого Борцом. Если в Манифесте Коммунистической партии Маркса и Энгельса Коммунист представляется фигурой, обозначающей переход к идее коммунизма, то у Ленина профессиональный Революционер олицетворяет собой «поворот» к организованной и сознательной классовой борьбе. Эти фигуры символизируют идейность (Коммунист) и дисциплинированность (Революционер) политического действия. Коммунист и профессиональный Революционер возвышаются над прозой жизни с ее повседневным ритмом (работа) и заботами (семья). Они показывают, что революционная активность непосредственно зависит от уровня политического (со)знания, который определяется степенью знания марксистской теории. С одной стороны, чем глубже социальный кризис, тем сильнее возникает потребность в возвращении к идеям Маркса и Энгельса и к образу Коммуниста, символизирующему борьбу с экономической эксплуатацией и социальным неравенством. С другой стороны, историческое поражение марксизма – исчезновение социалистических государств, политических движений, имеющих референтом рабочих класс, а также самого революционно настроенного рабочего класса – позволяет исследователям говорить о «смерти марксизма» как политической теории. При этом идея коммунизма не исчезла, в современном мире она существует как гипотеза, позволяющая рассуждать о социальном равенстве как некой возможности.

Борец, совершающий революционный «поворот» в сторону жизни, демонстрирует полную победу капитализма и капитала, показывая невозможность возвращения к традиционным формам революционного действия, а также бессмысленность и бесполезность какой-либо политической борьбы. В фигуре Борца коммунистическая идея освобождения человека от власти капитала в ее марксистской трактовке оборачивается своей противоположностью – идеей признания нищеты масс в условиях полной и окончательной победы капитала в глобальном масштабе. Борец показывает, что высшим идеалом жизни может быть только сама жизнь, а гарантом такого подхода становится рассудительность множества людей, чье здравомыслие помогает им понять, что единственным политическим действием является восстановление жизни такой, «какая она есть на самом деле», и борьба за право организовывать жизнь по своему разумению. Так Борец превращает сопротивление или бунт против глобального капитала «в проект любви» к жизни, смысл которой определяется по ту сторону рынка, конкуренции и денег.

Список литературы

1. Аристотель. (2011). Никомахова этика. В Аристотель, *Этика* (с. 39–280). М.: АСТ: Астрель.
2. Бадью, А. (2005). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
3. Бадью, А. (2008). *Обстоятельства, 4: Что именует имя Саркози?* СПб.: Академия исследования культуры.
4. Бадью, А. (2013a). Фигура Солдата. В А. Бадью, *Загадочное отношение философии и политики* (с. 55–80). М.: Институт общегуманитарных исследований.
5. Бадью, А. (2013b). *Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью*. М.: Институт общегуманитарных исследований.
6. Бенуа, А. (2021). *Фигура рабочего: между богами и титанами*. М.: Тотенбург.
7. Браун, В. (2018). Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта. *Неприкосновенный запас*, (4), 99–129.
8. Горных, А. (2017). Империализм сегодня (рецензия на книгу «Lenin Reloaded: Toward a Politics of Truth»). *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 219–227.
9. Горц, А. (2010). *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Издательский дом ВШЭ.
10. Ермаков, С. (2017). Биохронополитика: Ленин глазами Агамбена. *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 46–68.
11. Капельюшников, Р. И. (2020). Кто такой Номо oeconomicus? *Экономическая политика*, 15(1), 8–39. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-1-8-39>
12. Кляйн, Н. (2009). *Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф*. М.: Добрая книга.

13. Лазарюс, С. (2017). Ленин и время (фрагменты). *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 24–45.
14. Ленин, В.И. (1963). Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. В В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений: в 55 т.* (Т. 6, с. 1–192). М.: Госполитиздат.
15. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Полное собрание сочинений: в 39 т.* (Т. 4, с. 419–459). М.: Политиздат.
16. Мартьянов, В.С. (2017). Политические пределы homo economicus. *Общественные науки и современность*, (2), 104–118.
17. Нанси, Ж.-Л. (2017). Что делать? (фрагменты). *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 89–94.
18. Негри, А. (2017). К марксистскому прочтению марксизма Ленина. *Синий диван. Философско-теоретический журнал*, (22), 9–23.
19. Ницше, Ф. (1996). Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. В Ф. Ницше, *Сочинения: в 2 т.* (Т. 2, с. 5–257). М.: Мысль.
20. Рансьер, Ж. (2006). *На краю политического*. М.: Параксис.
21. Фридман, М. (2006). *Капитализм и свобода*. М.: Новое издательство.
22. Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука.
23. Фукуяма, Ф. (2015). *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ.
24. Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
25. Хардт, М., Негри, А. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
26. Юнгер, Э. (2000). *Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли*. СПб.: Наука.
27. Badiou, A. (2010). *The communist hypothesis*. London, New York: Verso.
28. Negri, A. (2014). *Factory of strategy: Thirty-three lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.

References

1. Aristotle. (2011). *Nikomahova jetika* [Nicomachean ethics]. In Aristotle, *Etika* (pp. 39–280). Moscow: AST: Astrel'.
2. Badiou, A. (2005). *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Metapolitics: Can politics be thought?]. Moscow: Logos.
3. Badiou, A. (2008). *Obstojatel'stva, 4: Chto imenuet imja Sarkozi?* [The Meaning of Sarkozy]. Saint Petersburg: Akademija issledovanija kul'tury.
4. Badiou, A. (2010). *The communist hypothesis*. London, New York: Verso.
5. Badiou, A. (2013a). *Figura Soldata* [The figure of a Soldier]. In A. Badiou, *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki* (pp. 55–80). Moscow: Institut obshhegumanitarnyh issledovanij.
6. Badiou, A. (2013b). *Filosofija i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiju Alena Bad'ju* [Philosophy and the Event]. Moscow: Institut obshhegumanitarnyh

issledovanij.

7. Benoist, A. (2021). *Figura rabochego: mezhdu bogami i titanami* [The figure of the worker between the gods and the titans]. Moscow: Totenburg.
8. Brown, V. (2018). Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovyvaet gosudarstvo i sub'ekta [The destruction of democracy: How neoliberalism transforms the state and the actor]. *Neprikosnovennyj zapas*, (4), 99–129.
9. Ermakov, S. (2017). Biohronopolitika: Lenin glazami Agambena [Biochronopolitics: Lenin through the eyes of Agamben]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 46–68.
10. Foucault, M. (2010). *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyx v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of bio-politics: Lecture at the Collège de France, 1978–1979]. Saint Petersburg: Nauka.
11. Friedman, M. (2006). *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and freedom]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
12. Fukuyama, F. (2015). *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow: AST.
13. Gornyx, A. (2017). Imperializm segodnya (recenziya na knigu "Lenin Reloaded: Toward a Politics of Truth") [Imperialism today (book review "Lenin Reloaded: Toward a Politics of Truth")]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 219–227.
14. Gorz, A. (2010). *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The immaterial: Knowledge, value and capital]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.
15. Hardt, M., & Negri, A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praksis.
16. Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii* [Multitude. War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija.
17. Jünger, E. (2000). *Rabochij. Gospodstvo geshtal't; Total'naya mobilizaciya; O boli* [The worker. Domination and gestalt; Total mobilization; On pain]. Saint Petersburg: Nauka.
18. Kapeliushnikov, R.I. (2020). Kto takoj Homo oeconomicus? [Who is homo oeconomicus?]. *Ekonomicheskaja politika*, 15(1), 8–39. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-1-8-39>
19. Klein, N. (2009). *Doktrina shoka. Rascvet kapitalizma katastrof* [The shock doctrine: The rise of disaster capitalism]. Moscow: Dobraja kniga.
20. Lazarus, S. (2017). Lenin i vremena (fragmenty) [Lenin and time (fragments)]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 24–45.
21. Lenin, V.I. (1963). Chto delat'? Nabolevshie voprosy nashego dvizhenija [What is to be done? Burning questions of our movement]. In V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t.* (Vol. 6, pp. 1–192). Moscow: Gospolitizdat.
22. Martjanov, V.S. (2017). Politicheskie predely homo economicus [The political limits of "homo economicus"]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, (2), 104–118.
23. Marx, K., & Engels, F. (1955). Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. In K. Marx, & F. Engels, *Polnoe sobranie sochinenij: v 39 t.* (Vol. 4, pp. 419–459). Moscow: Politizdat.
24. Nancy, J.-L. (2017). Chto delat'? (fragmenty) [What is to be done? (fragments)]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 89–94.

25. Negri A. (2014). *Factory of strategy: Thirty-three lessons on Lenin*. New York: Columbia University Press.
26. Negri, A. (2017). К марксистскому прочтению марксизма Ленина [Toward a Marxist reading of Lenin's Marxism]. *Sinij divan. Filosofsko-teoreticheskij zhurnal*, (22), 9–23.
27. Nietzsche, F. (1996). Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [Thus spoke Zarathustra]. In F. Nietzsche, *Sochineniya: v 2 t.* (Vol. 2, pp. 5–257). Moscow: Mysl'.
28. Ranciere, J. (2006). *Na krayu politicheskogo* [On the shores of politics]. Moscow: Paraksis.

Информация об авторе

Ирина Викторовна Журбина, кандидат философских наук, доцент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0416-4665>, e-mail: soloveyIV1@mail.ru

Information about the author

Irina Victorovna Zhurbina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0416-4665>, e-mail: soloveyIV1@mail.ru

УДК 316.75+791.43-2

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_61

НЕ НОВАЯ: ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН В СОВЕТСКОМ ИГРОВОМ КИНО 1920-Х ГГ.

Мария Владимировна Воробьева,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vorobyova-mariya@yandex.ru

Елена Сергеевна Кочухова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
elena.kochukhova@yandex.ru

Получена 24.05.2023.

Поступила после рецензирования 03.07.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Воробьева М.В., Кочухова Е.С. Не новая: образы женщин в советском игровом кино 1920-х гг. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 61–80. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_61

Аннотация

Концепция «новой женщины» выступает объектом возрастающего интереса со стороны исследователей советского и рассматривается в качестве одного из ключевых элементов социально-антропологического проекта «нового человека». Учеными изучается сама концепция, а также ее репрезентация в плакатах, публицистике, литературе и т. д. Цель статьи – определить, в каком качестве образ «новой женщины»

© Воробьева М.В., Кочухова Е.С., 2023

был востребован в кино 1920-х гг. Авторами характеризуются ключевые составляющие политики по решению «женского вопроса» и особенности киноиндустрии исследуемого периода. Проводится обзор главных и второстепенных героинь 14 художественных фильмов (в выборке представлено кино о городской жизни в СССР, снятое студиями русскоязычных республик). Полученные в ходе исследования результаты позволяют заключить, что ни одна из киногероинь не вобрала в себя все ключевые черты «новой женщины», однако представлена череда женских образов, где новизна явлена разными гранями. В статье выстраивается символическая иерархия свойств «новой женщины». Экономическая самостоятельность является необходимым, но недостаточным условием эмансипации. Эта характеристика должна дополняться психологической независимостью и демонстрацией готовности менять свою жизнь и, что важно, жизнь других, подключаясь к общественной работе. Следование либеральной половой морали, оторванность от семьи – черты «новой женщины», которые являются для героинь возможными, но не обязательными. Делается вывод, что среди проанализированных героинь преобладают «не новые» образы. Определяются возможные причины, почему образ «новой женщины» не был преобладающим в художественном кино 1920-х гг.

Ключевые слова:

визуальные исследования, антропология советского, советское кино 1920-х гг., «новая женщина», советская женщина.

UDC 316.75+791.43-2

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_61

NOT NEW: IMAGES OF WOMEN IN SOVIET FEATURE FILMS OF THE 1920S

Maria V. Vorobyeva,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vorobyova-mariya@yandex.ru

Elena S. Kochukhova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
elena.kochukhova@yandex.ru

Received 24.05.2023.

Revised 03.07.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Vorobyeva, M.V., Kochukhova, E.S. (2023). Not New: Images of Women in Soviet Feature Films of the 1920s. *Discourse-P*, 20(3), 61–80. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_61

Abstract

In current Soviet studies, the concept of the “new woman” is considered to be one of the key elements of the “new man” socio-anthropological project. This concept is studied, as well as its representation in posters, journalism, literature, etc. The purpose of the article is to determine in what capacity the image of the “new woman” was in demand in the cinema of the 1920s. The key components of the policy to address the “women’s issue” and the features of the film industry of the studied period are described. The main and secondary heroines of 14 feature films are analyzed (the sample includes films on urban life in the USSR, shot by studios of Russian-speaking republics). The results obtained allow us to conclude that none of the female movie characters embraced all the key features of the “new woman”, but a series of their images reveals the novelty manifested in various forms. The symbolic hierarchy of properties of the “new woman” is described. Economic independence is a necessary but insufficient condition for emancipation. This characteristic should be complemented by psychological independence and a demonstration of willingness to change one’s life and, importantly, the lives of others by joining social work. Adherence to liberal sexual morality and separation from the family are the features of the “new woman”, which are possible for the heroines, but not mandatory. It is concluded that “not new” female images dominate among the analyzed characters. The authors identify possible reasons why the image of the “new woman” was not prevalent in the Soviet cinema art of the 1920s.

Keywords:

visual studies, anthropology of the Soviet, Soviet cinema of the 1920s, “the new woman”, Soviet woman.

Введение

Концепция «новой женщины» – предмет возрастающего интереса со стороны исследователей советского. Прежде всего она рассматривается как один из ключевых элементов советского социально-антропологического проекта «нового человека» и как часть культурной политики государства в целом. Исследуется сама концепция и ее репрезентация, отмечается разрыв между транслируемыми идеалами, обещаниями и реальным состоянием дел. Основными источниками, по которым реконструируется этот разрыв, вы-

ступают письма читательниц в прессу, дневники женщин, а также некоторые статистические данные. На наш взгляд, художественное кино 1920-х гг. также ярко иллюстрирует данный разрыв, представляя на экране и героинь с чертами «новых женщин», и более традиционные образы.

В антропологии советского сформирован взгляд на кино как один из эффективных инструментов социальной индоктринации, значимый для культурной политики государства (Дашкова, 2013; Кочухова, 2022; Михайлин, Беляева, 2020; Романов, Ярская-Смирнова, 2009). Анализ фильмов позволяет различить в них и следы повседневности (для эмпатического воздействия необходимо обеспечить зрителю возможность мгновенно распознавать обстоятельства действия и характеры персонажей), и механизмы трансляции новых стандартов жизни. Опираясь на этот подход, мы ставим своей целью исследовать, как образ «новой женщины» репрезентируется советским художественным кино 1920-х гг., какими именно сценарными и визуальными средствами он создается.

Советская «новая женщина» – идеологический конструкт, наименование которого восходит к работе А. Коллонтай «Новая мораль и рабочий класс»¹. Этот термин практически не использовался другими идеологами (см. Амбарцумян, Булыгина, 2021; Поршнева, 2018; Шабатура 2006), но устоялся в современных культурных исследованиях как указание на новую гендерную роль, предлагаемую женщине в качестве образца советскими идеологами. В их дискуссиях на протяжении 1920-х гг. «новая женщина» – это работающая женщина, сознательная участница коммунистического строительства, которая приобщилась к образованию и культуре, освободилась от религиозных предрассудков и пут «домашнего рабства» – как в бытовом плане, так и в плане эмоциональных привязанностей (Амбарцумян, Булыгина, 2021; Минаева, 2015; Поршнева, 2018). Визуальный троп, насколько можно судить по плакатам и журнальным иллюстрациям тех лет, – серьезная и сосредоточенная женщина в платке, повязанном углами назад, в аскетичной одежде, предпочтительно с орудием труда в руках (Плунгян, 2022; Шабатура, 2006).

Некоторые каналы внедрения данного конструкта в русле культурной политики 1920-х гг. хорошо изучены. Основываясь на публикациях в журналах «Работница» и «Крестьянка», агитационных плакатах, статьях в прессе и литературных произведениях, исследователи анализируют, в каких конкретных образах воплощался абстрактный конструкт «новой женщины» и какими средствами продвигался (Амбарцумян, Булыгина, 2021; Дашкова, 2013; Минаева, 2015; Плунгян, 2022; Поршнева, 2018; Шабатура, 2006). В результате может создаться впечатление, что над репрезентацией этого конструкта работала вся советская массовая культура в 1920-е гг., хотя относительно столь важного для пропаганды канала, как кино, научных наработок существенно меньше. Те немногие исследования (Смагина, 2017, 2018), посвященные образам женщин в раннем советском кино, построены на небольшой выборке и оставляют за рамками внимания вопрос, использовался ли кинематограф в качестве инструмента имплементации в сознание зрителя представления о «новой женщине». Самый поверхностный

¹ Коллонтай, А.М. (1919). *Новая мораль и рабочий класс*. М.: Издательство ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

взгляд показывает, что советские художественные фильмы 1920-х гг. содержат много женских персонажей, причем нередко главных героинь. Однако отвечали ли они идеалу «новой женщины»?

Театральный режиссер, сценарист и кинокритик В. Королевич, обобщая в работе 1928 г. «Женщина в кино»² современные ему женские кинообразы, сетует на то, что все еще пользуется популярностью типаж «вамп», что героини-крестьянки напоминают персонажей оперной постановки. Он отмечает, что советское кино пока бессильно отобразить современницу: «Вы хотите ее видеть. Женщину сегодня. Которую встречаем на трамвайных остановках. Которую видим за типографским набором, за стиркой пеленок нашего ребенка или за пишущей машинкой. Не героиню в декольти. Не плакат в кожаной куртке. Просто женщину: мать, жену, товарища. Ее нет. <...> Еще не собрали отдельные черточки новой, идущей в ногу с девятью годами, женщины»³.

В нашем исследовании под «новой женщиной» имеется в виду женский образ со следующими характеристиками: экономическая самостоятельность, психологическая независимость, следование либеральной половой морали⁴, вовлеченность в общественно-политическую работу и свобода от религиозных предрассудков⁵. Отвечая на поставленный исследовательский вопрос, мы сначала дадим краткую характеристику процессу эмансипации женщин и особенностям киноиндустрии в 1920-е гг. Затем проведем обзор женских образов из фильмов.

В 1920-е гг. множество законодательных новшеств изменили юридический статус женщин. Формально они были уравнены в правах с мужчинами, облегчена процедура заключения и расторжения брака, разрешены аборты, женщин стали активно вовлекать в производственную сферу⁶. Но в условиях, когда основная масса женщин в России была неграмотна, не инкорпорирована в трудовые коллективы, новые права и возможности оставались во многом невостребованными (Поршнева, 2018; Пушкарева, 2012). Наряду с этим стартовал процесс политической мобилизации женщин, тесно связанный с повышением уровня грамотности, антирелигиозной пропагандой и деятельностью специально созданных органов партийной власти (Шабатура, 2006). Исследовательницы отмечают, что эмансипация женщин, скорее всего, не являлась самоцелью новой власти (Поршнева, 2018; Пушкарева, 2012). Прежде всего, власть добивалась индоктринации женщин в духе новой идеологии, намеревалась использовать их труд на благо государства (Барышева, 2019), а средствами стали обучение грамоте, борьба с влиянием религии, дефамелизация, делегирование на политсобрания делегатов, участие в работе женсоветов, фабкомов, месткомов и т. д.

² Благодарим И. В. Сидорчука, доцента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, за предоставление доступа к этой редкой книге.

³ Королевич, В. В. (1928). *Женщина в кино* (с. 90). М.: Теа-кино-печать.

⁴ Подразумевается утверждение прав на реализацию своих сексуальных потребностей и свободный выбор партнера. См. Коллонтай, А. М. (1919). *Новая мораль и рабочий класс* (с. 27–29).

⁵ За основу взяты характеристики «новой женщины», выделенные А. М. Коллонтай.

⁶ *Советская власть и раскрепощение женщины. Сборник декретов и постановлений РСФСР*. (1921). М.: Государственное издательство.

К концу десятилетия намечается отход от прежних начинаний, происходит традиционализация роли женщины в обществе (Шабатура, 2006).

В кинематографе 1920-е гг. – время эстетических экспериментов и конкуренции между разными киностудиями. В условиях НЭПа большинство из них находились на самофинансировании, продавали продукцию крупным региональным прокатчикам, фильмы конкурировали между собой и с зарубежными лентами (Белодубровская, 2020, с. 20). Появляется новое поколение режиссеров, развивается монтажное кино, часто экспериментирующее с возможностями зрительского восприятия (Богомолов, 1995; Зоркая, 2014). Еще не было директивного партийного заказа на создание образов новой советской жизни, не сформировалась единая эстетическая концепция в сфере искусства.

Нами были проанализированы сюжеты и персонажи 14 художественных фильмов. Отбор фильмов мы осуществили по ряду критериев. Во-первых, действие происходит в Советском Союзе в настоящем времени относительно их создания (исключается историческое и фантастическое кино, экранизации литературной классики и т. п.). Во-вторых, действие происходит в городах европейской части СССР (исключалось кино республик Средней Азии и Кавказа, поскольку для оценки его содержания требуется хорошая осведомленность относительно локальных культурных контекстов). В-третьих, учитывалась доступность фильмов для кабинетного исследования, поскольку не все из сохранившихся лент находятся в открытом доступе. Наконец, в нашу выборку включены фильмы только о городской жизни, т.к. сами советские идеологи держали за образец «новой женщины» скорее работницу фабрики, пролетарку, нежели крестьянку.

1. «Папиросница от Моссельпрома», 1924 г., режиссер Ю. Желябужский, Межрабпом-Русь, Москва.
2. «Закройщик из Торжка», 1925 г., режиссер Я. Протазанов, Межрабпом-Русь, Москва.
3. «Катка – бумажный ранет», 1926 г., режиссеры Э. Иогансон, Ф. Эрмлер, Совкино, Ленинград.
4. «Проститутка», 1926 г., режиссер О. Фрелих, Белгоскино, Минск.
5. «В большом городе», 1927 г., режиссеры М. Авербах, М. Донской, Белгоскино, Минск.
6. «Парижский сапожник», 1927 г., режиссер Ф. Эрмлер, Совкино, Ленинград.
7. «Третья Мещанская», 1927 г., режиссер А. Роом, Совкино, Москва.
8. «Два друга, модель и подруга», 1927 г., режиссер А. Попов, Совкино, Москва.
9. «Девушка с коробкой», 1927 г., режиссер Б. Барнет, Межрабпом-Русь, Москва.
10. «Дом на Трубной», 1928 г., режиссер Б. Барнет, Межрабпом-Русь, Москва.
11. «Кружева», 1928 г., режиссер С. Юткевич, Совкино, Москва.
12. «Кукла с миллионами», 1928 г., режиссер С. Комаров, Межрабпомфильм, Москва.
13. «Обломок империи», 1929 г., режиссер Ф. Эрмлер, Совкино, Ленинград.

14. «Кварталы предместья», 1930 г., режиссер Г. Гричер-Чериковер, Одесская киностудия, Одесса⁷.

Результаты исследования

Героини первого плана. В нашей подборке шесть фильмов с женщинами в качестве главных героинь. Ни одна из них не обладает всеми в совокупности характеристиками «новой женщины». Некоторые находятся в ситуации перехода, однако его направление не всегда ясно.

В драме «Катя – бумажный ранет» нелегальная торговка Катя продает с лотка яблоки сорта «бумажный ранет». Она не состоит в браке, беременеет от мужчины с криминальными наклонностями. Рождает сына, с его отцом держится крайне независимо и продолжает работать, пока за младенцем приглядывает ее новый знакомый (их отношения не содержат романтического подтекста). В конце фильма Катя принимает решение поступить на завод (рис. 1). Эта героиня похожа на «новую женщину»: экономически самостоятельна и психологически независима, свободна в выборе партнера. Однако она живет исключительно частной жизнью.

В драме «Проститутка» девушка Любка в силу череды трагических обстоятельств попадает на панель. С подсказки другой проститутки она устраивается в швейную мастерскую при венерологическом диспансере. У нее появляется близкий друг, который помогает избавиться от шантажа сводни. Настойчивость и внутренняя независимость позволяют Любке приобрести новую профессию и бросить проституцию. Образ героини содержит возможность развития до «новой женщины», хотя таковой героиню назвать нельзя.

В мелодраме «Третья Мещанская» домохозяйка Людмила разочарована своим браком. Муж Николай ведет себя по отношению к ней бесцеремонно, требовательно, даже грубо; она держится отстраненно. У них останавливается Владимир, фронтовой товарищ мужа. Он выводит Людмилу за границы надоевшего быта: приносит радио, журналы, ведет на праздник Осоавиахима и в кино. Она меняет привычный набор эмоций – удивляется, радуется, волнуется. Владимир добивается Людмилы и тут же запирает ее в домашнем мирке. Когда Людмила беременеет, мужа отправляют ее на аборт. Но она делает другой выбор, смело открывает лицо неизвестности, и в финальных кадрах поезд увозит ее из города.

Этих трех героинь мы определяем как переходных – у них обозначены черты независимости (экономической, психологической или сексуальной), по сюжету им приходится делать серьезный жизненный выбор. Людмила, не обладая в начале фильма ни одной чертой «новой женщины», к финалу приобретает психологическую независимость от мужчин и, вероятно, будет искать экономической самостоятельности. Любка, демонстрируя сильный характер, находит способ избавиться от сексуальной эксплуатации, устраивается на легальную работу и обретает экономическую самостоятельность. Катя, уже самостоятельно обеспечивающая себя и своего ребенка, делает идеологически верный

⁷ Фильм вышел на экраны в 1930 г., но мы относим его к исследуемому периоду, т. к. он был запущен в производство в конце 1920-х гг.

Рисунок 1 – Кадр из фильма «Катка – бумажный ранет». Катка поступила на завод (скриншот из архива авторов)

Figure 1 – A frame from the film “Katka’s Reinette Apples”. Katka got a job in a factory (screenshot from the authors’ personal archive)

выбор в пользу легальной и более стабильной работы на заводе, где, возможно, откроется дорога и к общественной активности.

Остальные главные героини не соответствуют образу «новой женщины», хотя все три самостоятельно зарабатывают на жизнь.

Героиня комедии «Папиросница от Моссельпрома» Зинаида Весенина совершает обратный переход: теряет большую часть своей независимости. В начале фильма это работающая, живущая одна девушка, не обращающая внимания на ухаживания двух кавалеров. Затем она случайно становится актрисой кино, влюбляется в оператора, пленку с их поцелуями видит директор студии, и девушка лишается работы. Тут же Зинаиду нанимает манекенщицей американский бизнесмен. Она часто сопровождает его в поездках, ее положение становится двусмысленным в глазах знакомых. От бизнесмена героиня со временем избавляется, но остается в отношениях с оператором. В последних кадрах фильма есть намек на ее возвращение к работе актрисы.

В комедии «Девушка с коробкой» шляпница-модистка Наташа Коростелева работает по найму у владелицы частного магазина, куда сдает изготовленные ею и дедом шляпки. Ее не волнуют проблемы общества, она живет частной жизнью – работает, флиртует, одевается по моде, следит за прической. Героиня бурно радуется крупному выигрышу по облигации государственного займа, но непонятно, как она им распорядится. В личной жизни Наташа целомудренна и выходит замуж за любимого человека.

В комедии «Дом на Трубной» деревенская девушка Параня служит домработницей, живет у хозяев на кухне. Ее знакомая Феня предлагает вступить в профсоюз, Параня соглашается, но не обращается за защитой своих прав. Ближе к концу фильма наниматель выгоняет ее буквально в ночь, она бродит по улицам, утром случайно встречает Феню, та ведет ее голосовать на выборах делегатов в Моссовет. Формально Параня пользуется теми правами, которые ей дала советская власть, но это ничего не меняет в ее трудовой жизни. Романтической линии в истории героини нет.

Героини второго плана. Героинь второго плана в нашей выборке двадцать, из них «не новых» намного больше. Одни из них представлены негативно: обычно это женщины, символизирующие собой дореволюционный быт, обывательское сознание, эгоизм, жажду наживы. Другие показаны нейтрально: ведут простую честную жизнь, черты новизны в их образах уравновешены какими-либо традиционными чертами. Рассмотрим сначала негативную и нейтральную репрезентации «не новых» героинь второго плана, а затем редкие образы «новых женщин».

Негативная репрезентация. Меланья Ширилкина («Закройщик из Торжка») – владелица частного пошивочного ателье, самостоятельная и активная, но заинтересованная в статусе замужней женщины. Героиня выглядит комично, мечтая о браке, склоняя к нему молодого закройщика Петю, примеряя подвенечное платье и ожидая опаздывающего жениха к брачному застолью.

Незнакомка («Закройщик из Торжка») показана в остросатирических тонах. Она одета по моде, проводит время на вечеринках и делает вид, будто не знает Петю, который обратился к ней за помощью в Ленинграде (хотя ранее он одалживал ей деньги на железнодорожный билет). Узнав о крупном выигрыше Пети по облигации, героиня тут же «вспоминает» их знакомство и начинает выманивать облигацию обманом.

Верка («Катка – бумажный ранет») – нелегальная торговка, сбывающая духи и пудру. Чувствует шаткость своего положения, хочет вести законную торговлю и вступить в официально зарегистрированный брак (рис. 2). Поддаваясь дурному влиянию поклонника, вовлекается в преступление: становится живой приманкой для скотопромышленника, которого планировалось ограбить. Конец плачевен: ее вместе с сообщником забирает милиция.

Манька («Проститутка») – еще до революции служила горничной, была соблазнена сыном хозяйки, уволена, устроилась в бордель и заразилась венерической болезнью. В Советской России героиня осталась в проституции, хотя эта сфера стала теневой. Манька помогает молодой проститутке Любке устроиться швеей и тем самым начать новую жизнь. Но собственную судьбу менять она не готова.

Рисунок 2 – Кадр из фильма «Катка – бумажный ранет». Верка мечтает о замужестве и собственном магазине (скриншот из архива авторов)

Figure 2 – A frame from the film “Katka’s Reinette Apples”. Verka dreams of marriage and her own shop (screenshot from the authors’ personal archive)

Роковая красавица («В большом городе») – одевается подчеркнуто сексуально, ведет себя с мужчинами раскованно. Она веселится в артистическом кафе и на богемной вечеринке, пьет вино, курит, танцует, привлекает внимание мужчин, проводит ночь с провинциальным поэтом. Ей близок принцип «свободной любви», однако ее поведение в фильме порицается.

Мадам Ирэн («Девушка с коробкой») – владелица частного шляпного магазина, решительная и скупая, помыкает мужем. Живет в комфортабельной, хорошо обставленной квартире, держит прислугу, принимает гостей из своего круга. Избегая уплотнения, супруги обманывают домком – делают фиктивную прописку наемной работнице.

Госпожа Голикова («Дом на Трубной») – жена парикмахера, не работает и не занимается домашним хозяйством (рис. 3). Заинтересована в найме домработницы Парани, не состоящей в профсоюзе (что освобождает нанимателей от соблюдения ее прав). Забывает праздный образ жизни, когда (ошибочно)

Рисунок 3 – Кадр из фильма «Дом на Трубной». Госпожа Голикова на кровати (скриншот из архива авторов)

Figure 3 – A frame from the film “The House on Trubnaya”. Mrs. Golikova is on the bed (screenshot from the authors’ personal archive)

узнает об избрании Парани в Моссовет и организует по этому поводу лицемерное застолье.

Наталья Филимонова («Обломок империи») – домохозяйка, финансово и психологически зависимая от мужа. Занимается исключительно домашним хозяйством, сносит многочисленные придирки и грубость мужа. Когда представляется возможность уйти, Наталья проявляет пассивность и оказывается не в состоянии что-либо поменять.

Нейтральная репрезентация. Катя («Закройщик из Торжка») – деревенская девушка, прислуживает в лавке, не знает своих прав и подвергается сверхэксплуатации хозяином. Она бросает работу на частного, устраивается на завод и соглашается выйти замуж за возлюбленного. Катино трудолюбие показано с симпатией, однако ее грезы о благополучном замужестве подаются комически.

Надя Ступина («Проститутка») – женщина, вышедшая на панель от отчаяния (умер муж, содержавший семью). Она с внешней помощью выбирается

из жизненного тупика. За разрешением ее проблем стоит государство: работа в трамвайном парке и детский сад для детей дают возможность честной жизни.

Наташа («В большом городе») – студентка, финансово обеспеченная государством. Независима, способна принимать самостоятельные решения. Она переживает любовное увлечение провинциальным поэтом, но отвергает его, предпочитая более целомудренного кавалера.

Дора («Кварталы предместья») – девушка из еврейской семьи; ее возлюбленный из русской. Семьи не поддерживают их. Сначала Дора уходит из своего дома к жениху, но там они оба страдают от патриархальных порядков и решают начать жить отдельно.

«Новые женщины». Здесь необходимо сделать оговорку: ни одна из представленных ниже героинь не обладает всей совокупностью черт «новой женщины», которую мы взяли за основу в своем анализе. Однако на экране они распознаются как таковые. Это происходит либо за счет раскрытия характера героини по мере развития действия фильма, либо за счет скупых, но точных визуальных и контекстуальных маркеров.

В драме «Парижский сапожник» героиня Катя Карнакова – работница фабрики, общественница. Она не замужем, находится в близких отношениях с комсомольцем Андреем Горюновым. Катя беременеет и сталкивается с раздражением Андрея. Сквозь фильм проходит образ влюбленной девушки, надеющейся на поддержку любимого мужчины и психологически зависимой от него. Но к финалу фильма Катя явно избавляется от этой привязанности. Героиня экономически самостоятельна и вовлечена в общественную жизнь, свобода ее сексуального поведения отражается в неофициальном характере связи с отцом будущего ребенка.

Единственная героиня комедии «Два друга, модель и подруга» – Даша, работница мыловаренной фабрики, невеста мелкого чиновника из губернского города. Она ведет себя независимо, отвергая выгодного жениха, поскольку не собирается терпеть придирки и сцены ревности (рис. 4). Принимает ухаживания двух парней и свободно выбирает того, кто ей наиболее симпатичен. Даша склонна к решительным действиям: наряду с мужчинами толкает пароход с мели, идет в администрацию доказывать эффективность машины, сконструированной работниками фабрики. На экране создан образ самостоятельной, цельной личности.

В комедии «Кукла с миллионами» студентка Мария, жизнерадостная девушка, увлеченная спортом, оказывается наследницей ценных бумаг своей тети, эмигрировавшей во Францию. За ней приехали два кузена, каждый из которых признается в любви и предлагает вступить в брак. Она легко распознает обман, а вот ее партнер всерьез ревнует, вызывая недоумение у героини. Мария не выглядит зависимой от своего партнера и не торопится замуж, даже когда узнает, что получит наследство только после бракосочетания.

Описанным выше героиням отведено много экранного времени. Далее мы остановимся на образах, созданных в эпизодах. Во всех этих случаях «новых женщин» выделяет указание на род деятельности (в интертитрах или в контексте действия на экране) и внешность (короткая стрижка, повязанный

Рисунок 4 – Кадр из фильма «Два друга, модель и подруга». Даша отталкивает жениха (скриншот из архива авторов)

Figure 4 – A frame from the film “Two friends, a model and a friend”. Dasha pushes her fiancé away (screenshot from the authors’ personal archive)

углами назад платок, аскетичная, не сковывающая движений одежда, отсутствие косметики и украшений).

Маруся («Кружева»), член редколлегии стенгазеты, работает на фабрике, подчеркнуто не вовлечена в романтические отношения, помогает молодому кузнецу порвать с компанией хулиганов, вовлекая его в общественную работу. Активистка Ольга («Парижский сапожник») штудирует литературу, участвует в работе санитарного отряда, в заседаниях комсомольской ячейки; о ее личной жизни ничего не сказано. Врач («Проститутка») оценивает состояние пациенток венерологического диспансера и читает просветительскую лекцию женщинам. Работница профсоюза Феня («Дом на Трубной») проявляет внимание к судьбе Парани, принимает ее в профсоюз, ведет на выборы в Моссовет. Наконец, самый яркий образ в очень кратком эпизоде – член Моссовета Прасковья Питунова («Дом на Трубной»),

в своей серьезности и аскетичности противопоставленная всем нэпманам фильма (рис. 5).

Рисунок 5 – Кадр из фильма «Дом на трубной». Член Моссовета Прасковья Питунова за рабочим столом (скриншот из архива авторов)

Figure 5 – A frame from the film “The House on Trubnaya”. A deputy of the Moscow City Council (Mossoviet) Praskovya Pitunova is at her desk (screenshot from the authors’ personal archive)

Заклучение

Кино 1920-х гг. (в пределах выборки) не представило единого образа, концентрирующего в себе все черты «новой женщины», выделенные нами в качестве основы для анализа. Однако оно дало череду женских образов, где «новизна» явлена разными гранями: экономическая самостоятельность, психологическая независимость, следование либеральной половой морали, участие в общественно-политической деятельности.

С точки зрения узнаваемости образа «новой женщины» наиболее яркой составляющей выступает общественная активность, визуально выраженная во внешности и манере одеваться. Психологическая независимость показана

через принятие важных жизненных решений – разрыв с мужчиной, смену работы, отказ от аборта; но редкие героини оказываются в таких ситуациях. Экономически независимы подавляющее число героинь первого и второго плана, в том числе отрицательные персонажи. Внебрачные сексуальные связи, которые могут быть опознаны как элемент либеральной половой морали, почти всегда показаны источником житейских проблем женщины, а не достижением в области свободы выбора партнеров. Тема отказа от религиозных предрассудков не поднимается в кино нашей выборки; религии словно отказано в праве на существование в умах и чувствах советских женщин. Важно, что все признаки самостоятельности героини легко обесцениваются одной деталью. Женщины активные, финансово независимые, не подчиненные мужу или партнеру, но по своим интересам не вписывающиеся в господствующую идеологическую норму, подаются сатирически или осуждаются (Меланья Ширинкина, мадам Ирэн, Верка).

Можно сказать, что в кинообразах выстраивается некоторая символическая иерархия свойств «новой женщины». Экономическая самостоятельность – базовая, но недостаточная характеристика. Она должна быть дополнена как минимум психологической независимостью и демонстрацией готовности идеологически верно менять свою жизнь. А еще лучше – менять жизнь других, подключаясь к активной общественной работе. Ни одна героиня первого плана в проанализированных нами фильмах не проходит этот путь. В отдельных случаях сюжет, эмоциональный заряд финальных кадров дают возможность предположить, что мы видим главную героиню сделавшей первый шаг в начале большого пути, который приведет ее к идеальному образу «новой женщины». Однако неизвестно, позволял ли зрителям в 1920-е гг. их жизненный опыт и опыт киновосприятия делать подобные предположения.

Лишь единичные героини второго плана или эпизодов могут быть охарактеризованы как «новые женщины». Они трансформируют свою или чью-то жизнь в идеологически правильном русле (женщина-работница профсоюза, комсомолка-активистка), символизируют собой достижения советской власти в области равноправия (женщина-делегатка, женщина-врач). Их образы применяются в кино для обозначения изменившихся реалий жизни, но встречаются на экране крайне редко. В связи с этим мы приходим к выводу, что в отношении концепции «новой женщины» неприменим взгляд на раннее советское кино как идеологический инструмент власти: оно не разъясняло и не популяризировало ее, хотя, безусловно, ухватывало идею радикальной трансформации роли женщины в обществе, использовало образ «новой женщины» как узнаваемый знак социальных трансформаций. Обозначим несколько возможных причин такого положения дел (помимо очевидных ограничений выборки фильмов).

Во-первых, 1920-е гг. – время конкуренции и самоокупаемости в кино, киностудии ориентируются на прибыль. С точки зрения привлечения зрительского внимания важно, чтобы в центре сюжета стоял персонаж, с которым зритель может себя ассоциировать. Наряду с образами, понятными в силу их традиционности (добродетельная жена, женщина-вамп и т.п.), зрителям послереволюционного времени близки героини в состоянии перехода, которые сталкиваются с новыми для себя реалиями и не всегда понимают их. Кроме

того, трансформация главной героини, которую мы видим в «Катке – бумажном ранете», «Проститутке», «Третьей Мещанской» – важный двигатель сюжета.

Во-вторых, кино, в отличие от плаката или фотографий, дает нам возможность рассмотреть героиню в разных обстоятельствах, которые не повторяются от фильма к фильму. У актрис разная пластика, и режиссер ставит перед ними разные задачи. Например, по-разному обставляется разрыв с мужчиной: в «Третьей Мещанской» Людмила садится на поезд и уезжает, не взаимодействуя с мужьями, в «Катке – бумажном ранете» героиня после словесной перепалки указывает бывшему любовнику на дверь. Характер каждой героини уникален, и режиссер акцентирует внимание только на тех чертах, которые важны в конкретном фильме.

В-третьих, идеологи 1920-х гг. не выработали и, вероятно, не ставили себе цель выработать единую позицию относительно того, какой образ женщины надо продвигать в массы. Они сосредоточились главным образом на конкретных направлениях пропаганды: разъясняют женщинам новые права и обязанности, введенные советской властью⁸, указывают сферы, где женский труд мог бы стать полезным для государства⁹, обозначают области взаимодействия новой власти с женской аудиторией¹⁰ и задачи партийных органов, курирующих работу с женщинами¹¹, обрисовывают блестящие перспективы положения женщин в Советском Союзе¹², критикуют нравы, разбирая примеры поведения женщин разных социальных страт (к примеру, жен партийцев¹³, студенчества¹⁴). Кроме того, со второй половины 1920-х гг. власть начала отказываться от изменений в семейной политике, которые она же раньше инициировала, постепенно сворачивая наиболее радикальные начинания. Женщине теперь предназначается все более традиционная роль, для которой многие характерные черты «новой женщины» стали избыточными.

Наконец, практический опыт жизни женщин в новых экономических и правовых реалиях 1920-х гг. очень далек от тех идеалов, которые проговаривали большевистские идеологи (даже с учетом консервативного поворота). Тот жизненный материал, те наглядные истории, которые позволили бы режиссерам

⁸ Коллонтай, А. М. (1972). Работница и крестьянка в Советской России. В А. М. Коллонтай, *Избранные речи и статьи* (с. 322–341). М.: Политиздат.

⁹ Арманд, И. Ф. (1975). Положение работницы в Советской России. В И. Ф. Арманд, *Статьи, речи, письма* (с. 114–123). М.: Политиздат.

¹⁰ Крупская, Н. К. (1959). Работница и религия. В Н. К. Крупская, *Педагогические сочинения: в 10 т.* (Т. 7, с. 135–138). М.: Издательство Академии педагогических наук.

¹¹ Коллонтай, А. М. (1972). Задачи отделов по работе среди женщин. В А. М. Коллонтай, *Избранные речи и статьи* (с. 310–315). М.: Политиздат.

¹² Арманд, И. Ф. (1975). Очередные задачи по работе среди женщин. В И. Ф. Арманд, *Статьи, речи, письма* (с. 123–138). М.: Политиздат.

¹³ Квиринг, Э. И. (1989). Жены и быт. В М. А. Макаревич (Сост.), *Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов* (с. 363–368). М.: Политиздат.

¹⁴ Смидович, С. (1989). О «давидсоновщине». В М. А. Макаревич (Сост.), *Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов* (с. 389–394). М.: Политиздат.

и актрисам создавать развернутые характеры «новых женщин», был опытом именно становления в сложных условиях, но не опытом устоявшейся жизни по новым правилам, где получается воспользоваться всеми данными советской властью возможностями эмансипации. Таким образом, эпизодичность появления «новых женщин» в кино 1920-х гг. соотносится с той фрагментарностью, с которой замыслы идеологов воплощались в повседневной жизни женщин.

Список литературы

1. Амбарцумян, К. Р., Булыгина, Т. А. (2021). Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг. Гуманитарные и юридические исследования, (4), 14–23. <http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.1>
2. Барышева, Е. В. (2019). «Новая женщина» в контексте советской праздничной культуры 1920–1930-х гг. *Вестник архивиста*, (3), 887–899. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-887-899>
3. Белодубровская, М. (2020). Не по плану. Кинематография при Сталине. М.: Новое литературное обозрение.
4. Богомолов, Ю. (1995). Краткий конспект длинной истории советского кино. 20–70-е годы. Искусство кино, (11), 16–23.
5. Болотова, Е. В. (2018). Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница»). *Вестник гуманитарного образования*, (2), 60–69. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.18.021>
6. Гусева, Ю. Е. (2020). «Новая женщина» в прессе первой половины 20-х годов XX века в контексте межвозрастных гендерных отношений. *Медиа. Информация. Коммуникация*, (34), 22–29.
7. Дашкова, Т. (2013). *Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность*. М.: Новое литературное обозрение.
8. Зоркая, Н. (2014). *История отечественного кино. XX век*. М.: Белый город.
9. Кочухова, Е. С. (2022). Городской образ жизни в советском художественном кино: к вопросу о методе исследования. *Идеи и идеалы*, 14(1–2), 392–407. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-392-407>
10. Минаева, О. (2015). *Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ*. М.: МедиаМир.
11. Михайлин, В., Беляева, Г. (2020). *Скрытый учебный план. Антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х годов*. М.: Новое литературное обозрение.
12. Плунгян, Н. (2022). *Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов*. М.: Музей современного искусства «Гараж».
13. Поршнева, О. С. (2018). Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы. В В. М. Рынков,

А. И. Савин (Ред.), *Личность, общество и власть в истории России* (с. 383–397). Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН.

14. Пушкарева, Н. (2012). Гендерная система Советской России и судьбы россиянок. *Новое литературное обозрение*, (5), 8–23.

15. Романов, П. В., Ярская-Смирнова, Е. Р. (2009). «Глазной советский человек»: правила (подо) зрения. В Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов (Ред.), *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме* (с. 7–17). М.: Вариант, ЦСПГИ.

16. Смагина, С. А. (2017). Критика «полового вопроса» в советском кинематографе второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. *Артикульт*, (3), 89–94. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-3-89-94>

17. Смагина, С. А. (2018). Экранная репрезентация «новой женщины» в советском кинематографе 20-х гг. *Артикульт*, (4), 174–181. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2018-4-174-181>

18. Шабатура, Е. А. (2006). *Образ «новой женщины» в советской культуре 1917–1929 гг.* [Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Омский государственный университет]. Российская государственная библиотека. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003288335>

References

1. Ambartsumyan, K. R., & Bulygina, T. A. (2021). *Образ советской женщины в текстах представителей большевистской власти и пропагандистских материалах 1920-х гг.* [The image of the Soviet woman in the Bolshevik's texts and propaganda materials of the 1920s]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, (4), 14–23. <http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.1>

2. Barysheva, E. V. (2019). “Novaya zhenshchina” v kontekste sovetskoi prazdnichnoi kul'tury 1920–1930-kh gg. [The “new woman” in the context of Soviet festive culture of the 1920s–30s]. *Vestnik arxivista*, (3), 887–899. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-887-899>

3. Belodubrovskaya, M. (2020). *Ne po planu. Kinematografiya pri Staline* [Not according to plan. Filmmaking under Stalin]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

4. Bogomolov, Yu. (1995). *Kratkij konspekt dlinnoj istorii sovetskogo kino. 20–70-e gody* [Brief summary of the long history of Soviet cinema. 20–70s]. *Iskusstvo kino*, (11), 16–23.

5. Bolotova, E. V. (2018). *Formirovanie obraza sovetskoy zhenshhiny v 20–30-e gg. XX v. (po materialam publikacij zhurnala “Rabotnica”)* [Formation of the image of Soviet women in the 20–30s of the XX century (based on the publications of the magazine “Workwoman (Rabotnica)”). *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, (2), 60–69. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.18.021>

6. Dashkova, T. (2013). *Telesnost' – Ideologiya – Kinematograf. Vizual'nyj kanon i sovetskaya povsednevnost'* [Body – Ideology – Cinematography. Visual canon and Soviet everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

7. Guseva, Yu. E. (2020). “Novaya zhenshhina” v presse pervoj poloviny 20-x

godov XX veka v kontekste mezhvozrastnyx gendernyx otnoshenij [“New woman” in the press of the first half of the 1920s in the context of inter-age gender relations]. *Media. Informaciya. Kommunikaciya*, (34), 22–29.

8. Kochukhova, E. S. (2022). Gorodskoj obraz zhizni v sovetskom xudozhestvennom kino: k voprosu o metode issledovaniya [Urban lifestyle in Soviet feature films: Development of research methodology]. *Idei i idealy*, 14(1–2), 392–407. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-392-407>

9. Mikhailin, V., Belyaeva, G. (2020). *Skrytyj uchebnyj plan. Antropologiya sovetskogo shkol'nogo kino nachala 1930-h – serediny 1960-h godov* [Hidden curriculum. Anthropology of Soviet school cinema in the early 1930s – mid 1960s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Minaeva, O. (2015). *Zhurnaly “Rabotnica” i “Krest'yanka” v reshenii “zhenskogo voprosa” v SSSR v 1920–1930-e gg.: model' propagandistskogo obespecheniya social'nyx reform* [The Rabotnitsa and Krestyanka magazines in solving the “women’s issue” in the USSR in the 1920s–1930s: A model for propaganda support for social reforms]. Moscow: MediaMir.

11. Plungyan, N. (2022). *Rozhdenie sovetskoj zhenshhiny. Rabotnica, krest'yanka, letchica, “byvshaya” i drugie v iskusstve 1917–1939 godov* [The birth of a Soviet woman. Worker, peasant woman, pilot, “former” and others in the art of 1917–1939]. Moscow: Muzej sovremennogo iskusstva “Garazh”.

12. Porshneva, O.S. (2018). Realizaciya bol'shevistskogo proekta “novaya zhenshhina” v 1923–1928 gg.: protivorechiya i problemy [Implementation of the Bolshevik project “new woman” in 1923–1928: Contradictions and problems]. In V.M. Rynkov, & A.I. Savin (Eds.), *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossi* (pp. 383–397). Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN.

13. Pushkareva, N. (2012). Gendernaya sistema Sovetskoj Rossii i sud'by rossiyanok [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (5), 8–23.

14. Romanov, P.V., & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2009). “Glaznoj sovetskij chelovek”: pravila (podo) zreniya [“Eye Soviet man”: The rules of suspicion]. In E.R. Yarskaya-Smirnova, & P.V. Romanov (Eds.), *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri socializme* (pp. 7–17). Moscow: Variant, CSPGI.

15. Shabatura, E.A. (2006). *Obraz “novoj zhenshhiny” v sovetskoj kul'ture 1917–1929 gg.* [The image of the “new woman” in Soviet culture of 1917–1929] [PhD thesis abstract, Omsk State University]. Russian State Library. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003288335>

16. Smagina, S.A. (2017). Kritika “polovogo voprosa” v sovetskom kinematografe vtoroj poloviny 1920-x – nachala 1930-x gg. [Criticism of the “sexual issue” in the Soviet cinema of the second half of the 1920s – early 1930s.] *Artikul't*, (3), 89–94. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-3-89-94>

17. Smagina, S.A. (2018). E'krannaya reprezentaciya “novoj zhenshhiny” v sovetskom kinematografe 20-x gg. [The screening representation of the “new woman” in the Soviet cinematograph of the 1920s]. *Artikul't*, (4), 174–181. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2018-4-174-181>

18. Zorkaya, N. (2014). *Istoriya otechestvennogo kino. XX vek* [The history of Russian cinema. 20th century]. Moscow: Belyj gorod.

Информация об авторах

Мария Владимировна Воробьева, кандидат культурологии, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Елена Сергеевна Кочухова, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

Information about the authors

Maria Vladimirovna Vorobyeva, Candidate of Cultural Studies, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Elena Sergeevna Kochukhova, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

УДК 316.75+791.43-2

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_81

ОТ РАДОСТИ К ДИСЦИПЛИНЕ: ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВЕТСКОМ ИГРОВОМ КИНО 1920–1930-Х ГГ.

Елена Сергеевна Кочухова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
elena.kochukhova@yandex.ru

Получена 10.05.2023.

Поступила после рецензирования 08.07.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Кочухова Е.С. От радости к дисциплине: физическая культура в советском игровом кино 1920–1930-х гг. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 81–99. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_81

Аннотация

В статье выявляются особенности репрезентации повседневных любительских спортивных практик в советском игровом кино 1920–1930-х гг. Визуальная репрезентации спорта в массовой культуре данного периода исследована недостаточно, однако именно демонстрация спортивного тела являлась и средством продвижения зарождавшейся системы физкультуры, и наглядной составляющей конструируемого в культуре образа «нового человека». Автором с опорой на исследования по антропологии советского, выполненные в русле визуального поворота, показано, что игровое кино выступает значимым источником для изучения складывавшихся образов физкультурных практик. Описаны принципы создания выборки киноисточников. Исследована имплементация в кинообразы целей советской системы физкультуры, содержащихся в официальном дискурсе, а также использование образа спортсмена для иллюстрации идеи «нового человека». Для этого рассмотрены тематические эпизоды фильмов с точки зрения их места в сюжете, строения кадра, пластики и эмоций героев. Методика работы с материалом восходит к системному киноанализу

© Кочухова Е.С., 2023

Г. Кортэ. Ключевым результатом исследования является обнаружение трансформации репрезентации физической культуры в фильмах исследуемого периода. Делается вывод, что в 1920-е гг. она представлена как источник приятных эмоций, как досуг, не требующий специальной подготовки, в 1930-е гг. – как серьезное дело, систематически объединяющее людей. В 1920-е она выглядит как случайно выхваченная взглядом часть повседневной жизни, в 1930-е – как хорошо выстроенное зрелище. Этот визуальный сдвиг отражает существовавшую тенденцию к массовизации спорта и формированию нового типа его потребления.

Ключевые слова:

визуальные исследования, культурная политика, советский спорт, физическая культура, советское кино.

UDC 316.75+791.43-2

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_81

FROM JOY TO DISCIPLINE: PHYSICAL CULTURE IN SOVIET FEATURE FILMS OF THE 1920S AND 1930S

Elena S. Kochukhova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
elena.kochukhova@yandex.ru

Received 10.05.2023.

Revised 08.07.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Kochukhova, E. S. (2023). From Joy to Discipline: Physical Culture in Soviet Feature Films of the 1920s and 1930s. *Discourse-P*, 20(3), 81–99. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_81

Abstract

The article reveals the peculiarities of the representation of everyday amateur sports practices in Soviet feature films of the 1920s and 1930s. The visual representation of sports in the mass culture of this period has not been studied enough, but it was the display of the athletic body that served both as a means of promoting the emerging physical culture system and as a visual component in the image of the “new man” being constructed in culture. Based on anthropological research on the Soviet era, conducted within the framework of the visual turn, it is argued that feature cinema serves as a significant

source for studying the emerging images of physical culture practices. The principles of creating a selection of films are described. The analysis focuses on movie imagery to investigate how the goals of the Soviet physical culture system, articulated in official discourse, were portrayed, and how the image of the athlete was utilized to exemplify the idea of the “new man”. For this purpose, thematic episodes from films are analyzed in terms of their place in the plot, framing structure, physicality, and emotions of the characters. When working with materials, the author relies on the systematic film analysis by Helmut Korte. The key outcome of the study is the discovery of the transformation of physical culture representation in the films of the examined period. While in the 1920s physical culture was portrayed as a source of pleasant emotions, as leisure that did not require special preparation, in the 1930s, it was presented as a serious matter, consistently bringing people together. In the 1920s, sports practices appeared on the screen as a randomly captured glimpse of everyday life, while in the 1930s, they were already presented as a well-constructed spectacle. This visual shift reflects the trend towards the massification of sports and the formation of a new type of sports consumption.

Keywords:

visual studies, cultural policy, Soviet sport, physical culture, Soviet cinema.

Введение

Исследование раннего советского спорта как социокультурного проекта власти – тема, постепенно входящая в фокус отечественной гуманитарной науки. Прежде всего, описана нелинейная история развития физкультурного¹ движения и поддерживающих его институтов в 1920–1930-е гг. Эта история рассматривается преимущественно в контексте решения советской властью прагматической задачи оздоровления молодежи, реже – в контексте конструирования образа «нового человека»². Визуальной репрезентации спорта в массовой культуре этого периода уделено существенно меньше внимания. Между тем изображение человека, включенного в зарождающуюся систему физической культуры, было и наиболее наглядным средством ее продвижения, и одним из значимых элементов телесной репрезентации «нового человека».

В настоящей статье выявлены особенности репрезентации повседневных любительских спортивных практик в раннем советском игровом кино и определено, соотносились ли данные практики с целями создаваемой в 1920-е гг. системы физической культуры.

Материалом для анализа выступают «физкультурные» эпизоды игровых фильмов. Опираясь на правила протоколирования системного киноанализа

¹ Для дискуссий рассматриваемого периода характерно дискурсивное отстраивание физической культуры (как социалистической практики) от спорта (как буржуазной). В данной статье термины «физкультура» и «любительский спорт» используются как синонимы.

² Обзору этих работ посвящен первый раздел статьи.

Г. Корте (2020), созданы подробные описания эпизодов по монтажным планам: зафиксированы визуальное и драматургическое содержание плана (в том числе эмоции, пластика, внешность героев, предметное наполнение кадров), интертитры, особенности звукового ряда (для звукового кино 1930-х гг.). Также прокомментировано место эпизодов в сюжете. Анализ эпизодов и планов, представленный в статье, основан на этих протокольных описаниях. Анализ фильмов предварен теоретическим обзором историко-культурных исследований раннего советского спорта.

В силу авторского взгляда режиссеров на киноматериал в каждом фильме физкультурные практики представлены уникальным образом. В статье сохранена чувствительность к этому многообразию, уделено внимание и тем фильмам, где тематические эпизоды длятся всего несколько секунд и не имеют сюжетной значимости. Однако в этом разнообразии репрезентаций просматриваются два ключевых понимания места физической культуры в жизни человека.

Игровое кино выбрано материалом для исследования репрезентаций физкультурных практик 1920–1930-х гг. как один из информативных, но малоизученных источников. С одной стороны, кино включает в себя фон повседневности – зритель должен мгновенно различать его, чтобы погрузиться в экранную реальность. По большому счету кино переживается как повседневность (Якимов, 2021). С другой стороны, завладев зрительским восприятием, оно способно моделировать образцы для подражания, что делает его важным инструментом пропаганды. В кадре оказываются и намеренно акцентированные образы, и «ткань жизни»: «В фильмах мы сталкиваемся... со «следами» бытовых практик, как специально запечатленных, так и попавших в кадр как нечто обыденное, повседневное, растворенное в ткани фильма» (Дашкова, 2013, с. 11). Таким образом, кино выступает материалом, по которому можно реконструировать культурные феномены прошлого, а также выявить механизмы, которые формируют представления о приемлемых социальных практиках (Дашкова, 2013; Кочухова, 2022; Михайлин, Беляева, 2020).

Для анализа выбраны фильмы, действие которых происходит в городах европейской части СССР, в настоящем времени относительно их создания (т. е. те, в которых могли быть зафиксированы спортивные практики 20–30-х гг.). Учитывалась доступность фильмов для кабинетного исследования. Так, многие ленты 1920-х гг. не сохранились, а из оставшихся далеко не все находятся в открытом доступе. По этим критериям в выборку попали чуть более 30 фильмов, а эпизоды с физкультурными практиками встроены в 10 лент:

- 1) «Проститутка», 1926 г., режиссер О. Фрелих, Белгоскино, Минск;
- 2) «Третья Мещанская», 1927 г., режиссер А. Роом, Совкино, Москва;
- 3) «Парижский сапожник», 1927 г., режиссер Ф. Эрмлер, Совкино, Ленинград;
- 4) «Кукла с миллионами», 1928 г., режиссер С. Комаров, Межрабпомфильм, Москва;
- 5) «Кружева», 1928 г., режиссер С. Юткевич, Совкино, Москва;
- 6) «Кварталы предместья», 1930 г., режиссер Г. Гричер-Чериковер, Одесская киностудия, Одесса;

- 7) «Частная жизнь Петра Виноградова», 1934 г., режиссер А. Мачерет, Москинокомбинат, Москва;
- 8) «Случайная встреча», 1936 г., режиссер И. Савченко, Рот-Фронт, Москва;
- 9) «Цирк», 1936 г., режиссер Г. Александров, Мосфильм, Москва;
- 10) «Моя любовь», 1940 г., режиссер В. Корш-Саблин, Советская Белорусь, Минск.

Историко-культурные исследования раннего советского спорта

Уже в первые годы советской власти физическая культура была объявлена важной частью коммунистической системы воспитания молодежи. Ее целью было не только создание гармонично развитой личности: «В настоящий момент физическое воспитание преследует также непосредственно практические цели: подготовку молодежи 1) к трудовой (производственной) деятельности и 2) к вооруженной защите социалистического отечества»³.

Историками и культурологами подробно исследованы дискуссии вокруг принципов советской физической культуры (Сидорчук, 2018; Ульянова, 2019; Филиппов, 2012а; Хорошева, 2020, 2021). При в целом совпадающих взглядах на цели физкультуры, ключевая полемика о ее формах разворачивалась между Н. Семашко (глава Наркомздрава в 1920-е гг.) и Н. Подвойским (начальник Всевобуча на начало 1920-х гг.). Первый считал необходимым тщательную методологическую разработку физкультурных практик и врачебный контроль за ними, второй предполагал, что в отсутствие материальных ресурсов и квалифицированных кадров необходимо организовывать привлекательные для масс демонстрации и гуляния, а также поддерживать через профсоюзы физкультурную активность рабочих. В результате со временем внедрили и дисциплинарное отношение к спорту Н. Семашко, и практические решения Н. Подвойского.

Исследователями описано становление организационных структур, обеспечивающих охват физической активностью широких народных масс (Жбанкова 2018b; Мельникова и др., 2017; Ростовский, 2016; Филиппов, 2012а, 2012b), и задачи отдельных физкультурных практик (Жбанкова, 2018а; Сидорчук, 2020). Рассмотрена роль спорта как значимого инструмента в проекте создания «нового человека»; отмечено, что атлетичное, здоровое и красивое тело призвано символизировать собой достижения советского строя (Быховская, 2019; Фищева, 2020).

Создаваемая система физической культуры предполагала не только внедрение конкретных телесных практик через организацию кружков, секций, школьных и армейских тренировок, но и интенсивную работу по распространению идей о новом отношении к телу и физическим упражнениям. Отчасти эта работа велась на страницах спортивной прессы (Хорошева, 2014). Образы спортсменов появлялись в молодежных журналах (Трофимов, 2021).

Исследованию визуальной репрезентации физической культуры в различных видах искусства посвящена работа М. О'Махоуни (2010). Он отмечает,

³ Третий съезд РКСМ. (1926) (с. 286). М., Л.

что «спорт постоянно присутствовал во многих сферах культуры: в литературе, кино, театре, музыке, живописи и скульптуре» (с. 11), что в значительной степени служило задаче поддержания массового потребления физкультуры и спорта в Советском союзе. Относительно искусства 1920-х гг. автор делает вывод, что «физкультура стала ассоциироваться почти исключительно с авангардом, экспериментальным крылом культурного производства» и визуально была воплощена преимущественно в фотомонтаже (с. 35–40); в 1930-е гг. происходит поворот в сторону фигуративной живописи и соцреалистического канона.

Различия между физкультурными образами в искусстве 20-х и 30-х гг. также отмечает Н. Малевинская (2015). Анализируя композицию и выразительные средства живописных полотен, изображающих физкультурные праздники и парады, она определяет эмоциональный заряд картин и выявляет ключевые символы, используемые художниками. Если работы 20-х – начала 30-х гг. эстетически разнообразны и транслируют различные эмоции, то в соцреалистическом каноне изображение спорта передает идеи сплоченности, энтузиазма, триумфа; а высокое ясное небо и белые одежды спортсменов выступают одними из ключевых маркеров «светлого настоящего».

Репрезентация физической культуры в раннем советском кино исследована в единичных работах, посвященных «спортивным» фильмам, первые из которых появились в 1930-е гг. Анализируя тему спорта в шести фильмах 1930-х гг., А. Фишева (2020) приходит к выводам, что спорт показан как любительское занятие, уделяя время которому, человек не забывает про труд; у образцовых персонажей «успехи в спорте обязательно сочетались с производственными успехами» (с. 149). Н. Лигостаева (2021), рассматривая спортивное кино как самостоятельный жанр, выявляет тематические акценты в репрезентации спорта в кино в разные периоды развития советской культуры. Относительно 1930-х гг. она делает вывод, что спорт связан с напряжением и преодолением трудностей, создается образ спортсмена-героя. В. Календарова (2021) на примере пяти художественных фильмов рассматривает, как менялось место спорта в системе ценностей советского человека. Если в первом советском спортивном фильме «Вратарь» (1936 г., режиссер С. Тимошенко) приоритет отдан трудовым ценностям, «которые спорт, как и иные формы досуга, призван лишь дополнять», то в послевоенное время возникает идея об умении советского человека гармонично сочетать трудовые и спортивные достижения (с. 422).

Физическая культура в «неспортивном» кино

В 1920-е гг. жанр спортивного кино еще не сложился, а в 1930-е гг., как показывают упомянутые выше исследователи, он берет в фокус своего внимания героев, чья жизнь во многом определяется или переопределяется спортом. Остаются неисследованными образы физкультуры как части повседневности обычного человека. Изучение раннего советского игрового кино позволяет восполнить этот пробел.

Чтобы показать ключевую перемену в репрезентации физической культуры в кино, нами сначала будет представлен анализ фильмов 1920-х гг., которые, за одним исключением, отсылают прежде всего к даруемому спортом удоволь-

ствию; а затем фильмов 1930-х гг., демонстрирующих его дисциплинарную сторону.

В кино 1920-х гг. физкультура показана как привычная часть жизни молодежи. В «Третьей Мещанской» Николай утром обливается, делает гимнастику с гантелями, получая видимое удовольствие от процесса, а затем с некоторым самолюбованием осматривает себя – чувствуется режиссерская ирония по отношению к его занятиям физической культурой (рис. 1). Герой на работе бегаёт по стройке, но гордится своим телом в разговоре о любовных отношениях (интертитр: «Я не щуплый»), а не трудовых усилиях, тогда как, согласно большевистским идеологам, хорошая физическая форма необходима в первую очередь для эффективного труда.

Рисунок 1 – Кадр из фильма «Третья Мещанская», Николай принимает утренний душ (скриншот из архива автора)

Figure 1 – A frame from the film “The Third Meshchanskaya”, Nikolai takes a shower in the morning (screenshot from the author’s personal archive)

В фильме «Проститутка» кадры катания на лыжах показывают веселых, бодрых людей – они символизируют ту правильную жизнь, к которой тянется

героиня Любка, втянутая в проституцию (рис. 2). Именно катаясь на лыжах, она знакомится с человеком, который поможет ей выбраться из притона. Делая шаг к идеологически одобряемому досугу, она делает шаг к новой жизни.

Рисунок 2 – Кадр из фильма «Проститутка», улыбающиеся лыжницы (скриншот из архива автора)

Figure 2 – A frame from the film “The Prostitute”, smiling skiers (screenshot from the author’s personal archive)

В «Парижском сапожнике», несмотря на сравнительно небольшой хронометраж ленты, помещаются сюжетно незначимые кадры физически здорового отдыха молодежи – купание в реке, принятие солнечных ванн на крыше дома (рис. 3 и 4). На статистах минимум одежды: на мужчинах зачастую только шорты, недавно начавшие входить в вестиментарные привычки и являющиеся одним из отличительных знаков человека передовых взглядов⁴, на женщинах

⁴ Подробнее см. Колондо Г. (2023, 12 июня). Сладость триумфа одежды будущего: трусы в раннесоветской литературе. *Сетевое издание «Горький» (gorky.media)*. Взято 7 июля 2023, с <https://gorky.media/context/sladost-triumfa-odezhdy-budushhego-trusy-v->

Рисунок 3 – Кадр из фильма «Парижский сапожник»,
отдых у воды (скриншот из архива автора)

Figure 3 – A frame from the film “The Parisian Cobbler”, rest
by the water (screenshot from the author’s personal archive)

шорты и футболки. Эти кадры мы видим глазами героини Кати: она ищет своего возлюбленного среди отдыхающих людей. Их беззаботность контрастирует с ее напряженностью, перед ней стоит трудный жизненный выбор.

Фильм «Кварталы предместья» демонстрирует, как в парке культуры и отдыха молодые мужчины, энергичные и веселые, упражняются на брусках и кольцах. Их настроение передается двум влюбленным – Доре и Васе: они были подавлены, обсуждая, что семьи выступают против их отношений, но, глядя на спустившегося со спортивного снаряда товарища, улыбаются и радостно общаются с ним. Дальше небольшая компания в парке играет с мячом – темп игры показан за счет быстрой смены кадров, акцент сделан на жизнерадостных, улыбающихся лицах, в эту игру почти сразу вовлекается главный герой, а после некоторых сомнений и героиня, что выступает метафорой ее внутреннего решения покинуть родительский дом (в следующих кадрах она сообщает мате-

rannesovetskoj-literature

Рисунок 4 – Кадр из фильма «Парижский сапожник»,
солнечные ванны на крыше (скриншот из архива автора)

Figure 4 – A frame from the film “The Parisian Cobbler”, sunbathing
on the roof (screenshot from the author’s personal archive)

ри, что переходит жить к Васе). Спорт показан как дело молодых, которое дает энергию и смелость.

В «Кукле с миллионами» за семь секунд показан открытый городской бассейн, в монтаже кадры свободного купания (люди плывут в разные стороны, не соревнуясь друг с другом) сочетаются с кадрами институционально организованного спорта (вышка, трибуны, одновременно стартующие с бортика пловчихи). В эпизоде акцент сделан не на самом плавании, а на выходящих из раздевалки девушках в купальниках – согласно сюжету, герой ищет свою кузину Марию по родинке на плече. Важен образ этой девушки в целом: она студентка, не спешит замуж, некорыстна (новость о большом наследстве от французской тетушки не вызывает у нее энтузиазма). Увлеченность спортом только подчеркивает ее современные взгляды, приверженность новому советскому порядку жизни.

В «Кружевах» представлены два пространства для занятия спортом: зал в рабочем клубе и тир в рабочем саду. Зал показан как сцена для демонстрации

Рисунок 5 – Кадр из фильма «Кварталы предместья»,
игра в мяч (скриншот из архива автора)

Figure 5 – A frame from the film “Suburban Quarters”, ball
game (screenshot from the author’s personal archive)

силы тела: и юноши-хулиганы, и заведующий клубом одинаково любят показать свою удаль. Только первые ломают брусья, выделявая акробатические номера, а второй, исполняя, как написано в интертитре, «смертельный трюк – прыжок с трамплина на брусья», страдает из-за поломанного снаряда. Фильм завершается сценой открытия тира Осоавиахима: подтянутые юноши и девушки, одетые преимущественно в шорты и модные футболки в широкую поперечную черно-белую полоску («соколки»), сначала напряженно ждут, когда с тира упадет занавесь, а увидев его, ликуют. Их спортивная одежда не только отсылает к принципам функциональности и аскетизма, важным для нового советского человека, но и подчеркивает единство собравшихся. Для доступного нам кино 1920-х гг. это первый пример демонстрации коллективного спортивного тела. Оба эпизода, обращаясь к теме спорта, не сконцентрированы на ней самой. Первый нужен, чтобы показать разнузданность компании, в которой оказался главный герой, молотобоец Петр; а второй – чтобы продемонстрировать новый

характер рабочего сада, созданного на месте старого, сохранявшего дореволюционный дух.

Физическая культура в кино 1930-х гг. представлена скорее как серьезное дело, систематически объединяющее людей, а не просто личная увлеченность. Кроме того, подчеркивается ее зрелищный характер⁵. Так, в фильме «Случайная встреча» работники фабрики игрушек не только любят легкую атлетику и с пользой для тела проводят время на стадионе: они собираются помериться силами с другими спортсменами, готовясь к спартакиаде. В помощь коллективу специально приглашают тренера (который влюбляется в одну из лучших бегуний и одновременно лучшую работницу фабрики; сюжет строится вокруг их непростых отношений). В финальных эпизодах фильма спортивные состязания показаны в виде привлекательного зрелища. Трибуны стадиона, где проходит чемпионат по легкой атлетике, заполнены нарядными людьми, которые увлечены происходящим и ликуют, чувствуя победительницу забега Ирину.

В «Частной жизни Петра Виноградова» мы видим, как индивидуальные усилия по поддержанию физической культуры переходят в публичную плоскость: демонстрация навыков жонглирования и ходьбы на руках становится номером в самодеятельности; героиня второго плана Тоня показывает свою смелость, прыгая с парашютной вышки. Часть действия этого фильма проходит на водной станции, где организованы прыжки в воду. В кадре трибуны со зрителями; одни загорают и читают газеты, не обращая внимания на происходящее, другие увлеченно смотрят состязания. Но все немедленно мобилизуют свое внимание, когда на вышку поднимается неподготовленный участник – главный герой фильма Петр. Интерес оказывается несправедливым – многие зрители технично прыгают в воду спасать неудачливого прыгуна. Так визуализируется идея, что хорошая спортивная подготовка – массовое явление. Мифологема зрителя-участника, готового в любой момент включиться в спортивную активность, конструировалась также в прессе и живописи (О'Махоуни, 2010, с. 93–106).

В фильме «Цирк» спортивная подготовка гимнастов в принципе выставлена напоказ зрителям – и в индивидуальных номерах Мэрион Диксон, и в коллективном ритмическом танце, завершающем советский акробатический номер «Полет в стратосферу». Но в финале представлено наиболее масштабное из возможных в СССР спортивных зрелищ: благодаря включению документальных кадров и комбинированным съемкам создается ощущение участия героев в физкультурном параде на Красной площади. К 1936 г. физкультурные парады в Москве стали традицией и приобрели театральный характер⁶. Это был срежиссированный и отрепетированный массовый праздник, где участники не просто проходят строем, но демонстрируют свою силу и ловкость. Он, несо-

⁵ В отношении идей зрелищности и серьезного отношения к спорту исключением является фильм «Моя любовь»; в небольшом эпизоде на волейбольной площадке идет эмоциональная, но очень камерная игра, девушки играют в длинных юбках, а одна из героинь виснет на сетке и перебрасывается фразами с подружкой пока мяч находится в игре.

⁶ В июле 1931 г. был проведен парад в честь физкультуры и ГТО, далее событие приобретало все более широкий размах (см. О'Махоуни, 2010, с. 111–113).

мненно, рассчитан на зрительский интерес, но также, в силу своего масштаба, предполагал вовлечение широких масс в участники: «Растущая театрализация спорта, выражением которой становились физкультурные парады, должна была сместить интерес широких масс с незамысловатого зрительства к желанию снова участвовать в физкультуре» (О'Махоуни, 2010, с. 108).

На демонстративный характер физической культуры работают также изменившиеся приемы съемки тела. Спортивному телу уделяется внимание, дается возможность рассмотреть его пристально и под непривычным углом. В «Случайной встрече» несколько секунд длится план, в котором весь кадр занимают обнаженные торсы двух лежащих на песке молодых мужчин, они поют: «Наши крепкие тела не согнуть вовеки». Их тела подтянуты, светотень добавляет рельефа мышцам, создается ощущение, что это увлеченные физкультурой люди (хотя по современным меркам тела сложно назвать атлетичными). В том же эпизоде, посвященном подготовке коллектива фабрики игрушек к спартакиаде, показаны бегуны с необычного ракурса – как если бы их видел ребенок, очень близко подошедший к ограждению и задравший голову вверх. Камера берет ракурс снизу на бегунов, снимая их по поясу; они вбегают в кадр, двигаясь почти на зрителя, и один за другим выбегают из него, чуть не задевая зрителя по касательной. И бегуны, и мужчины на песке даны средним планом и буквально придвинуты к зрителю, вторгаются в его личное пространство, но не зовут присоединиться к себе. В «Частной жизни Петра Виноградова» в этом отношении примечателен уже упоминавшийся эпизод на водной станции. Камера показывает прыжки в воду, фокусируя внимание на мускулистых телах спортсменов, на точности их движений. Некоторые кадры, захватывающие вышку целиком, соответствуют привычному взгляду с трибун, но некоторые ракурсы ему недоступны. Это взгляд непосредственно снизу и взгляд сверху, позволяющие впечатлить зрителя.

Заключение

Исследование репрезентаций физической культуры в рамках представленной выборки ранних советских фильмов позволяет увидеть не только разнообразие любительских спортивных практик, но и определить, как зрителю предлагалось понимать место физкультуры в жизни обывателя. В кино 1920-х гг. физкультурные практики показаны как некоторая спонтанность. Зритель видит эти эпизоды как сцену, которую можно ухватить случайным взглядом в повседневной жизни. С такими занятиями легко ассоциировать себя, можно буквально почувствовать телесное удовольствие от простых физических занятий. В кино 1930-х гг. эмоциональные акценты значительно смещаются, а изображение спорта и физической культуры становится более демонстративным.

Спорт как досуг в кино 1930-х гг. по большому счету представлял собой зрелище. Радость от простой игры в мяч или купания в реке, которую мог почувствовать зритель кино предыдущего десятилетия, сменяется предложением получить визуальное наслаждение от формы и ритма спортивных занятий. На смену физической активности как иногда возникающей индивидуальной потребности приходит физкультура как дисциплина и общее дело. Она остае-

ся делом энергичных молодых людей, обеспечивает им хорошую физическую форму, которую теперь можно пристально рассмотреть, и приподнятое настроение (но никак не веселье, физкультурник теперь улыбается, но не хохочет). Если в фильмах 20-х гг. герои выплескивают энергию или накапливают ее, то в 30-е гг. ее технично направляют в нужное русло.

В целом в исследованных фильмах занятия любительским спортом маркируют жизнь «нового человека». Появляющиеся в эпизодах молодые, улыбчивые физкультурники показаны с симпатией. Моральное падение героя может быть передано через отказ от спорта и приобретение вредных привычек. Но способ репрезентировать через спорт соответствие героя современности особенно заметен в изображении героинь. И в 1920-е, и в 1930-е гг. увлеченная спортом девушка – это всегда «новая женщина», горожанка, самостоятельная, занятая работой, а не семьей, принимающая идеологически верные решения.

Что касается отражения в игровом кино тех задач физической культуры, которые проговаривались большевистскими идеологами, можно констатировать, что в этом отношении рассматриваемые фильмы не являлись инструментом пропаганды. В четырех фильмах из выборки («Парижский сапожник», «Кружева», «Случайная встреча», «Моя любовь») показанные на экране физкультурные практики непосредственно связаны с трудовым коллективом, поскольку с ним же неразрывно связано действие фильма, а профсоюзные или местные комсомольские организации – активные агенты поддержки спорта. Но связь физической формы человека с его трудовыми успехами затрагивается только в одном из фильмов, буквально по касательной. В «Случайной встрече» однажды упоминается, что лучшая бегунья фабрики – стахановка; при этом все ее коллеги, увлеченные спортом, наоборот, не вырабатывают план. В «Кружевах» завершающий эпизод посвящен открытию тира, герои стреляют по мишени; в этом может быть считана необходимость готовиться к защите социалистического отечества от внешних врагов, но пока речь идет о другом, на мишени написано: «Хулиганству положим конец». Начавшаяся в 1930-е гг. популяризация комплекса ГТО не нашла отражения в кино (за исключением значков на груди участников парада в финальных кадрах фильма «Цирк»).

Эти ключевые идеологические послания напрямую не транслировались в кино, но, тем не менее, в нем отразилось изменение одобряемой нормы вовлеченности человека в физкультурные практики: если в 1920-е гг. было достаточно, чтобы отдельный человек выбрал интересную ему физическую активность вместо маргинального досуга, то в 1930-е гг. делается ставка на массовые спортивные действия, в которые человек будет вовлечен если не как участник, то как зритель.

Список литературы

1. Быховская, И.М. (2019). «Человек телесный» в социокультурном контексте раннесоветской эпохи: аксиология и социальные практики. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, (8), 65–82. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2019-8-65-82>
2. Дашкова, Т. (2013). *Телесность – Идеология – Кинематограф*.

Визуальный канон и советская повседневность. М.: Новое литературное обозрение.

3. Жбанкова, Е.В. (2018a). «Массовые действия» 1920-х годов как часть культурного строительства в государстве диктатуры пролетариата. *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (3), 132–141.

4. Жбанкова, Е.В. (2018b). Практическая реализация «советской системы» физической культуры в 1920-е годы. *Россия XXI*, (4), 30–49.

5. Календарова, В.В. (2021). Спортивный досуг в системе ценностей советского человека (по материалам спортивного кино 1930-х – начала 1950-х гг.). *Манускрипт*, 14(3), 420–427.

6. Корте, Г. (2020). Восприятие фильма – анализ фильма. Основы. В П. Дрекслер, Г. Корте, Г.-П. Роденберг, Й. Тиле, *Введение в системный киноанализ с примерами исследований на материале фильмов «Забриски Поинт» (Антониони, 1969), «Мизери» (Райнер, 1990), «Список Шиндлера» (Спилберг, 1993), «Ромео и Джульетта» (Лурман, 1996) (с. 33–120)*. М.: Издательский дом ВШЭ.

7. Кочухова, Е.С. (2022). Городской образ жизни в советском художественном кино: к вопросу о методе исследования. *Идеи и идеалы*, 14(1–2), 392–407. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-392-407>

8. Лигостаева, Н.Д. (2021). *Репрезентации спорта в культуре отечественного кинематографа XX–XXI вв.* [Автореф. дис. ... канд. культурологии, Мордовский государственный университет]. Российская государственная библиотека. <https://search.rsl.ru/ru/record/01010623700>

9. Малевинская, Н.В. (2015). Физкультурные парады и праздничные действия в произведениях советской живописи 1920–30-х годов. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (3), 143–147.

10. Мельникова, Н.Ю., Трескин, А.В., Левин, Д. (2017). Спорт в России накануне октября 1917-го и в первые годы советской власти. *Вестник Российского Международного Олимпийского Университета*, (1), 50–63.

11. Михайлин, В., Беляева, Г. (2020). *Скрытый учебный план. Антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х годов*. М.: Новое литературное обозрение.

12. О'Махоуни, М. (2010). *Спорт в СССР. Физическая культура – визуальная культура*. М.: Новое литературное обозрение.

13. Ростовский, В.Ю. (2016). «Если завтра война...» К вопросу о военизированном характере физического воспитания в СССР (20–30-е гг.) *Гуманитарные науки в XXI веке: научный интернет-журнал*, (7), 160–171.

14. Сидорчук, И.В. (2018). Дискуссии о «физическом вырождении пролетариата» и советский енгенический проект 1920-х гг. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*, 20(3), 71–84. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.3.046>

15. Сидорчук, И.В. (2020). Спорт и физкультура как альтернатива девиантному досугу горожан в 1920-е гг. В В.А. Веремеенко, В.Н. Шайдуров (Ред.), *Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции (2–4 апреля 2020 г., Санкт-*

Петербург) (Т. 2, с. 90–94). СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

16. Трофимов, А.В. (2021). Визуальные образы настоящего и будущего на обложках журнала «Смена» 1920-х годов. В Г.А. Кругликова (Ред.), *Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций: Материалы XXV Всероссийских с международным участием историко-педагогических чтений (23–26 марта 2021 г., Екатеринбург)* (с. 321–325). Екатеринбург: [б.и.].

17. Ульянова, С.Б. (2019). Физкультурники против спортсменов (проблемы терминологии в изучении массового спорта в СССР в 1920–1930-е гг.). В Д.Н. Шевелев (Ред.), *Творческая лаборатория историка: горизонты возможного: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (3–4 октября 2019 г., Томск)* (Т. 2, с. 352–357). Томск: Издательство Томского университета.

18. Филиппов, А.Н. (2012а). *Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта (1920–1930 гг.)* [Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Ярославский государственный университет]. Российская государственная библиотека. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005020041>

19. Филиппов, А.Н. (2012b). Советский физкультурный парад 1920–1930-х гг. *Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*, (1), 30–33.

20. Фишева, А.А. (2020). Образ «нового человека» в советском кинематографе в 1930-е гг. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*, (1), 144–157. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.33.13>

21. Хорошева, А.В. (2014). Советская спортивная периодика (1917–1929). *История отечественных СМИ*, (1), 156–167.

22. Хорошева, А.В. (2020). Становление советской физкультуры и противостояние Н.А. Семашко и Н.И. Подвойского. В В.А. Веремenco, В.Н. Шайдуров (Ред.), *Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции (2–4 апреля 2020 г., Санкт-Петербург)* (Т. 2, с. 79–85). СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

23. Хорошева, А.В. (2021). «Даешь здоровье!»: комсомол и физическая культура в 1923–1926 гг. (по материалам газеты «Комсомольская правда»). *Вестник Московского университета. Серия 8: История*, (4), 61–87.

24. Якимов, А.Е. (2021). *Проблема репрезентации повседневности в кинематографе* [Автореф. дис. ... канд. филос. наук, Уральский федеральный университет]. Российская государственная библиотека. <https://search.rsl.ru/ru/record/01010874600>

References

1. Vykhovskaya, I.M. (2019). “Chelovek telesnyj” v sociokul’turnom kontekste rannesovetskoj e’poxi: aksiologiya i social’nye praktiki [“Homo corporis”

in the socio-cultural context of early Soviet era: Axiology and social practices]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, (8), 65–82. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2019-8-65-82>

2. Dashkova, T. (2013). *Telesnost' – Ideologiya – Kinematograf. Vizual'nyj kanon i sovetskaya povsednevnost'* [Body – Ideology – Cinematography. Visual canon and Soviet everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Filippov, A.N. (2012a). *Gosudarstvennaya politika SSSR v oblasti fizicheskoj kul'tury i sporta (1920–1930 gg.)* [State policy of the USSR in the field of physical culture and sport (1920–1930)] [PhD thesis abstract, Yaroslavl State University]. Russian State Library. <https://search.rsl.ru/ru/record/01005020041>

4. Filippov, A.N. (2012b). Sovetskij fizkul'turnyj parad 1920–1930-x gg. [Soviet physical culture parade in 1920–1930-ies] *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (1), 30–33.

5. Fisheva, A.A. (2020). Obraz “novogo cheloveka” v sovetskom kinematografe v 1930-e gg [The image of the “new man” in Soviet cinema in the 1930s]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Pedagogičeskogo Universiteta*, (1), 144–157. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.33.13>

6. Kalendarova, V.V. (2021). Sportivnyj dosug v sisteme cennostej sovetskogo cheloveka (po materialam sportivnogo kino 1930-x – nachala 1950-x gg.) [Sports leisure in the system of values of the Soviet person (based on the sports cinema of the 1930s – early 1950s)]. *Manuskript*, 14(3), 420–427.

7. Khorosheva, A.V. (2014). Sovetskaya sportivnaya periodika (1917–1929) [The Soviet periodicals about sport (1917–1929)]. *Istoriya otechestvennyx SMI*, (1), 156–167.

8. Khorosheva, A.V. (2020). Stanovlenie sovetskoj fizkul'tury i protivostoyanie N.A. Semashko i N.I. Podvojskogo [The formation of Soviet physical culture and the opposition of N.A. Semashko and N.I. Podvoisky]. In V.A. Veremenko, & V.N. Shaydurov (Eds.), *Reformy v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*: *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (2–4 aprelya 2020 g., Sankt-Peterburg)* (Vol. 2, pp. 79–85.) Saint Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.S. Pushkina.

9. Khorosheva, A.V. (2021). “Daesh' zdorov'e!": komsomol i fizicheskaya kul'tura v 1923–1926 gg. (po materialam gazety “Komsomol'skaya Pravda”) [“Health now!": Komsomol and physical culture in 1923–1926 (according to the features in Komsomol'skaya pravda)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, (4), 61–87.

10. Kochukhova, E.S. (2022). Gorodskoj obraz zhizni v sovetskom xudozhestvennom kino: k voprosu o metode issledovaniya [Urban lifestyle in Soviet feature films: Development of research methodology]. *Idey i idealy*, 14(1–2), 392–407. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.1.2-392-407>

11. Korte H. (2020). Vospriyatie fil'ma – analiz fil'ma. Osnovy [From film perception to film analysis. Basics]. In P. Drexler, H. Korte, H.-P. Rodenberg, & J. Thiele, *Vvedenie v sistemnyj kinoanaliz s primerami issledovanij na materiale fil'mov “Zabriski Pojnt” (Antonioni, 1969), “Mizeri” (Rajner, 1990), “Spisok Shindlera” (Spilberg, 1993), “Romeo i Dzhul'etta” (Lurman, 1996)* (pp. 33–120). Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.

12. Ligostaeva, N.D. (2021). *Reprezentacii sporta v kul'ture otechestvennogo kinematografa XX–XXI vv.* [Representations of sports in the culture of Russian cinematography of the XX–XXI centuries] [PhD thesis abstract, Mordovia State University]. Russian State Library. <https://search.rsl.ru/ru/record/01010623700>
13. Malevinskaya, N. V. (2015). Fizkul'turnye parady i prazdnichnye dejstva v proizvedeniyax sovetskoj zhivopisi 1920–30-x godov [Physical culture parades and festive performances in the works of Soviet painting of the 1920s and 30s]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (3), 143–147.
14. Melnikova, N. Yu., Treskin, A. V., & Levin, D. (2017). Sport v Rossii nakanune oktyabrya 1917-go i v pervye gody sovetskoj vlasti [Sports in Russia on the Eve of October 1917 and in the first years of Soviet power]. *Vestnik Rossijskogo Mezhdunarodnogo Olimpijskogo Universiteta*, (1), 50–63.
15. Mikhailin, V., & Belyaeva, G. (2020). *Skrytyj uchebnyj plan. Antropologiya sovetskogo shkol'nogo kino nachala 1930-h – serediny 1960-h godov* [Hidden curriculum. Anthropology of Soviet school cinema in the early 1930s – mid 1960s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. O'Mahony, M. (2010). *Sport v SSSR. Fizicheskaya kul'tura – vizual'naya kul'tura* [Sport in the USSR. Physical culture – visual culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Rostovski, V. Yu. (2016). “Esli zavtra vojna...” K voprosu o voenizirovannom karaktere fizicheskogo vospitaniya v SSSR (20–30-e gg.) [“If tomorrow the war...” To the question about the paramilitary nature of physical education in the USSR (20–30s)]. *Gumanitarnye nauki v XXI veke: nauchnyj internet-zhurnal*, (7), 160–171.
18. Sidorchuk, I. V. (2018). Diskussii o “fizicheskom vyrozhdenii proletariata” i sovetskij evgenicheskij projekt 1920-x gg. [Discussions on the “physical degeneration of the proletariat” and the Soviet eugenics project of the 1920s]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 20(3), 71–84. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.3.046>
19. Sidorchuk, I. V. (2020). Sport i fizkul'tura kak al'ternativa deviantnomu dosugu gorozhan v 1920-e gg. [Sports and physical education as an alternative to the deviant leisure of citizens in the 1920s.] In V. A. Veremenko, & V. N. Shaydurov (Eds.), *Reformy v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (2–4 aprelya 2020 g., Sankt-Peterburg)* (Vol. 2, pp. 90–94). Saint Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina.
20. Trofimov, A. V. (2021). Vizual'nye obrazy nastoyashhego i budushhego na oblozhkax zhurnala “Smena” 1920-x godov [Visual images of the present and the future on the covers of the magazine “Smena” of the 1920s]. In G. A. Kruglikova (Ed.), *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe obrazovanie v usloviyax global'nyx transformacij: Materialy XXV vserossijskix s mezhdunarodnym uchastiem istoriko-pedagogicheskix chtenij (23–26 marta 2021 g., Ekaterinburg)* (pp. 321–325). Ekaterinburg.
21. Ulyanova, S. B. (2019). Fizkul'turniki protiv sportsmenov (problemy terminologii v izuchenii massovogo sporta v SSSR v 1920–1930-e gg.). [“Fizkulturnik” against athlete (terminology problems in the study of mass sports in the USSR in the 1920–1930s).] In D. N. Shevelev (Ed.), *Tvorcheskaya laboratoriya*

istorika: gorizonty vozmozhnogo: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (3–4 oktyabrya 2019 g., Tomsk) (Vol. 2, p. 352–357). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

22. Yakimov, A. E. (2021). *Problema reprezentacii povsednevnosti v kinematografe*. [The problem of everyday life's representation in cinematography]. [PhD thesis abstract, Ural Federal University]. Russian State Library. <https://search.rsl.ru/ru/record/01010874600>

23. Zhbankova, E. V. (2018a). "Massovye dejstva" 1920-x godov kak chast' kul'turnogo stroitel'stva v gosudarstve diktatury proletariata ["Mass performances" of the 1920s as part of the cultural policy of the state of the dictatorship of the proletariat]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, (3), 132–141.

24. Zhbankova, E. V. (2018b). Prakticheskaya realizaciya "sovetskoj sistemy" fizicheskoj kul'tury v 1920-e gody [Practical implementation of the Soviet system of physical education in 1920-s]. *Russia XXI*, (4), 30–49.

Информация об авторе

Елена Сергеевна Кочухова, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

Information about the author

Elena Sergeevna Kochukhova, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>, e-mail: elena.kochukhova@yandex.ru

МЕДИАПОДДЕРЖКА И ОСВЕЩЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ РОССИИ

Всеволод Анатольевич Голоскоков,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
wsewolod1998@mail.ru

Получена 11.05.2023.

Поступила после рецензирования 30.06.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Голоскоков В.А. Медиаподдержка и освещение специальной военной операции на территории Украины политическими партиями России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 100–119. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_100

Аннотация

Специальная военная операция (СВО) на Украине послужила стимулом для деятельности российских политических партий, направленной на улучшение собственного политического имиджа. Целью статьи является анализ поддержки и освещения СВО в медиaprостранстве «старыми» и «новыми» политическими партиями России. В качестве «старых» в работе рассматриваются «Партия пенсионеров» и «Яблоко», «новые» представлены партиями «Новые люди» и «Зеленая альтернатива». Опираясь на контент-анализ, автор выявляет основные медиатехнологии, которые применяются политическими партиями для воздействия на общественное мнение. На основе полученных результатов делается вывод, что наряду с официальной государственной повесткой дня партии создают собственные повестки. При этом «новые» партии учитывают проблемы, изначально обозначенные в их программных документах, а «старые» формируют свою повестку дня во внешнеполитических масштабах.

© Голоскоков В.А., 2023

«Новые» партии активно обращаются к технологии фрейминга, «старые» чаще используют технологии прайминга, развивая при этом дискурс политики памяти и «вписывая» спецоперацию в коллективную историческую память России. Как «старые», так и «новые» партии, освещая происходящие события, поднимают вопрос преемственности поколений в рамках исторической памяти. Однако представители «новых» партий лишь упоминают об этом в своих речах, «старые» же проводят мероприятия по укреплению исторической памяти и предлагают соответствующие инициативы. «Старые» партии призывают к переосмыслению уроков прошлого, в то время как «новые» заявляют о надеждах на будущее.

Ключевые слова:

медиаподдержка, медиаосвещение, фрейминг, прайминг, установление повестки дня, «Новые люди», «Зеленая альтернатива», «Партия пенсионеров», «Яблоко», специальная военная операция.

UDC 329

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_100

MEDIA SUPPORT AND COVERAGE OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION ON THE TERRITORY OF UKRAINE BY THE RUSSIAN POLITICAL PARTIES

Vsevolod A. Goloskokov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
wsewolod1998@mail.ru

Received 11.05.2023.

Revised 30.06.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Goloskokov, V.A. (2023). Media Support and Coverage of the Special Military Operation on the Territory of Ukraine by the Russian Political Parties. *Discourse-P*, 20(3), 100-119. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_100

Abstract

The special military operation (SMO) in Ukraine has served as an incentive to mobilize the activities of Russian political parties, aimed at improving their own political image. The purpose of the study is to analyze the support and coverage of the SMO in the media space by the “old” and “new” political parties of Russia. The article considers the Party

of Pensioners and Yabloko “old” parties, whereas the new ones are represented by New People and Green Alternative. Applying content analysis, the author identifies media technologies used by political parties to influence public opinion. Based on the results obtained, it is concluded that along with the official state agenda, the parties create their own ones. While the “new” parties take into account the problems originally identified by their program documents, the “old” ones form their agenda on a foreign policy scale. The “new” parties are actively addressing the framing technology, whilst the “old” ones more often use the priming technology, develop the discourse of the politics of memory, and inscribe the special operation into the collective historical memory of Russia. Both the “old” and “new” parties, covering the events taking place during the SMO, raise the issue of the continuity of generations within the framework of historical memory. However, representatives of the “new” parties only mention this in their speeches, whereas the “old” parties hold events to strengthen historical memory and propose respective initiatives. The “old” parties are calling for rethinking the lessons of the past, while the “new” ones declare hopes for the future.

Keywords:

media support, media coverage, framing, priming, agenda setting, New People, Green Alternative, Party of Pensioners, Yabloko, special military operation.

Введение

К 2022 г. значительно усилились противоречия между Россией и странами Запада. Во многом это было обусловлено опасениями Москвы по поводу возможности расширения НАТО на восток и включения в состав Североатлантического альянса Украины. В январе 2022 г. он отказался предоставить России гарантии прекращения расширения по причине их противоречия политике открытых дверей НАТО¹. 19 февраля на Мюнхенской конференции по безопасности президент Украины В. А. Зеленский высказался о неэффективности Будапештского меморандума и подверг сомнению пакетные решения 1994 г., в том числе подразумевавшие отказ Киева от ядерного вооружения². Подобные заявления были интерпретированы российской стороной как претензии Украины на денонсацию Будапештского меморандума и возвращение ей статуса ядерной державы.

В этой связи 24 февраля президент России В. В. Путин в экстренном обращении к российским гражданам объявил о начале проведения специальной военной операции (СВО). Как отмечает ряд исследователей (Гойчев, 2022; Огнева, 2022; Сивков, 2022), данное решение во многом обусловлено приверженностью

¹ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg. (2022, January 26). NATO. Retrieved May 10, 2023, from https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_191254.htm

² Speech by Volodymyr Zelenskyy at the 58th Munich Security Conference. (2022, February 19). *Réseau Voltaire*. Retrieved May 10, 2023, from <https://www.voltairenet.org/article217068.html>

принципам политического реализма, геополитическим подходом к обеспечению безопасности и самоопределению России. К задачам СВО были отнесены защита населения Донбасса путем возвращения российских исторических территорий под контроль России, а также обеспечение гарантий безопасности для нашей страны. Основными целями операции стали проведение демилитаризации и денацификации Украины, а также разгром антироссийского анклава во главе с НАТО на ее территории.

После обращения президента в течение суток лидеры и представители большинства российских политических партий, входящих и не входящих в состав Государственной Думы, выразили поддержку СВО. 28 апреля в пресс-центре МИА «Россия сегодня» прошел круглый стол на тему «Роль и место политических партий России в специальной военной операции», где была отмечена полная поддержка партиями страны решения о проведении СВО. А уже 3 октября руководители всех думских фракций поддержали принятие законов о вхождении в состав России ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Поддержка СВО политическими партиями осуществляется как путем активизации их собственных практических действий, так и посредством медиаосвещения усилий партий в данной области, что способствует дальнейшему распространению их программно-идеологических нарративов, повышая тем самым положительное наполнение имиджа. Особенно проявила себя в этом плане партия «Единая Россия». По словам политолога К.Н. Костина, она «максимально включилась в повестку СВО»³, принимая активное участие в волонтерской работе, помощи жителям новых территорий и участникам СВО. Все это, по его мнению, помогло «Единой России» обойти по рейтингам другие политические партии, которые не столь активно освещают и поддерживают спецоперацию. Аналогичную точку зрения выражают и другие политологи⁴.

Представители других думских фракций, в частности КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия – За правду», также заявляли о своей поддержке СВО, необходимости признания вхождения в состав России республик Донбасса. Так, один из руководителей КПРФ, депутат Л.И. Калашников подчеркнул, что обращение о признании ДНР и ЛНР в Госдуму внесли именно коммунисты, в то время как «остальные фракции побоялись его поддержать»⁵. Объясняя

³ Константин Костин: «У Единой России есть моральное обоснование на право представлять людей в различных политических органах». (2022, 8 декабря). *Официальный сайт партии «Единая Россия»*. Взято 10 мая 2023, с <https://er.ru/activity/news/konstantin-kostin-u-edinoj-rossii-est-moralnoe-obosnovanie-na-pravo-predstavlyat-lyudej-v-razlichnyh-politicheskikh-organah>

⁴ Асафов, А. (2022, 28 апреля). *В пресс-центре МИА «Россия сегодня» прошел круглый стол на тему «Роль и место политических партий России в специальной военной операции»*. *Asafov.ru*. Взято 10 мая 2023, с <https://asafov.ru/avtor/v-press-czentremia-rossiya-segodnya-proshel-kruglyj-stol-na-temu-rol-i-mesto-politicheskikh-partij-rossii-v-spezialnoj-voennoj-operaczii>

⁵ Леонид Калашников: «Единственное, чем нам грозят санкции – тем, что мы начнем работать над собой». (2022, 2 марта). *Обозрение*. Взято 10 мая 2023, с <https://oboz.info/leonid-kalashnikov-edinstvennoe-chem-nam-grozyat-sanktsii-tem-chto-my-nachnem>

малые затраты ЛДПР на предвыборную агитацию, А. Н. Диденко сообщил, что партия предпочла заложить в смету расходы на гуманитарную помощь ДНР и ЛНР. Депутат от «Справедливой России – За правду» М. Г. Делягин отметил поддержку своей партией СВО и высказался против «партии национальных предателей»⁶, выступающих за мирное решение проблем.

Несмотря на то что политические партии объединились в своем решении поддержать СВО, каждая из них представила собственную интерпретацию факта ее проведения, руководствуясь интересами своего электората и задачами укрепления имиджа.

В имидже любой политической партии можно выделить программно-идеологическую и событийную составляющие. Первая включает разработку целостных программных документов, в том числе устава и предвыборной программы. Вторая подразумевает создание информационных поводов, проведение конкретных мероприятий с разными группами электората – от деловых (конференции) до развлекательных (концертные программы, приуроченные к различным праздникам).

В своей поддержке СВО политические партии, используя СМИ для освещения собственных практических действий, обращаются к медиатехнологиям. Под последними обычно понимаются технологические приемы, производящие определенное медиавоздействие на целевую аудиторию в соответствии с заданными идейно-политическими установками. В качестве основных инструментов формирования исследователями (Гарбузняк, 2015; Дьякова, Трахтенберг, 1999; Лукьянова, 2017; Сарна, 2020; Сингаевская, 2020) выделяются такие медиатехнологии, как установление повестки дня, фрейминг и прайминг.

Посредством установления повестки дня создаются инфоповоды для освещения позиции партии в отношении СВО. Фрейминг упорядочивает связанную со спецоперацией событийную наполненность жизнедеятельности партии, соответствуя ее программно-идеологической составляющей. Применение технологии прайминга связано с задачами консолидации целевой аудитории партии, например, при обращении к празднованию памятных дат и дискурсу политики памяти.

Политические партии с разной интенсивностью используют медиатехнологии, продвигая себя посредством как телевизионных СМИ, так и Интернета, в 2022 г. опередившего телевидение по широте охвата аудитории и ставшего главным источником новостей для россиян⁷. Интернет-ресурсы становятся все более «самодостаточными и не требующими поддержки таких каналов, как телевидение, радио или пресса» (Чижов, 2016, с. 165).

В то время как одни партии, возникшие уже в условиях виртуализации и медиатизации политической сферы, более интегрированы в интернет-пространство,

rabotat-nad-soboj/

⁶ Делягин М. (2022, 15 мая). Очищение власти и пресечение агрессии Запада – условия выживания России. *Информационное агентство «АВРОРА»*. Взято 10 мая 2023, с <https://aurora.network/articles/183-sobytiya/101884-ochishhenie-vlasti-i-presechenie-agressii-zapada-uslovija-vyzhivaniya-rossii>

⁷ ВЦИОМ: главным источником новостей для россиян в 2022 г. стал Интернет. (2022, 26 декабря). *ТАСС*. Взято 10 мая 2023, с <https://tass.ru/obschestvo/16693149>

другие, существовавшие во время начала данных процессов, в меньшей степени рассчитаны на взаимодействие с избирателями посредством новых медиаресурсов, отдавая предпочтение традиционным СМИ.

По этой причине в качестве «новых» нами рассматриваются политические партии, созданные относительно недавно и активно пользующиеся медиатехнологиями для своего продвижения. Это партия «Зеленая альтернатива», представленная в Заксобрании Челябинской области и Госсовете Республики Коми, и «Новые люди», ставшая пятой партией в Государственной Думе. Под «старыми» партиями мы понимаем политические партии, созданные в начале развития интернет-коммуникаций и имеющие большой опыт работы во властных структурах. В нашей работе они представлены партиями, имеющими ограниченный политический ресурс. Это партия «Яблоко», кандидаты которой вошли в состав представительных органов 23 регионов, и «Партия пенсионеров», прошедшая в представительные органы 19 регионов России. Отметим, что данные партии демонстрировали быстрый рост своих рейтингов (до 4%) накануне выборов 2021 г.⁸

Однако нельзя утверждать, что «новые» партии чаще «старых» обращаются к интернет-пространству при своем продвижении, а «старые» эффективнее организуют и освещают мероприятия поддержки СВО благодаря своему политическому ресурсу. По этой причине при их сопоставлении в качестве эталонного объекта нами рассматривается партия «Единая Россия», обладающая значимым политическим ресурсом и при этом активно обращающаяся к интернет-коммуникации.

Основной целью настоящей статьи является проведение сравнительного анализа деятельности «новых» и «старых» партий в сфере поддержки и освещения СВО на территории Украины. Объектом исследования выступает информация о деятельности политических партий, связанная со спецоперацией и распространяемая самими партиями посредством интернет-ресурсов – через официальные сайты или страницы в социальных сетях. Предмет исследования составляют медиатехнологии, позволяющие воздействовать на общественное мнение и используемые партиями в контексте поддержки и освещения спецоперации. В рамках работы был проведен контент-анализ 44 медиатекстов, опубликованных политическими партиями и сообщающих о проведенных ими мероприятиях, связанных со спецоперацией.

Результаты исследования

Обладая разной степенью узнаваемости и разными политическими ресурсами, партии в своем позиционировании обращаются к схожим медиатехнологиям. Создавая повестку дня с помощью интернет-ресурсов, партии акцентируют внимание аудитории на важных, по их мнению, моментах, связанных с их соб-

⁸ Опрос ЦИПКР: Рейтинги КПРФ и «Единой России» почти сравнялись. Выборная активность политических партий на финише кампании в Госдуму. (2021, 9 сентября). *Официальный сайт КПРФ*. Взято 10 мая 2023, с <https://kprf.ru/activity/elections/205253.html>

ственными мероприятиями, проводимыми в поддержку СВО. Так, например, 28 февраля 2022 г. партия «Единая Россия» обратилась к повестке «За мир», напоминая о ключевой цели спецоперации, используя букву Z в качестве символа поддержки СВО. Другие политические партии также создают повестку дня, исходя из своей программно-идеологической составляющей. 25 февраля партия «Зеленая альтернатива» использовала слоган «На войне гибнут люди и экология»⁹, заявив о необходимости сохранения зеленой повестки даже во время СВО. В течение нескольких месяцев активно поднимались вопросы страдающих от техногенных пожаров лесов, оставленных без присмотра животных, а также несдетонировавших боеприпасов, которые представляют угрозу и для человека, и для природы.

До начала СВО партия «Новые люди» выступала за дипломатическое решение имеющихся противоречий. По этой причине 15 февраля 2022 г. она проголосовала против обращения к президенту по вопросу о признании ДНР и ЛНР. Однако 24 февраля, после заявления В.В. Путина о том, что все дипломатические попытки решения проблем оказались неудачными, а на созданные «риски в сфере безопасности другими средствами реагировать невозможно»¹⁰, партия поддержала проведение СВО и выступила с инициативой проведения «новой экономической политики». В ее рамках предложено «пересобрать производственные цепочки в условиях санкций» посредством снижения налогов. Глава партии А.Г. Нечаев обратился к Правительству РФ с предложением начать «специальную экономическую операцию»¹¹, введя налоговые льготы и предпринимательские свободы, в том числе на новых территориях. Под этим слоганом партия призывала к снятию с бизнеса ограничений, связанных с коронавирусом, «для помощи российской экономике в современных непростых реалиях». Данная повестка была повторно поднята после объявления в России частичной мобилизации, после чего ее поддержал ряд представителей других политических партий.

Партия «Яблоко» обратилась к повестке «За мир!», отмечая необходимость решения конфликтов дипломатическим путем во избежание жертв среди мирного населения и акцентируя внимание на проблеме беженцев, лишившихся дома из-за военных действий. В первые месяцы спецоперации «Яблоко» предлагало дипломатический путь решения разногласий, однако к лету 2022 г. перестало активно призывать к заключению мира, остановившись на предложении о прекращении огня, которое регулярно выдвигается партийными лидерами. 16 февраля 2023 г., в преддверии годовщины начала СВО, председатель партии Н.И. Рыбаков в очередной раз заявил, что невозможна победа силой. Возможно

⁹ На войне гибнут люди и экология. (2022, 25 февраля). *Партия «Зеленая альтернатива» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с <https://t.me/ZaEcology/919>

¹⁰ Обращение Президента Российской Федерации. (2022, 24 февраля). *Официальный сайт Президента России*. Взято 10 мая 2023, с <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>

¹¹ Предложил коллегам по Госдуме и новому вице-премьеру Денису Мантурову заглянуть за послевоенный горизонт. (2022, 15 июля). *НЕЧАЕВ в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/nechaev_official/154

краткосрочное достижение тех или иных результатов на поле боя очень большой ценой. Критически важно для будущего и России, и Европы, и Запада в целом, и Украины, чтобы прекратилась гибель людей¹².

«Партия пенсионеров», формируя собственную повестку дня, также обратилась к теме мира, отметив, однако, что лучшим способом его сохранения является изучение и сохранение знаний о военных преступлениях, что необходимо делать уже во время СВО, а не по ее окончании¹³. Данной повестки партия придерживалась вплоть до объявления в России частичной мобилизации, после чего минимизировала освещение событий на Украине и в Донбассе.

Медийная картина действительности, подразумевающая выделение «важных» и игнорирование «незначительных» сфер, включает в себе интерпретацию как политического процесса, так и отдельных его явлений, фактов, которые могут быть упорядочены фреймами (Гарбузняк, 2015). Фреймы представляют собой схемы интерпретации, задающие контекст понимания информации и позволяющие индивидам определять свою позицию, познавать, идентифицировать и наклеивать ярлыки.

В случае политических партий в качестве фрейма выступают их программы с намеченными целями и задачами. Процесс фрейминга подразумевает интерпретацию партией происходящих событий и создание новых инфоповодов в соответствии со своими идеологическими постулатами. В процессе исследования нами было установлено, что технология фрейминга используется в 31 из 44 рассмотренных медиатекстов (70 %).

Партия «Новые люди» в своей программе предлагает освободить предпринимателей от ограничений, силового и налогового давления, сократить долю государства в экономической отрасли и способствовать увеличению доходов граждан¹⁴. Во время СВО представители партии выступили с рядом проектов (в том числе законотворческих), соответствующих заявленным целям. Данная партия наиболее активно обращается к фреймингу: из всех медиатекстов, где используется эта технология, ей принадлежат 13 (42 %).

26 апреля 2022 г. депутаты партии внесли в Госдуму законопроект об отсрочке от призыва на военную службу для индивидуальных предпринимателей, работающих больше года и нанявших не менее пяти сотрудников¹⁵. 22 сентября на встрече с министром экономического развития М.Г. Решетниковым «Новые люди» предложили снизить или заморозить мобилизованным гражданам платежи по ипотеке. 26 сентября партия объявила о запуске службы депутатской

¹² Дайджест важных публикаций в каналах членов «Яблока». (2023, 16 февраля). *Партия «Яблоко» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/yabloko_party/2936

¹³ Партия пенсионеров – это партия мира. (2022, 3 марта). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <http://pensioner.party/partiya-pensionerov-eto-partiya-mira.html>

¹⁴ Программа политической партии «Новые люди». (без даты). *Официальный сайт партии «Новые люди»*. Взято 10 мая 2023, с https://newpeople.ru/program_newpeople

¹⁵ Законопроект № 114611-8 «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». *Система обеспечения законодательной деятельности*. Взято 10 мая 2023, с <https://sozd.duma.gov.ru/bill/114611-8>

поддержки для граждан, столкнувшихся с нарушениями в ходе призыва¹⁶. 1 октября «Новые люди» внесли в Госдуму законопроект о защите от мобилизации студентов-очников, многодетных отцов и кормильцев семьи¹⁷; 4 октября – законопроект об освобождении мобилизуемых от штрафов за нарушение правил дорожного движения¹⁸; 13 октября – законопроект о переводе на бюджет студентов вузов и ссузов, чьи родители были мобилизованы. 20 октября партия призвала правительство снизить налог на прибыль для компаний, выплачивающих зарплату мобилизованным сотрудникам¹⁹.

«Новые люди» также приняли участие в процессе включения новых регионов в состав России, в оказании им материальной и организационной поддержки. 16 января 2023 г. партия сообщила, что передала в Мариуполь оборудование для 15 машин скорой помощи²⁰. 16 февраля, после беседы с В.В. Путиным²¹, А.Г. Нечаев, подводя промежуточные итоги деятельности партии за время СВО, отметил создание ячеек в Донецке, Луганске, Северодонецке и Лисичанске, а также распространение на данные регионы программы «Я в деле» по созданию бизнеса.

«Зеленая альтернатива» в своей предвыборной программе заявляет о намерении добиться основательных перемен в природоохранной области как на законодательном, так и исполнительном уровне²². 17 мая 2022 г. партия

¹⁶ Методы и темпы частичной мобилизации вызывают все больше вопросов. (2022, 26 сентября). *Партия «Новые люди» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с <https://t.me/partynewpeople/597>

¹⁷ Законопроект № 203675–8 «О внесении изменений в Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации». *Система обеспечения законодательной деятельности*. Взято 10 мая 2023, с <https://sozd.duma.gov.ru/bill/203675-8>

¹⁸ Законопроект № 205480–8 «Об объявлении амнистии в отношении граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации, совершивших административные правонарушения в области дорожного движения». *Система обеспечения законодательной деятельности*. Взято 10 мая 2023, с <https://sozd.duma.gov.ru/bill/205480-8>

¹⁹ Новые люди призвали правительство снизить налог на прибыль для компаний, которые продолжают платить зарплату мобилизованным сотрудникам. (2022, 20 октября). *Партия «Новые люди» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с <https://t.me/partynewpeople/614>

²⁰ Депутат Олег Леонов доставил подстанции скорой помощи Мариуполя медоборудование и гуманитарную помощь нуждающимся Донбасса. (2023, 16 января). *Официальный сайт партии «Новые люди»*. Взято 10 мая 2023, с <https://newpeople.ru/News/deputat-oleg-leonov-dostavil-podstancii-skoroj-pomoshi-mariupolya-medoborudovanie-i-gumanitarnuyu-pomosh-nuzhdayushimsya-donbassa>

²¹ Состоялась встреча Президента РФ Владимира Путина с руководителем фракции «Новые люди» Алексеем Нечаевым. (2023, 15 февраля). *Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации*. Взято 10 мая 2023, с <http://duma.gov.ru/news/56405/>

²² Манифест партии «Зеленая альтернатива». (без даты). *Официальный сайт партии «Зеленая альтернатива»*. Взято 10 мая 2023, с <https://zaecology.ru/zelyonaya->

выступила с инициативой о недопущении несогласованной и бесконтрольной вырубке лесов для нужд Минобороны, призвав своих сторонников голосовать против соответствующего законопроекта²³.

В программе партии «Яблоко» делается акцент на обеспечении прав российских граждан, которые гарантируются им Конституцией РФ²⁴. 19 июля 2022 г. заместитель председателя «Яблока», депутат петербургского Заксобрания Б. Л. Вишневецкий помог беженцам из Донбасса устроить ребенка в детский сад, подчеркнув, что Конституцией гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного образования²⁵. 22 апреля «Яблоко» объявило о проведении онлайн-марафона «Скажи миру ДА!», по словам организаторов, позволяющего гражданам России выразить свою гражданскую позицию²⁶. 15 июня партия предложила запретить участие срочников в боевых действиях за пределами РФ без объявления военного положения²⁷. 26 сентября, после объявления мобилизации, челябинское отделение партии обратилось к губернатору с вопросом о возможности замены военной службы альтернативной гражданской службой, ссылаясь на то, что в Конституции РФ прописана такая возможность²⁸. 5 ноября депутаты «Яблока» в Петербурге призвали к соблюдению конституционных прав мобилизованных на охрану здоровья и на жизнь²⁹. А в декабре «Яблоко» призвало министра просвещения РФ принять меры по оказанию психологической помощи детям и взрослым, чьи родственники принимают участие в СВО³⁰.

alternativa/

²³ Минобороны хочет получить право на вырубку лесов без согласований. (2022, 17 мая). *Партия «Зеленая альтернатива» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с <https://t.me/ZaEcology/1208>

²⁴ Программа партии «Яблоко». (2016). *Официальный сайт партии «Яблоко»*. Взято 10 мая 2023, с <https://www.yabloko.ru/program>

²⁵ Благодаря зампреду «Яблока», депутату петербургского Заксобрания Борису Вишневецкому беженцам из Донбасса удалось устроить ребенка в детский сад. (2022, 19 июля). *Партия «Яблоко» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/yabloko_party/2108

²⁶ «Яблоко» запускает гражданскую акцию «Скажи миру ДА!». (2022, 22 апреля). *Официальный сайт партии «Яблоко»*. Взято 10 мая 2023, с <https://www.yabloko.ru/cat-news/2022/04/22-0>

²⁷ Проект постановления Законодательного Собрания Санкт-Петербурга о внесении изменения в статью 36 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». (2022, 15 июня). *Официальный сайт партии «Яблоко»*. Взято 10 мая 2023, с https://www.yabloko.ru/files/users/user101/srochniki_0.pdf

²⁸ Дайджест важных публикаций в каналах членов «Яблока». (2022, 13 октября). *Партия «Яблоко» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/yabloko_party/2508

²⁹ Фракция «Яблоко» потребовала обеспечить право мобилизованных на необходимое медицинское освидетельствование. (2022, 18 ноября). *Официальный сайт партии «Яблоко»*. Взято 10 мая 2023, с <https://www.yabloko.ru/regnews/Spb/2022/11/18>

³⁰ Обращение депутата Законодательного Собрания Республики Карелии Э. Э. Слабуновой к министру просвещения Российской Федерации С. С. Кравцову. (2022, 20 декабря). *Официальный сайт партии «Яблоко»*. Взято 10 мая 2023, с <https://www>

«Партия пенсионеров» в своей программе называет одной из задач «принятие максимальных мер для решения проблемы бедности»³¹. 11 марта руководитель фракции партии в Волгоградской областной Думе Е.А. Кареликов заявил, что «проведение спецоперации позволит изменить к лучшему жизнь людей Донбасса»³². В своей программе партия также отмечает, что выступает за установление минимальных норм соцобеспечения по всем основным социальным направлениям. 20 октября в Волгоградской области был принят рекомендованный партией законопроект об обеспечении детей мобилизованных граждан бесплатным горячим питанием³³. 26 октября «Партия пенсионеров», призывающая в своей программе к «повышению эффективности расходов на здравоохранение», отметила важную роль медицинских работников в спецоперации и призвала увеличить финансирование сферы здравоохранения в новых регионах³⁴. 17 февраля 2023 г. рязанским региональным отделением предложен проект по разработке и реализации общедолевой программы «Жду тебя», нацеленной на оказание помощи и предоставление комплексной поддержки женам военнослужащих, участвующих в СВО³⁵.

Также политические партии занимаются оказанием гуманитарной помощи. Так, 3 октября 2022 г. псковское отделение партии «Яблоко» объявило сбор помощи беженцам, долгое время находившимся на пограничных переходах в Псковской области³⁶. В конце октября партия присоединилась к комитету «Гражданское содействие» по решению вопросов помощи беженцам из Донбасса. 15 ноября было сообщено о доставке активистами партии в московский офис «Гражданского содействия» 50 коробок гуманитарного груза³⁷.

yabloko.ru/files/users/user165/Slabunova_Kravcov_20.12.22.pdf

³¹ Программа «Партии пенсионеров». (без даты). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <https://pensioner.party/about/programma>

³² Наша сила – в совместной работе и ответственности! (2022, 11 марта). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <https://pensioner.party/nasha-sila-v-sovmestnoj-rabote-i-otvetstvennosti.html>

³³ Дети граждан, призванных в ходе частичной мобилизации в Волгоградской области, будут обеспечены бесплатным горячим питанием. (2022, 20 октября). *«Партия пенсионеров» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/pensioner_party/1436

³⁴ Евгений Кареликов: нельзя забывать о социальной значимости труда наших медиков! (2022, 26 октября). *«Партия пенсионеров» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/pensioner_party/1445

³⁵ Наталья Рубина представила проект помощи женам военных. (2023, 17 февраля). *«Партия пенсионеров» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/pensioner_party/1717

³⁶ Псковское «Яблоко» ищет волонтеров для помощи украинским беженцам на пограничных пунктах Псковской области. (2022, 4 октября). *Партия «Яблоко» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/yabloko_party/2467

³⁷ Отправили в Комитет «Гражданское содействие» больше 50 коробок с теплой одеждой, продуктами, средствами гигиены и лекарствами для беженцев из Украины, вынужденных оставить свои дома из-за военных действий. (2022, 15 ноября). *Партия «Яблоко» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/yabloko_party/2607

28 февраля 2022 г. волгоградское отделение «Партии пенсионеров» объявило о сборе гуманитарной помощи для оказания поддержки беженцам из ДНР и ЛНР. 21 марта это же отделение приняло участие в акции «Тепло из дома», в ходе которой граждане могли отправить вещи, подарки и письма со словами поддержки военнослужащим российской армии в зоне проведения СВО³⁸. В сентябре сахалинское отделение партии приняло участие в сборе средств для донецкого фонда «Теплые сердца», организовав благотворительный конкурс бардовской песни³⁹.

Партия «Новые люди» 24 февраля 2022 г. объявила о сборе гуманитарной помощи, открыв около 100 площадок сбора в разных городах и начав использовать для распространения информации об этом в социальных сетях хештег #ЛюдиВажнее. 5 марта свердловское отделение партии провело акцию «Час помощи» для беженцев из ДНР и ЛНР. 2 апреля партия объявила автопробег для сбора гуманитарной помощи, в котором принимало участие свыше 100 машин, проехавших через пять городов⁴⁰.

«Зеленая альтернатива» после начала спецоперации сделала акцент на том, как боевые действия влияют на экологию, животных и растения. По этой причине 3 марта 2022 г. партия объявила об инициативе помощи брошенным беженцами животным, призвав российские зооприюты и питомники принять их на попечение⁴¹. 7 апреля партия поддержала инициативу проведения всероссийской акции по сбору средств для помощи зоопаркам, аквариумам и зооуголкам Донбасса и Украины в городах, впоследствии вошедших в новые регионы в составе России, например, в Мариуполе⁴², а 29 сентября партия поддержала общественную инициативу «Помощь питомцам мобилизованных россиян»⁴³.

³⁸ Партия пенсионеров участвует в акции «Тепло из дома». (2022, 21 марта). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <http://pensioner.party/partiya-pensionerov-uchastvuet-v-aktsii-teplo-iz-doma.html>

³⁹ На Сахалине рассказали, какими вопросами займется Партия пенсионеров в первую очередь. (2022, 17 сентября). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <http://pensioner.party/na-sahaline-rasskazali-kakimi-voprosami-zajmetsya-partiya-pensionerov-v-pervuyu-ochered.html>

⁴⁰ Новые люди едут в Белгородскую область, чтобы помочь беженцам с Донбасса и Украины. (2022, 1 апреля). *Партия «Новые люди» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с <https://t.me/partynewpeople/513>

⁴¹ Российские зооприюты должны принять брошенных беженцами животных. (2022, 7 апреля). *Официальный сайт партии «Зеленая альтернатива»*. Взято 10 мая 2023, с <https://zaecology.ru/raznoe/rossijskie-pitomniki-dolzny-prinyat-broshennyh-bezhencami-zhivotnyh/>

⁴² В Московском зоопарке 7 апреля началась всероссийская акция по сбору средств для помощи зоопаркам, аквариумам и зооуголкам Донбасса и Украины. (2022, 7 апреля). *Партия «Зеленая альтернатива» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с <https://t.me/ZaEcology/1027>

⁴³ Помощь питомцам мобилизованных россиян. (2022, 29 сентября). *Партия «Зеленая альтернатива» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с <https://t.me/zaecology/1783/>

В отличие от остальных политических партий «Единая Россия» ссылается на свой большой опыт организационной работы и сбора средств во время коронавируса. 25 февраля 2022 г. «Единая Россия» сообщила о формировании отрядов волонтеров-медиков и о сборе денежных средств, напомнив, что во время пандемии партией проводился такой же масштабный сбор помощи, благодаря которому были удовлетворены потребности в регионах по СИЗам, реанимобилям и транспорту для врачей⁴⁴.

Помимо фрейминга, эффективным инструментом формирования медиарезультативности является прайминг, использующийся в 13 из 44 рассмотренных нами медиатекстов. Под праймингом понимается прием, способствующий быстрому решению какой-либо задачи и формированию мнения в отношении какой-либо проблемы благодаря схожим вопросам или действиям, имевшим место в прошлом. Прайминг-эффект связан с «активацией конкретных ассоциаций и воспоминаний в памяти с целью повлиять на последующее поведение, в том числе эмоции, мысли и реакции» (Лидвелл и др., 2014, с. 186).

Обращаясь к технологии прайминга, партии могут распространять свою повестку дня или призывать избирателей к участию в мероприятиях. Так, партия «Яблоко» в 2022 г. обратилась к 1 Мая и его лозунгам, в очередной раз напомнив о своей «мирной повестке», а в конце декабря провела новогодние елки для 250 детей-беженцев. Партия «Новые люди» создала отдельную «елку желаний» для детей Донбасса. В феврале 2023 г. «Партия пенсионеров» в Волгоградской области объявила сбор подарков ко Дню защитника Отечества для военнослужащих и добровольцев-участников СВО в рамках региональной акции «Тепло из дома».

«Старые» политические партии, говоря о своей поддержке спецоперации, обращаются также к технологиям политики памяти, направленным на управление коллективной исторической памятью народа (Русакова, Русаков, 2015, с. 11). Посредством этого партии формируют у целевой аудитории ассоциации между событиями в ходе военно-политического конфликта на Украине с рядом знаковых событий времен Великой Отечественной войны, а также с мировой угрозой в виде риска возрождения в странах Европы идеологии и практик нацизма. Кроме того, обращение к дискурсу политики памяти расширяет возможности партий оказаться в числе основных идеологических акторов, ведущих идейно-информационную борьбу с враждебными России военно-политическими силами, «помогает закреплению в памяти современных россиян правдивых представлений об истоках, цене и мировой ценности Великой Победы» (Русакова, 2022, с. 183–214).

«Единая Россия», интерпретируя события СВО, обращается к дискурсу политики памяти в масштабах международных отношений. Так, 8 мая 2022 г. партия провела акцию «Правду и память не отменить!» перед посольствами 14 стран в Москве, чтобы напомнить, «благодаря кому европейские города

⁴⁴ Единая Россия запустила централизованный сбор денежных средств в помощь жителям Донбасса. (2022, 25 февраля). *Партия «Единая Россия» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/er_molnia/2879

сейчас живут мирной жизнью и развиваются»⁴⁵. А 9 мая организовала «Караул памяти» у Посольства Латвии в Москве, выступая против запрета в данной стране на проведение праздничных мероприятий в районе памятников, прославляющих Советскую армию и ее победы.

Также «Единая Россия» придает важное значение вопросу продвижения русского языка, регулярно проводя акции «Диктант Победы» во включенных в состав России в 2022 г. регионах. Партия уделяет внимание и содержательной стороне языка, собирая в рамках акции «Книги – Донбассу» русскоязычные книги и учебники, рассказывающие о мужестве и самоотверженности советского народа в Великой Отечественной войне, и заменяя ими изъятую литературу на украинском языке, содержащую «прямую пропаганду русофобии»⁴⁶.

«Партия пенсионеров», еще одна политическая партия «старого» типа, выступила 1 марта 2022 г. с инициативой по активизации политики памяти, предложив создать центры национальной памяти в Луганске и Донецке. К данному предложению партия вернулась накануне годовщины СВО, 22 февраля 2023 г.: «В таких центрах должна документироваться, анализироваться, храниться и изучаться информация о военных преступлениях, вестись необходимая юридическая работа»⁴⁷. 18 марта 2022 г. партия приняла активное участие в «Крымской весне» в Волгограде, выразив свою солидарность с жителями Донбасса и российскими военнослужащими, о чем было заявлено в речи одного из партийных лидеров: «Мы пришли выразить свою солидарность, сопереживание, поддержку этим независимым республикам, нашим военнослужащим, осуществляющим спецоперацию в Украине, политике нашего президента и правительства в это непростое время»⁴⁸. Накануне 9 мая партия организовала встречу ветеранов с молодежью, проведя параллели между Великой Отечественной войной и спецоперацией на Украине и отметив свою роль в донесении «правды о войне» до молодого поколения: «Ветераны Великой Отечественной войны, представители органов власти и общественных организаций встретились с молодежью для того, чтобы рассказать о значимости Дня Победы для всей нашей страны. Сегодня наша страна, как и почти век назад, вступила в бой с фашизмом. Наша сила в правде, мы должны нести эту

⁴⁵ Более 5 тысяч активистов МГЕР и «Волонтерской Роты» провели акцию «Правду и память не отменить!» у 14 посольств в Москве. (2022, 8 мая). *Партия «Единая Россия» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/er_molnia/3611

⁴⁶ Андрей Турчак: В ближайшее время на территории Донбасса, Херсона, Запорожья будет направлено 104 тысячи книг в рамках акции Единой России «Книги – Донбассу». (2022, 28 июня). *Партия «Единая Россия» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/er_molnia/4220

⁴⁷ Евгений Кареликов: Донецку и Луганску нужны Центры национальной памяти. (2022, 1 марта). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <https://pensioner.party/evgenij-karelikov-donetsku-i-lugansku-nuzhny-tsentry-natsionalnoj-pamyati.html>

⁴⁸ Партия пенсионеров встретила Крымскую весну в Волгограде. (2022, 18 марта). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <https://pensioner.party/partiya-pensionerov-vstretila-krymskuuyu-vesnu-v-volgograde.html>

правду, прежде всего молодежи, которая в силу возраста, недостатка знаний и опыта не всегда правильно понимает, что сейчас происходит в мире. С каким серьезным врагом столкнулась наша страна, и какие вызовы стоят перед нами. Здесь как никогда нужна помощь очевидцев, тех, кто прошел войну, видел ее не в фильмах и играх, а наяву»⁴⁹.

16 июня 2022 г. по инициативе «Партии пенсионеров» было организовано вручение премии «Защитник русского мира». Ее задачей провозгласили «недопущение уничтожения русского мира западными державами». При этом организаторами проведена параллель между противостоянием России и Запада в XXI в. и борьбой СССР со странами Оси: «Это решительный бой! Нельзя повторить событий 30–40 годов прошлого века. Фашизм, порожденный политикой США и ЕС, снова поднял голову»⁵⁰.

1 февраля 2023 г., накануне 80-й годовщины победы в Сталинградской битве, активисты волгоградского отделения «Партии пенсионеров» возложили венки и цветы к мемориалу на Лысой горе, отметив, что и сегодня Россия защищает мир от фашизма: «Мы склоняем головы перед памятью павших героев и благодарим сталинградцев, жителей сражающегося города, живущих сейчас рядом с нами. В условиях проведения специальной военной операции пример наших дедов и отцов вдохновляет бойцов на передовой, борющихся с возрожденным фашизмом на Украине. Сегодня Россия защищает от фашизма не только жителей Украины, но и наше Отечество от тотального уничтожения, лжи и ненависти!»⁵¹.

«Яблоко», как и «Партия пенсионеров», проводит параллели между спецоперацией и другими историческими событиями, обращая при этом внимание на события мировой истории. 16 апреля 2022 г., во время 21-го съезда партии, было предложено почтить память всех погибших на Украине, сославшись на события Гражданской войны в Испании. Вместо баннера с партийной символикой на съезде использовалась картина Пабло Пикассо «Герника», посвященная подвергнутому 26 апреля 1937 г. жестоким бомбардировкам испанскому городу, что должно было напоминать о судьбе погибших мирных жителей: «Сегодняшняя судьба многих городов Украины – Мариуполя, Чернигова, древнейшего города Киевской Руси, повторяет судьбу Герники»⁵². 9 мая 2022 г. партия назвала не просто Днем Победы, а Днем памяти о тех,

⁴⁹ Наша сила в правде! (2022, 8 мая). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <https://pensioner.party/nasha-sila-v-pravde.html>

⁵⁰ В Солнечногорске вручили медали «Защитнику русского мира». (2022, 17 июня). *Официальный сайт «Партии пенсионеров»*. Взято 10 мая 2023, с <https://pensioner.party/v-solnechnogorske-vruchili-medali-zashhitniku-russkogo-mira.html>

⁵¹ Партия пенсионеров последовательно отстаивает историческую истину и встречает 80-ю годовщину победы в Сталинградской битве. (2023, 1 февраля). *Telegraph*. Взято 10 мая 2023, с <https://telega.ph/Partiya-pensionerov-posledovatelno-otstaivaet-istoricheskuyu-istinu-i-vstrechaet-80-yu-godovshchinu-pobedy-v-Stalingradskoj-bitv-02-01>

⁵² Вместо традиционного баннера с партийной символикой на съезде «Яблока» сегодня картина Пабло Пикассо «Герника». (2022, 16 апреля). *Партия «Яблоко» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/yabloko_party/1728

кто пожертвовал своей жизнью ради мира во всем мире. При этом партией не была поддержана прямо ни одна из противостоящих в ходе СВО сторон: «9 Мая – День памяти о тех, кто отдал свою жизнь, чтобы никогда не было войны. Чтобы в мире никогда не было войны. Ни в России, ни на Украине»⁵³.

В отличие от «старых» «новые» партии обращаются к политике памяти значительно реже, апеллируя к уже существующим коммеморациям. Так, «Зеленая альтернатива» 4 ноября 2022 г. поздравила россиян с Днем народного единства, отметив, что Россия не раз сталкивалась с желанием недругов «поработить и растоптать» ее, но всегда побеждала благодаря народной сплоченности: «Сегодня мы, потомки взявших на себя ношу защиты Отечества предков, чтим память об их подвиге и рассказываем своим детям о тех исторических событиях. Россия уже не раз доказывала всему миру, что ее главное достояние – это народ, сила и сплоченность которого в состоянии преодолеть любые трудности и побить любого врага. Поэтому гордитесь собой, своими соотечественниками и великой Родиной. Пока мы едины, мы непобедимы!»⁵⁴

Партия «Новые люди» поздравила свою целевую аудиторию с 9 Мая, обращаясь к теме противостояния России и Запада. При этом партией вспоминается не только Победа СССР в Великой Отечественной, но и неудачи государства в холодной войне: «Мы победили огромной ценой, но если наши деды – поколение Победы, то в каком-то смысле наши отцы потерпели поражение в холодной войне, – считает наш лидер Алексей Нечаев». При этом происходит отсылка к основным причинам СВО, связанным с угрозами расширения НАТО на восток и отмеченным В.В. Путиным 24 февраля 2022 г.: «Запад обманул нас, пообещав «общую Европу», европейский дом, декларируя, что не будет никакого продвижения НАТО, что не нужно бороться двум системам: социалистической и капиталистической. Мы пережили этот обман, восстановили нашу страну, и сегодня Россия имеет силы для того, чтобы обеспечить свою безопасность и начать переобустраивать мир заново. Больше мы не дети поражения, теперь от нас зависит, что будет со страной»⁵⁵.

Заключение

В ходе исследования мы пришли к ряду выводов, сделанных на основе сравнительного анализа способов использования «старыми» и «новыми» политическими партиями России определенных медиатехнологий и приемов в ходе освещения ими своей деятельности во время СВО.

Как «старые», так и «новые» партии устанавливают свою повестку дня в соответствии с основными идеологическими постулатами, акцентируя внима-

⁵³ 9 Мая – День памяти о тех, кто отдал свою жизнь, чтобы никогда не было войны. (2022, 10 мая). *Партия «Яблоко» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с https://t.me/yabloko_party/1818

⁵⁴ С Днем народного единства. (2022, 4 ноября). *Партия «Зеленая альтернатива» в Telegram*. Взято 10 мая 2023, с <https://t.me/ZaEcology/1894>

⁵⁵ Поздравляем с Днем Великой Победы! (2022, 9 мая). *Партия «Новые люди» ВКонтакте*. Взято 10 мая 2023, с https://vk.com/wall-193605942_66986

ние на собственных мероприятиях в поддержку СВО. В то время как «новые» партии при установлении повестки дня учитывают проблемы, изначально обозначенные их программными документами (например, защита экологии и прав предпринимателей), «старые» обращаются к теме мира, формируя повестку дня во внешнеполитических масштабах.

Фрейминг позволяет политическим партиям упорядочить событийную наполненность их жизнедеятельности, связанную со спецоперацией. Как «старые», так и «новые» партии активно обращаются к данной медиатехнологии, предлагая законодательные инициативы, принимая участие в акциях сбора гуманитарной помощи и создавая собственные социальные проекты, выражающие отношение партии к спецоперации и призывающие к консолидации электората по вопросам, связанным с ней. Масштабы и цели данных проектов обусловлены возможностями и организационными ресурсами политических партий. Основным адресатом деятельности как «старых», так и «новых» политических партий в рамках технологии фрейминга являются военнослужащие в зоне СВО, в том числе мобилизованные граждане, и их семьи. Однако «новые» партии более активно участвуют в поддержке новых регионов в составе России, поставляя им гуманитарную помощь и участвуя в образовательных и социальных проектах, способствующих интеграции населения в российское гражданское общество.

Применение технологии прайминга позволяет политическим партиям при помощи эксплуатации конкретных ассоциаций и воспоминаний их целевой аудитории воздействовать на формирование определенного мнения в отношении СВО и деятельности партий в ее условиях.

Как «старые», так и «новые» партии обращаются к праздникам, таким как Новый год или 1 Мая, создавая ассоциативную связь между ними и спецоперацией и подчеркивая тем самым свою позитивную роль в облегчении тягот как жителей пострадавшего Донбасса, так и участников СВО.

Также партии активно обращаются к дискурсу политики памяти, приурочивая свои мероприятия к памятным датам и выступая тем самым в качестве акторов идейно-информационной деятельности. Как «старые», так и «новые» партии поднимают вопрос преемственности поколений в рамках исторической памяти, однако представители «новых» партий лишь упоминают об этом в своих речах, в то время как «старые» проводят мероприятия по ее укреплению и предлагают соответствующие инициативы. Организуются встречи ветеранов с представителями молодого поколения для формирования чувства личной причастности к судьбам солдат Великой Отечественной войны, а также предлагаются другие меры по сохранению и защите исторической истины, в том числе создание центров национальной памяти.

При обращении к дискурсу политики памяти «старые» и «новые» политические партии проводят определенные исторические параллели между спецоперацией и рядом важных исторических событий, в том числе Великой Отечественной войны. При этом «старые» партии призывают к переосмыслению уроков прошлого, а «новые» заявляют о надеждах на будущее и возможностях изменения мира через преодоление трудностей.

Список литературы

1. Гарбузняк, А. Ю. (2015). Повестка дня СМИ как технология интерпретации. *Электронный научный журнал «Медиаскоп»*, (1). Взято 10 мая 2023, с <http://www.mediascope.ru/1684>
2. Гойчев, Р. И. (2022). Влияние геополитики США на безопасность в Европе в условиях украинского конфликта. *Вопросы политологии*, 12(6), 2043–2051. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.82.6.022>
3. Дьякова, Е. Г., Трахтенберг, А. Д. (1999). Проблемы конструирования реальности в процессах массовой коммуникации: гипотеза «agenda-setting». *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, (1), 142–160.
4. Лидвелл, У., Холден, К., Батлер, Дж. (2014). *Универсальные принципы дизайна*. СПб.: Питер.
5. Лукьянова, Г. В. (2017). Медиатехнологии конструирования постправды. В О. В. Попова (Ред.), *Политика постправды и популизм в современном мире: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (22–23 сентября 2017 г., Санкт-Петербург)* (с. 132–133). СПб.: Скифия-принт.
6. Огнева, В. В. (2022). Геополитическое самоопределение России в контексте украинского кризиса. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (2), 53–60. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-2-53-60>
7. Русаков, В. М., Русакова, О. Ф. (2020). Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы. *Дискурс-Пи*, (2), 27–47. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202>
8. Русакова, О. Ф. (Ред.). (2022). *Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики*. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».
9. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2015). Агональный дискурс современной политики памяти. *Дискурс-Пи*, (1), 10–19.
10. Сарна, А. Я. (2020). Технологии воздействия на аудиторию в современном медиaprостранстве. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 13(2), 218–235. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.207>
11. Сивков, К. В. (2022). Геополитика спецоперации. В *Военная безопасность России: взгляд в будущее: Материалы 7-й Международной межведомственной научно-практической конференции (17 мая 2022 г., Москва)* (Т. 1, с. 111–117). М.: Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана.
12. Сингаевская, М. В. (2020). Технологии управления общественным мнением. *Социология*, (2), 71–80.
13. Чижов, Д. В. (2016). Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты. *Гражданин. Выборы. Власть*, (2–3), 159–175.

References

1. Chizhov, D. V. (2016). Internet-kommunikacii politicheskikh partij: tipologicheskie cherty i instrumenty [Internet-communication of political parties: Typological features and tools]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, (2–3), 159–175.
2. Dyakova, E. G., & Trakhtenberg A. D. (1999). Problemy konstruirovaniya real'nosti v processah massovoy kommunikacii: gipoteza "agenda-setting" [The problem of constructing reality in mass communication process: The agenda setting hypothesis]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, (1), 142–160.
3. Garbuznyak, A. Yu. (2015). Povestka dnja SMI kak tehnologija interpretacii [Media agenda as a technology of interpreting]. *E'lektronnyj nauchnyj zhurnal "Mediascope"*, (1). Retrieved May 10, 2023, from <http://www.mediascope.ru/1684>
4. Goichev, R. I. (2022). Vlijanie geopolitiki SShA na bezopasnost' v Evrope v usloviyah ukrainskogo konflikta [The impact of US geopolitics on security in Europe in the context of the Ukrainian conflict]. *Voprosy politologii*, 12(6), 2043–2051. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.82.6.022>
5. Lidwell, W., Holden, K., & Butler, J. (2014). *Universal'nye principy dizajna* [Universal principles of design]. Saint Petersburg: Piter.
6. Lukyanova, G. V. (2017). Mediatehnologii konstruirovaniya postpravdy. In O. V. Popova (Ed.), *Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (22–23 sentyabrya 2017 g., Sankt-Peterburg)* (pp. 132–133). Saint Petersburg: Skifija-print.
7. Ogneva, V. V. (2022). Geopoliticheskoe samoopredelenie Rossii v kontekste ukrainskogo krizisa [Russia's geopolitical self-determination in the context of the Ukrainian crisis]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (2), 53–60. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-2-53-60>
8. Rusakov, V. M., & Rusakova, O. F. (2020). Infrastruktura novoj politiki nacional'noj pamjati na postsovetskom prostranstve. K postanovke problem [Infrastructure of the new national memory politics in the post-Soviet space. To the statement of a problem]. *Diskurs-Pi*, (2), 27–47. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202>
9. Rusakova, O. F. (Ed.). (2022). *Oficial'nyj diskurs rossijskoj politiki pamyati o sovetskom proshlom: strategii interpretacii, aktory, kommemorativnye praktiki* [The official discourse of the Russian politics of memory on the Soviet past: Interpretation strategies, actors, commemorative practices]. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".
10. Rusakova, O. F., & Rusakov, V. M. (2015). Agonal'nyj diskurs sovremennoj politiki pamjati [Agonistic discourse of modern politics of memory]. *Diskurs-Pi*, (1), 10–19.
11. Sarna, A. Ja. (2020). Tehnologii vozdejstvija na auditoriju v sovremennom mediaprostranstve [Technologies of influencing the audience in the modern media space]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*, 13(2), 218–235. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.207>

12. Singaevskaja, M. V. (2020). Tehnologii upravlenija obshhestvennym mneniem [Public opinion management technologies]. *Sociologija*, (2), 71–80.
13. Sivkov, K. V. (2022). Geopolitika specoperacii. In *Voennaja bezopasnost' Rossii: vzgljad v budushhee: Materialy 7-j Mezhdunarodnoj mezhvedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii (17 maja 2022 g., Moscow)* (Vol. 1, pp. 111–117). Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet imeni N. E'. Bauman.

Информация об авторе

Всеволод Анатольевич Голоскоков, магистр политологии, младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7157-5593>, e-mail: wsewolod1998@mail.ru

Information about the author

Vsevolod Anatolievich Goloskokov, Master of Political Science, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7157-5593>, e-mail: wsewolod1998@mail.ru

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР
ПО ПРОЕКТУ «ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА
В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ:
КОНЦЕПЦИИ, ИНСТИТУЦИИ И ПРАКТИКИ»
(ЕКАТЕРИНБУРГ, ИЮЛЬ 2023 Г.)**

**RESEARCH SEMINAR
ON THE PROJECT “DESIGNING A PERSON
IN A POST-CONFLICT SITUATION:
CONCEPTS, INSTITUTIONS AND PRACTICES”
(EKATERINBURG, JULY 2023)**

УДК 141.319.8+37

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_121

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ ПЕДАГОГИКИ МИРА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ И ПОДХОДОВ

Екатерина Сергеевна Черепанова,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
e.s.cherepanova@urfu.ru

Получена 07.06.2023.

Поступила после рецензирования 30.07.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Черепанова Е.С. Философско-антропологические основания немецкой педагогики мира: трансформация основных понятий и подходов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 121–137. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_121

Аннотация

Педагогика мира возникает после Второй мировой войны прежде всего для воспитания детей и молодежи ФРГ и ГДР в новом идеологическом ключе. С 1980-х гг. педагогика мира ориентируется в основном на развивающиеся страны, где имеют место постоянные военные конфликты, в которые в качестве активных участников (солдат) включены дети. Предметом анализа в статье являются основные понятия (мир, агрессия, человек и т. п.), которые разрабатывают немецкие теоретики, начиная с 1950-х гг. Выявлено, что среди философско-антропологических концептов педагогики мира в ФРГ на первом этапе ее становления находятся следующие: эксцентрическая позициональность человека как живого существа (Г. Плеснер); агрессия как врожденный инстинкт и ее сложные отношения с установлением связей и взаимодействий между людьми (К. Лоренц); человек как биологически недостаточное существо (А. Гелен). В ГДР педагогические теории были фундированы марк-

© Черепанова Е.С., 2023

систским толкованием сущности человека. После объединения Германии происходят существенные изменения, что знаменует второй этап развития педагогики мира. Человек понимается как существо, хотя и связанное с природой, но в большей мере детерминированное культурой. В этой связи на первый план выходит та часть теории Г. Плеснера, где анализируется сопредельный мир (Mitwelt) и духовная деятельность человека. Значимым становится и концепт Другого. Признавая антропологические законы эксцентрической позициональности, естественной искусственности, опосредствованной непосредственности, исследователи подчеркивают также необходимость учитывать влияние культуры, которая определяет человеческую уникальность.

Ключевые слова:

человек, конфликт, философская антропология, педагогика мира, немецкая педагогика мира, агрессия, философия Г. Плеснера.

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>

UDC 141.319.8+37

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_121

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE GERMAN PEACE PEDAGOGY: TRANSFORMATIONS OF KEY CONCEPTS AND APPROACHES

Ekaterina S. Cherepanova,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
e.s.cherepanova@urfu.ru

Received 07.06.2023.

Revised 30.07.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Cherepanova, E.S. (2023). Philosophical and Anthropological Foundations of the German Peace Pedagogy: Transformations of Key Concepts and Approache. *Discourse-P*, 20(3), 121–137. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_121

Abstract

Peace pedagogy or peace education appeared after World War II primarily for bringing up German children and youth in line with a new ideology. Since the 1980s, peace education has been oriented mainly at developing countries with permanent armed conflicts often involving children as active participants (soldiers). This article focuses on the basic concepts (peace, aggression, man, etc.), which have been framed in German peace education theory since the 1950s. It is revealed there were the following philosophical and anthropological concepts of peace pedagogy in West Germany at the initial stage of its development: eccentric positionality of man as a living being (Helmuth Plessner); aggression as an innate instinct and its complex relationship with bonding and cooperation among humans (Konrad Lorenz); and man as a biologically deficient being (Arnold Gehlen). In East Germany, education theories were based on the Marxist interpretation of the human essence. After the unification of Germany, peace education theory underwent some significant transformations, which marks the second stage in its development. Man is understood as a living being that, although being connected with nature, is shaped by culture to a greater extent. In this regard, what comes to the fore is the part of Plessner's theory that deals with the shared world (Mitwelt) and human spiritual activities. The concept of the Other has also become meaningful. Recognizing the anthropological laws of eccentric positionality, natural artificiality, and mediated immediacy, the researchers also emphasize the need to take into account the influence of culture, which determines man's uniqueness.

Keywords:

man, conflict, philosophical anthropology, peace education, German peace pedagogy, aggression, Helmuth Plessner's philosophy.

Funding:

the research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00851, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00851/>

Введение

Развитие немецкой философской антропологии в XX столетии видится достаточно изученной темой, которая актуализируется в настоящее время по большей части в контексте анализа специальных проблем. Это создает впечатление, что влияние теоретического наследия представителей данного направления либо отсутствует, либо ограничено сферой философских исследований. Однако одним из интересных феноменов, теоретически и культурно-исторически связанных с философской антропологией, является немецкая педагогика мира, представители которой и в настоящее время используют философско-антропологические понятия и подходы. Это явление позволяет проследить, каким образом практическая задача – изменение мировоззрения детей и молодежи в постконфликт-

ной ситуации послевоенной Германии – побудила не только к возникновению практики воспитания, но и к исследованиям, которые в своих теоретических основах базировались на философском понимании природы человека. Выявление этой концептуальной связи, как представляется, позволит по-новому оценить степень и пределы влияния идей классиков философской антропологии на развитие философии образования.

В российской исследовательской практике мало работ, где бы анализировалась теория и практика немецкой педагогики мира. В 1990-е гг. в МГУ вышел сборник «Педагогика мира: история, теория, практика» (1992), также есть статьи педагогов, посвященные проблемам воспитания миролюбия (Валеев, 2007). Немецкий опыт специально не рассматривается, чаще упоминаются американские теоретики. Однако в самой Германии имеется значительное количество публикаций, которые включают как исследование общетеоретических вопросов с позиции философии образования (Lang-Wojtasik, 2015), так и анализ реальных практик воспитания (Natterer, 2016). Актуализация дискуссий происходит, прежде всего, из-за новых военных конфликтов, гибридных войн, а также в связи с признанием того факта, что участниками враждебных противостояний в странах третьего мира часто становятся дети. Деятельность исследовательских центров в Германии осуществляется чаще при поддержке религиозных организаций. К примеру, Институт педагогики мира в Тюбингене финансирует евангелическая Церковь, аналогичные инициативы реализуются при поддержке католических благотворительных фондов. Как следствие, в комплексе условий, способствующих развитию бесконфликтной кооперации, рассматривается религиозное отношение к миру и влияние христианской культуры.

Становление педагогики мира в 1950–1980-е гг.: проблема понимания человека как живого существа

Немецкая педагогика мира (Friedenspädagogik) возникает как следствие начавшихся еще в 1950-е гг. исследований политических и социальных условий мира. Образованное в 1958 г. в Мюнхене (ФРГ) Исследовательское общество наук о мире основной своей задачей видело объединение ученых, которые занимались изучением возможности ненасильственных способов урегулирования всех типов социальных конфликтов. Поскольку предметом анализа и дискуссий были не только социально-политические трансформации и угроза ядерной войны, но и пути достижения мира, так или иначе вставал вопрос о просвещении с целью предотвращения войны. В этой же связи педагогику стали рассматривать как возможность «преодоления ментальных препятствий идее мира» (Kürper, 1979, p. 179).

Реформы в области образования и воспитания были неизбежны после завершения войны и создания двух немецких государств. И там и там остро стоял вопрос о целях и принципах новой педагогики, необходимо было преодолевать идеологическое наследие нацизма. В ГДР это происходило в соответствии с теорией коммунистического воспитания, в ФРГ – согласно программе американских оккупационных властей. Очевидно, что трансформация общественного сознания шла медленно и вызывала серьезную озабоченность интеллектуалов.

Сразу после войны Карл Ясперс публикует работу о подлинном смысле университетского образования, заявляя, что предыдущие 12 лет были предательством западноевропейской идеи университета (Ясперс, 2006). Позже философ вновь обращается к проблеме обучения, отмечая, что демократическое образование не может привести к действительному изменению сознания, если оно осуществляется формально (Jaspers, 1965, p. 284). Известна также критика Теодора Адорно после антисемитских выступлений в 1959 г. в Кельне. В своем радио-выступлении 1966 г., а затем в статье «Образование после Освенцима» (Adorno, 1970) он подчеркивает необходимость противодействовать влиянию нацизма на мировоззрение сограждан.

С 1966 г. исследования возможностей воспитания с целью обеспечения постоянного мира стали самостоятельным направлением. А благодаря речи педагога Хартмута фон Хентига на Евангелической церковной конференции в Ганновере в 1967 г. идея просвещения в пользу мира стала широко известной. В своем выступлении он отметил, что воспитание миролюбия – это воспитание чувствительности и восприимчивости к страданию, глубокой неприязни к насилию (Hentig, 1967), но вместе с тем оно неразрывно связано с формированием политического мышления. Наряду с теоретическими работами стали появляться интересные педагогические практики.

Далее развитие педагогики мира в ФРГ происходит под влиянием трудов известного исследователя политических проблем мира в развивающихся странах Дитера Зенгхааса, который включил в число условий стабильного мира готовность человека признавать различия и сдерживать аффекты/агрессию. В условиях ядерного противостояния СССР и западных стран, а также постоянных военных конфликтов в странах Африки, он ставит вопрос о том, «как возможно помыслить и осуществить воспитание миролюбия в мире организованного отказа от мира» (Senghaas, 1969, p. 258). Ответ не мог быть однозначным, однако один из очевидных вариантов виделся в изменении мировосприятия и мироотношения в процессе воспитания детей. Тогда же Д. Зенгхаас вводит в дискурс наук о мире так называемый цивилизационный гексагон – шесть условий мира: монополия на насилие, верховенство закона, демократия, социальная справедливость, контроль над аффектами, культура конструктивного решения конфликтов. Агрессивность и аффекты были названы в числе факторов, которые при отсутствии культуры позитивного решения конфликта могут выступить причиной насильственного противостояния. В то же время при участии специалиста в области исторической антропологии Кристофа Вульфа¹ стали развиваться исследования педагогики мира с позиции педагогической антропологии. При этом антропологическая направленность дискуссий естественным образом актуализировала связь теоретических подходов в педагогике с философской трактовкой природы и сущности человека.

С 1980-х гг. педагогика мира в ФРГ ориентируется в первую очередь на развивающиеся страны, где имеют место постоянные военные противостояния, в которые в качестве активных участников (солдат) включены дети.

¹ Под его редакцией выходит сборник со статьями исследователей разных стран, в том числе социалистических (Wulf, 1973).

Теоретические изыскания педагогов должны были привести к созданию новых практик воспитания, а это в свою очередь повлиять на развитие регионов, где завершились какие-либо социальные конфликты (межрелигиозные, межэтнические, гражданские) или конфликты протекают в латентной форме. Таким образом опыт в сфере педагогики мира, сформированный после Второй мировой войны, использовался для анализа возможности содействия миру в развивающихся странах.

В ГДР после войны также разворачивается кампания борьбы за мир: в 50-е гг. против возрождения германского милитаризма, в 70-е гг. в большей степени против ядерной угрозы. При этом теория воспитания борцов за мир базировалась на марксистском историческом материализме и понимании человека как совокупности общественных отношений. Как следствие, воспитание миролюбия было неразрывно связано с понятием социальной справедливости, которая возможна только в условиях социализма. Причинами Второй мировой войны признавался германский капитализм, поэтому новое социалистическое государство – ГДР – по своей сути не может стремиться к войне. В этой трактовке милитаризм и капитализм были неразрывно связаны, а критика капитализма понималась как борьба за мир. Основными принципами провозглашались гуманизм и пролетарский интернационализм. Так, Герд Хоэндорф, ссылаясь на Карла Либкнехта, указывал, что «главной целью социалистического воспитания молодежи является антимилитаристское воспитание» (Hohendorf, 1973, p. 62). В данном случае речь идет о работе Либкнехта «Милитаризм и антимилитаризм», которая была опубликована с подзаголовком «В связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи». Текст написан на основе доклада, сделанного на первой конференции молодежных организаций в Мангейме в 1906 г. Ключевая идея работы состоит в следующем: милитаризм – свойство классового общества, особенно капиталистического, для которого характерны войны, в том числе гражданские, для которых «капитализм вооружает народ против самого себя» (Либкнехт, 1960, с. 43). После Второй мировой войны тема антимилитаризма в воспитании молодежи стала одной из главных в ГДР, в связи с чем обратились в том числе и к аргументам работы К. Либкнехта. Также подчеркивалось, что гарантией мира в Европе может быть только победа социализма во всех странах, т.к. в этом случае будет исключен источник конфликта – социальная несправедливость.

Если в начальный период своего развития немецкая педагогика мира в ГДР следует марксистской философии и соответствующей задаче создания социалистического государства идеологии, то в ФРГ вопрос о теоретических принципах понимания человека и его агрессии ставится в соответствии с учениями Гельмута Плеснера, Конрада Лоренца и Арнольда Гелена. Поскольку в дальнейшем, после объединения Германии, влияние этих концептуальных оснований будет сохраняться, рассмотрим некоторые основные понятия указанных теорий.

Главная цель фундаментального труда Г. Плеснера «Ступени органического и человека», впервые изданного в 1928 г., состояла в том, чтобы создать такую философскую теорию человека, которая учитывала бы его естественную, животную природу, но также раскрывала бы феномен духовности и культуры. В качестве методологических предпосылок были заявлены теории Макса

Шелера (феноменологический метод), Вильгельма Дильтея и Георга Миша (герменевтический метод). Продуктивность такого подхода для педагогики отметил один из теоретиков педагогической антропологии Отто Больнов (Bollnow, 1959). Он настаивает на том, что педагогическая постановка вопроса о человеке требует философско-антропологического видения. Философская антропология рассматривает феномен жизни человека. Осуществляя, с одной стороны, «как можно более тщательное описание этого феномена, она ставит вопрос: как следует понимать данное явление, чтобы оно было постигнуто в качестве осмысленного и необходимого элемента совокупности взаимосвязей человеческой жизни? Либо, с другой стороны, поскольку мы не можем исходить из некоего достоверного знания сущности человека: как мы должны понимать человека в целом, если этот конкретный феномен призван выполнять для него некую осмысленную и необходимую задачу?» (Больнов, 2013, с. 78–79). Исследователь указывает, что оба вопроса важны и дополняют друг друга, тем самым проявляя суть философско-антропологической герменевтической интерпретации.

Для понимания сущности человека, как отмечает Г. Плеснер, важно учитывать связь философии природы и философии человека, без которой в свою очередь невозможна «теория опыта человеческой жизни в науках о духе» (Плеснер, 2004, с. 43). Биологизация и психологизация в понимании сущности человека с этой точки зрения одинаково недостаточны и ограничены, т. к. требуется рассмотреть человека как субъекта и объекта собственной жизни, «речь должна идти прежде всего о человеке как личностном жизненном единстве и о сущностно соотносенных с ним слоях личного бытия и бытия вообще» (Плеснер, 2004, с. 48). Анализ ситуации человека, его проблематичности в конкретной ситуации требует ответа на вопрос, насколько эта ситуация закономерна в его жизненном горизонте. Данный вопрос должен рассматриваться в двух плоскостях: в горизонтальной – местоположение человека в мире/культуре/обществе, и вертикальной, где человек занимает определенное место в естественном порядке живых существ. «Двумя этими измерениями нам действительно удастся охватить человека как субъект-объект культуры и как субъект-объект природы, не подвергая его искусственному разделению, поскольку при этом сохраняется единый аспект жизненного опыта» (Плеснер, 2004, с. 48).

Человек, по мнению Г. Плеснера, отличается от животного особым способом отношения к миру – эксцентрической позициональностью. Подобно животному он есть тело, существует в теле, но также способен видеть и помыслить свое бытие в теле, переживать и переживать свое переживание. Внутренний мир психической реальности не только ощущается человеком, но и осмысливается, боль тела – это не только ощущения тела, но и страдания души, даже тогда, когда тело больше не болит. «Даже в осуществлении мысли, чувства, воления, человек всегда находится вне самого себя» (Плеснер, 2004, с. 259).

Эта эксцентрическая форма существования так или иначе переживается человеком как недостаточная естественность животного. Он осознает ненадежность своего тела, своих инстинктов благодаря свободе мышления, свободе предвидения, в результате чего для него естественно создавать искусственный мир – культуру (вещи, практики, нормы). «Человек есть живое существо способное предъявлять к себе требования. Так он не просто «есть» и проживает

жизнь, но нечто *значит* и считается таковым. Он нравственен от природы – сам себя усмиряющий, одомашнивающий себя в модусе требовательности организм» (Плеснер, 2004, с. 274). Также эксцентрическая позициональность человека определяет его принципиальное отличие в построении связей с другими представителями вида. Несмотря на множество примеров социального поведения животных, это не позволяет проводить аналогии с поведением человека в обществе. Мир людей осознается человеком как особая реальность, которая конституирует «форму действительного мира, в котором Я и Ты сплавлены в отчетливое Мы» (с. 267).

Предлагая таким образом понимать сущность человека и его отношения к миру, Г. Плеснер показывает, с одной стороны, возможность междисциплинарного диалога (между философией, психологией, биологией) при анализе феноменов человеческой жизни; с другой – очерчивает определенные пределы расширения трактовок. В предисловии и дополнениях к изданию «Ступеней» в 1964 г. философ использует в аргументации большинство актуальных биологических понятий, стараясь доказать универсальность своего подхода к пониманию человека как живого существа. С точки зрения философского осмысления проблем воспитания и образования, подход Г. Плеснера важен тем, что он отказывается от классической субъект-объектной схемы в понимании связи человека с миром, с другими людьми. Человек не является просто объектом или субъектом педагогических усилий, эти отношения усложняются многоаспектностью внешних и внутренних связей и педагога, и ученика.

Для концептуализации природы миролюбивого отношения человека к другим людям интересен подход К. Лоренца, на теорию которого ссылаются и Г. Плеснер (при переиздании «Ступеней»), и А. Гелен. Прежде всего, это учение об агрессии как инстинкте, на основе которого у животных формируются ритуализованные формы поведения, позволяющие предотвратить убийство «собрата по виду». После получения Нобелевской премии в 1973 г. К. Лоренц публикует несколько работ, так или иначе касающихся проблемы существования современного человека. Он указывает на агрессию как на один из инстинктов, который крайне опасно не принимать во внимание в ситуации роста глобальных городов, утраты связи с традициями и прогресса в области производства оружия (Lorenz, 1973). И хотя его теория агрессии неоднократно подвергалась критике (наиболее известно отношение к его идеям Эриха Фромма), К. Лоренц продолжает отстаивать свою точку зрения, и в 1977 г. выходит статья «Агрессивность – видосохраняющее качество или патологическое явление?» (Lorenz, 1977). Учитывая известность этого философствующего биолога и предмет его анализа, очевидно, что его теория принимается во внимание представителями немецкой педагогики мира.

Агрессия трактуется К. Лоренцом как инстинктивное поведение, возникающее в ответ на угрозу захвата территории питания, для защиты потомства или при конкуренции в отборе брачного партнера. Это то, что передается генетически и не является результатом воспитания. С другой стороны, ритуализированные формы поведения, направленные на торможение или переориентирования внутривидовой агрессии, также в ходе эволюции и отбора становятся врожденными. Иначе говоря, К. Лоренц указывает на естественные основания не только агрес-

сивного, но и миролюбивого поведения. Однако агрессия первична в понимании проявлений враждебности у людей. При этом исследователь подчеркивает, что у человека как животного не так много возможностей нанести серьезный вред другому представителю вида, поэтому у этого вида живого, в отличие, к примеру, от волков, не сформированы в полной мере надежные способы торможения внутривидовой агрессии. Другими словами, человек с точки зрения этологии менее сдержан в проявлении насилия и менее защищен от агрессии другого. Эксперименты на животных показали, что увеличение количества особей на небольшом пространстве приводит к повышению агрессии. В перенаселенном мегаполисе человек совсем не склонен к миролюбивому поведению, напротив, более агрессивен. Это касается и любых других ситуаций, где происходит концентрация людей на небольшом пространстве.

А. Гелен в работе «Мораль и гипермораль» отмечает, что опирается в своих аргументах на этологию К. Лоренца, и это во многом сделало его теорию интересной для теоретиков педагогики мира. Ключевая идея труда в том, чтобы доказать, что поведение человека, в том числе агрессивное, – это инстинктоподобное явление. «Мы предполагаем наличие множественности... последних, конечных инстанций; и, чтобы исключить мысли об их сверхприродном происхождении, мы хотим говорить о «социальных регуляциях». У нас нет иной возможности, кроме как рассматривать их инстинктоподобные «задатки, предрасположенности», которые предопределяют в конечном итоге гармонию и конфликты общественной жизни» (Gehlen, 1969, p. 38). Определяя человека как «недостаточное в отношении органов чувств существо, лишенное в большей части надежных инстинктов» (Гелен, 1988, с. 175), исследователь настаивает на том, что культура, в том числе техника, компенсирует несовершенство тела человека, а мораль есть следствие недостаточно сформированных инстинктивных поведенческих реакций для противодействия агрессии. Однако К. Лоренц не признал обоснованность такой аргументации с точки зрения биологии: «Арнольд Гелен называет человека «существом, определяемым недостатками» и полагает, что он, исходя из недостатков, принужден к морфологическим специальным приспособлениям, к созданию для себя самого орудий труда, оружия, одежды и т. д. Это мыслил не биолог – неприспособленного существа не существует» (Lorenz, 1965, pp. 231–232). Несмотря на эту полемику, подход А. Гелена и его понимание природы человека так или иначе оказывали влияние на теоретизирование в области воспитания.

Таким образом, в числе философско-антропологических концептов немецкой педагогики мира на первом этапе ее становления можно выделить следующие: эксцентрическая позициональность человека как живого существа (Г. Плеснер); агрессия как врожденный инстинкт и ее сложные отношения с установлением связей и взаимодействий между людьми (К. Лоренц); человек как существо, определяемое биологической недостаточностью (А. Гелен). Поэтому можно утверждать, что человек понимался в связи с его биологической природой, что не противоречило психологическим трактовкам и находило отражение в педагогическом дискурсе. Исходя из указанных теоретических оснований, педагоги разрабатывали методы формирования навыков перенаправления (канализации) агрессии.

Понятия и теоретические приоритеты педагогики мира после объединения Германии

Вторым этапом развития немецкой педагогики мира можно назвать период после объединения ФРГ и ГДР в 1990 г. Необходимо было разработать новые подходы к воспитанию миролюбия, чтобы реализовывались общие для всей страны программы на основе единых стандартов образования. Потребовалось переосмыслить уже имеющийся опыт и, соответственно, проанализировать особенности педагогической практики в ГДР. В теоретическом плане можно видеть реактуализацию проблемы формирования нового мироотношения у молодежи в условиях постконфликтной ситуации, где конфликтом является политическое противостояние между ФРГ и ГДР. Проблема противодействия сформированным в социалистический период установкам привела к ренессансу педагогического опыта 1970-х гг., вновь актуализировался вопрос о том, что нужно понимать мир как состояние, ситуацию и процесс. Политические трансформации и война в бывшей Югославии, а также новые военные конфликты в африканских странах побудили исследователей изучать становление индивидуального самосознания в аспекте персонального опыта содействия миру, в постконфликтной ситуации или ситуации латентного конфликта. «При этом мир понимается не только как состояние, но как процесс, ослабляющий насилие и содействующий росту справедливости. Роль педагогики мира при такой трактовке мира в том, чтобы поддержать людей в их самостоятельном признании пути к миру и в их развитии на этом пути, чтобы они смогли участвовать в этом мирном процессе» (Jäger, 2006, p. 539). Также в различных аспектах рассматривается насилие, в том числе в культуре, не только непосредственное, но и опосредованное.

К началу XXI в. в перечне философско-антропологических концептов и подходов, к которым обращаются исследователи педагогики мира, можно видеть существенные изменения. То, что касается агрессии, враждебности (в духе З. Фрейда и К. Лоренца), теперь полностью пересмотрено. Эта тема изучается исключительно с позиций социальной психологии, агрессия более не трактуется как основание практик дружелюбия и мира. На первый план выходят исследования эмпатии, психологические практики ее развития и т. д. (Berndt, 2015).

Остается значимой трактовка человека Г. Плеснером, которая раскрывается в новой интерпретации. Йоахим Фишер в 2005–2007 гг. реализует исследовательский проект, посвященный перспективам развития философской антропологии и ее влиянию на другие гуманитарные науки. Он указывает, что эксцентрическое отношение человека к миру может быть рассмотрено в четырех диспозициях – доверие, желание, господство и разум, каждая из которых должна трактоваться в двух измерениях, о которых писал Г. Плеснер. Всегда необходимо видеть человека как субъект-объект природы и как субъект-объект культуры. Так, к примеру, доверие являет собой эту двойственность человека и его эксцентрическую позициональность. Доверие – свидетельство опыта страха, переживания слабости тела в фронтальном противостоянии миру, которое есть у каждого новорожденного. Ребенок доверяет только тому, что является условием его выживания: звуку голоса матери, запаху ее тела. Доверия в более

взрослом возрасте репрезентировано в речи (прежде всего, самых близких людей, родственников), поэтому феномен доверия в этом случае можно исследовать средствами герменевтического анализа (Fischer, 2000). Такая трактовка Г. Плеснера позволяет по-новому использовать его учение, в том числе и для теоретизирования, и в вопросах воспитания.

Й. Фишер предлагает рассмотреть религиозное отношение к миру как фактор, позволяющий сделать эксцентрическую позицию более осознанной, т. к. доверие к Богу позволяет человеку представить себя выше своей родовой сущности. В данном случае исследователь в большей степени опирается на ту часть теории Г. Плеснера, где раскрывается специфика так называемого сопредельного мира (Mitwelt), где формируется знание о близком/близких, где реализуется дух. «Сопредельный мир не окружает личность, как это делает (пусть даже не в столь строгом смысле, поскольку сюда относится и собственная плоть человека) природа. Но он также и не *наполняет* личность, как это можно было бы равно неадекватным образом сказать о внутреннем мире. Сопредельный мир *несет на себе* личность, будучи в то же время несомым и конструируемым ею. Между мной и мной, мной и им лежит сфера этого *духовного мира*» (Плеснер, 2004, с. 263). Г. Плеснер указывает на то, что сопредельный мир шире, чем просто социальное окружение человека, определяющее его мировосприятие, и шире некой совокупности людей, которых мы воспринимаем/переживаем как близких. Это, скорее, установка, проявляющаяся в духовной деятельности человека, благодаря которой Я и Мы всегда связаны даже в персональном жизненном горизонте. Данная связь может быть скрыта или осознана как мир/сфера/среда, проявляясь в сфере культуры во всем своем многообразии.

Наиболее важным в педагогике мира становится концепт Другого (Wintersteiner, 2000). Принятие Другого, видение различий и готовность к диалогу – одна из важнейших компетенций. Признавая продуктивность понимания человека как открытого миру существа, антропологические законы эксцентрической позициональности, естественной искусственности, опосредствованной непосредственности, К. Вульф подчеркивает необходимость принимать во внимание культурное многообразие, которое определяет уникальность человека. «В силу менталитета одного мира, главенствующего в международной дискуссии о глобализации, необходимо прояснить существование исторических и культурных различий даже при схожих проявлениях. Именно так становится возможным взаимопонимание с другими. Когда каждый относится более осознанно к Другому внутри самого себя и своей собственной культуры, возникают новые возможности понимать внешнего Другого и развивать внешнего Другого как бы исходящее из него, гетерологическое мышление» (Вульф, 2015, с. 151). Если Другой явлен в образе врага и видится не просто Другим, но чужим или более того принципиально чуждым, то ответ на вопрос о справедливости насилия к нему будет однозначным (Söder, 2015, p. 55). Однако готовность видеть другое и чуждое даже внутри самого себя, а также внутри своей культуры может существенно снижать враждебность, содействовать уменьшению остроты конфликта. Преимущество такого подхода в том, что он формирует готовность принимать чужую культуру, понимание особенностей собственной, способность находить бесконфликтные способы взаимодействия с представителями другой веры.

Анализируя особенности образования в глобализованном мире, Вернер Винтерштайнер отмечает, что распространение английского языка и стандартов мышления через компьютерные программы и Интернет не видится, как можно было полагать, возможностью внедрять универсальную культуру мира, напротив, рассматривается как культурный империализм, разрушающий традиции народов. Поэтому процессы глобализации следует рассматривать как повод для пересмотра и рефлексии об имеющемся опыте педагогики мира. В связи с этим важно, полагает ученый, следовать принципам мультиполярности и компаративности при рассмотрении и распространении педагогики мира на глобальном уровне (Wintersteiner, 2004).

Для того чтобы выявлять способы формирования такого мышления, исследуется феномен ритуализации и значение ритуалов не только для формирования установок враждебности, но для канализации конфликта и проявления миролюбия. Необходимо подчеркнуть, что этот анализ осуществляется не с этимологических оснований, как у К. Лоренца, который полагал, что ритуализированные формы дружелюбного поведения формируются эволюционно, как способ торможения внутривидовой агрессии. По его мнению, «особой ритуализированной формой борьбы, развившейся в культурной жизни людей, является спорт. Как и филогенетически возникшие турнирные бои он предотвращает социально вредные проявления агрессии» (Лоренц, 1994, с. 260).

В педагогике мира ритуалы рассматриваются, с одной стороны, как результат развития культуры определенной этнической группы, с другой – как универсальный механизм сохранения социальных связей. Другими словами, культурно-антропологический подход становится наиболее важным. Как отмечает К. Вульф, «ритуалы и ритуализации представляют собой важные формы обработки расхождений, с помощью которых культурные различия могут быть конструктивно переработаны. Решающим в этом процессе является опыт, что дети из других культур могут продуктивно учиться вместе и что при этом культурные расхождения, указывающие на новые и неожиданные перспективы, могут быть преимуществом» (Вульф, 2015, с. 113). Ученый ссылается на 12-летнее этнографическое исследование роли ритуализации, которое проводилось в школе, где обучались дети мигрантов из 20 регионов мира. Материалы исследования еще раз доказали, что накапливающийся в группах подростков потенциал насилия может быть канализирован благодаря ритуалам.

Исследователи отмечают, что в культуре в различных контекстах можно обнаружить интересные формы ненасильственного противостояния и так называемые инициативы к педагогике мира (Lang-Wojtasik & Freiters-Reemann, 2015, р. 10), под которыми понимаются различные феномены культуры, содействующие социальной адаптации и формированию практик канализации конфликта.

Заключение

Педагогика мира возникает в ФРГ и ГДР после Второй мировой войны как феномен постконфликтной культуры. Необходимость существенно изменить мировоззрение детей и молодежи, сформировать новые ценности заставила педагогов-теоретиков обратиться к вопросу о сущности человеческой при-

роды. По сути, обсуждался вопрос о воспитании нового человека, имеющего новые ценностные ориентиры и навыки социального взаимодействия для новых немецких государств. Такая фундаментальная задача заставила педагогов обратиться к сложившимся философско-антропологическим подходам. В ГДР теории воспитания борцов с милитаризмом базировались на марксистской философии. В ФРГ обратились к теориям Г. Плеснера, А. Гелена и К. Лоренца. Биологизация природы человека, хотя и вызвала дискуссии, тем не менее принималась во внимание при обсуждении вопросов о формировании миролюбия. После объединения Германии внимание теоретиков было направлено в большей мере на проблемы межкультурного взаимодействия, формирования готовности принимать и понимать различия.

В завершение отметим, что немецкая педагогика мира и сегодня находится под значительным влиянием философской антропологии, однако налицо существенные трансформации в трактовке понятий. Человек понимается как существо, хотя и связанное с природой, но в большей мере детерминированное культурой. В свете этого на первый план выходит та часть теории Г. Плеснера, где анализируется сопредельный мир и духовная деятельность человека. Наиболее значимым становится концепт Другого, отношения Я, Ты и Мы. Установка на признание природной агрессивности человека утратила актуальность, ритуалы и ритуализованные формы поведения рассматриваются в контексте культурно-антропологического и этнографического анализа.

Список литературы

1. Больнов, О. Ф. (2013). Теория и практика воспитания. В М.А. Гусаковский, А.А. Полонников, А.М. Корбут (Ред.), *Теоретические вопросы образования* (с. 70–83). Минск: БГУ.
2. Валеев, И.И. (2007). Педагогика мира. *Педагогический журнал Башкортостана*, (1), 30–43.
3. Вульф, К. (2015). *Антропология в глобализованном мире. На пути к новой антропологии*. М.: Идея-Пресс.
4. Гелен, А. (1988). О систематике в антропологии. В Ю.Н. Попов (Ред.), *Проблема человека в западной философии* (с. 152–200). М.: Прогресс.
5. Либкнехт, К. (1960). *Милитаризм и антимилитаризм. В связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи*. М.: Государственное издательство политической литературы.
6. Лоренц, К. (1994). *Агрессия (так называемое «зло»)*. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс».
7. *Педагогика мира: история, теория, практика*. (1992). М.: Центр педагогики мира.
8. Плеснер, Х. (2004). *Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию*. М.: РОССПЭН.
9. Ясперс, К. (2006). *Идея университета*. Минск: БГУ.
10. Adorno, T.W. (1970). *Erziehung nach Auschwitz*. In *Erziehung zur Mündigkeit: Vorträge und Gespräche mit Hellmuth Becker 1959–1969* (s. 92–109).

Frankfurt am Main: Suhrkamp.

11. Berndt, C. (2015). Erziehung zur Demokratie und Gewaltfreiheit – Schule als Ort des Demokratielernens. In N. Frieters-Reermann, & G. Lang-Wojtasik (Hrsg.), *Friedenspädagogik und Gewaltfreiheit. Denkstöße für eine differenzsensible Kommunikations- und Konfliktkultur* (s. 177–191). Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.

12. Bollnow, O.F. (1959). *Existenzphilosophie und Pädagogik. Versuch über unstetige Formen der Erziehung*. Stuttgart: Kohlhammer Verlag.

13. Fischer, J. (2000). Exzentrische Positionalität. Plessners Grundkategorie der Philosophischen Anthropologie. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, 48(2), 265–288.

14. Gehlen, A. (1969). *Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik*. Frankfurt am Main, Bonn: Athenäum.

15. Hentig, H. von. (1967). Erziehung zum Frieden. In F. Lorenz (Hrsg.), *Frieden: Vorlesungen auf dem 13. Deutschen Evangelischen Kirchentag Hannover*. Hannover: Kreuz-Verlag.

16. Hohendorf, G. (1973). Einige historische Erkenntnisse zu Aufgaben und Problemen der Erziehung zum Frieden und sozialer Gerechtigkeit in unserer Zeit. In Wulf, C. (Hrsg.), *Friedenserziehung in der Diskussion* (s. 62–64). München: Piper Verlag.

17. Jäger, U. (2006). Friedenspädagogik: Grundlagen, Herausforderungen und Chancen einer Erziehung zum Frieden. In P. Imbusch, & R. Zoll (Hrsg.), *Friedens- und Konfliktforschung. Eine Einführung* (s. 537–557). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

18. Jaspers, K. (1965). *Hoffnung und Sorge: Schriften zur deutschen Politik 1945–1965*. München: Piper Verlag.

19. Küpper, C. (1979). *Friedenserziehung*. Opladen: Leske Verlag, Budrich GmbH.

20. Lang-Wojtasik, G. (2015). Weltgesellschaft und Mensch – Kultur der Gewaltfreiheit als Option Globalen Lernens. In N. Frieters-Reermann, & G. Lang-Wojtasik (Hrsg.), *Friedenspädagogik und Gewaltfreiheit Denkstöße für eine differenzsensible Kommunikations- und Konfliktkultur* (s. 21–37). Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.

21. Lang-Wojtasik, G., & Frieters-Reermann, N. (2015). Friedenspädagogik gewaltfrei? Einführende Überlegungen. In N. Frieters-Reermann, & G. Lang-Wojtasik (Hrsg.), *Friedenspädagogik und Gewaltfreiheit Denkstöße für eine differenzsensible Kommunikations- und Konfliktkultur* (s. 7–19). Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.

22. Lorenz, K. (1965). Über tierisches und menschliches Verhalten. *Aus dem Werdegang der Verhaltenslehre*. Band 2. München: Piper Verlag.

23. Lorenz, K. (1973). *Die acht Todsünden der zivilisierten Menschheit*. München: Piper Verlag.

24. Lorenz, K. (1977). Aggressivität -arterhaltende Eigenschaft oder pathologische Erscheinung? In A. Mercier (Hrsg.), *Aggression und Toleranz* (s. 9–27). Bern, Frankfurt am Main: Peter Lang.

25. Natterer, N. (2016). Das Streitschlichterprogramm als Beitrag zur Friedenspädagogik in der Schule. *Zeitschrift für internationale Bildungsforschung*

und Entwicklungspädagogik, 39(4), 27–30.

26. Senghaas, D. (1969). *Abschreckung und Frieden. Studien zur Kritik organisierter Friedlosigkeit*. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt.

27. Söder, J.R. (2015). Vertraute Fremdheit. Eine kurze Theorie der Gewalt. In N. Frieters-Reermann, & G. Lang-Wojtasik (Hrsg.), *Friedenspädagogik und Gewaltfreiheit Denkstöße für eine differenzsensible Kommunikations- und Konfliktkultur* (s. 49–61). Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.

28. Wintersteiner, W. (2004). Friedenspädagogik: die Pädagogik im Zeitalter der Globalisierung. In G. Steffens, & E. Weiß (Hrsg.), *Jahrbuch für Pädagogik 2004. Globalisierung und Bildung* (s. 313–329). Frankfurt am Main: Peter Lang.

29. Wintersteiner, W. (2000). *Pädagogik des Anderen*. Münster: Agenda Verlag.

30. Wulf, C. (Hrsg.). (1973). *Friedenserziehung in der Diskussion*. München: Piper Verlag.

References

1. Adorno, T.W. (1970). Erziehung nach Auschwitz [Education after Auschwitz]. In *Erziehung zur Mündigkeit: Vorträge und Gespräche mit Hellmuth Becker 1959–1969* (pp. 92–109). Frankfurt am Main: Suhrkamp.

2. Berndt, C. (2015). Erziehung zur Demokratie und Gewaltfreiheit – Schule als Ort des Demokratielernens [Education for democracy and non-violence]. In N. Frieters-Reermann, & G. Lang-Wojtasik (Eds.), *Friedenspädagogik und Gewaltfreiheit. Denkstöße für eine differenzsensible Kommunikations- und Konfliktkultur* (pp. 177–191). Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.

3. Bollnow, O.F. (1959). *Existenzphilosophie und Pädagogik. Versuch über unetliche Formen der Erziehung*. Stuttgart: Kohlhammer Verlag.

4. Bollnow, O.F. (2013). Teorija i praktika vospitanija [Theory and practice of education]. In M.A. Gusakovskiy, A.A. Polonnikov, & A.M. Korbut (Eds.), *Teoreticheskie voprosy obrazovanija: hrestomatija* (pp. 70–83). Minsk: BGY.

5. Fischer, J. (2000). Exzentrische Positionalität. Plessners Grundkategorie der Philosophischen Anthropologie. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, 48(2), 265–288.

6. Gehlen, A. (1969). *Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik*. Frankfurt am Main, Bonn: Athenäum.

7. Gehlen, A. (1988). O sistematike v antropologii [About systematics in anthropology]. In Yu.N. Popov (Ed.), *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* (pp. 152–200). Moscow: Progress.

8. Hentig, H. von. (1967). Erziehung zum Frieden [Education for peace]. In F. Lorenz (Ed.), *Frieden: Vorlesungen auf dem 13. Deutschen Evangelischen Kirchentag Hannover*. Hannover: Kreuz-Verlag.

9. Hohendorf, G. (1973). Einige historische Erkenntnisse zu Aufgaben und Problemen der Erziehung zum Frieden und sozialer Gerechtigkeit in unserer Zeit. In Wulf, C. (Ed.), *Friedenserziehung in der Diskussion* (pp. 62–64). München: Piper Verlag.

10. Jäger, U. (2006). Friedenspädagogik: Grundlagen, Herausforderungen und Chancen einer Erziehung zum Frieden. In P. Imbusch, & R. Zoll (Eds.), *Friedens-*

und Konfliktforschung. *Eine Einführung* (pp. 537–557). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

11. Jaspers, K. (1965). *Hoffnung und Sorge: Schriften zur deutschen Politik 1945–1965*. München: Piper Verlag.

12. Jaspers, K. (2006). *Ideya universiteta* [The idea of the university]. Minsk: BGU.

13. Küpper, C. (1979). *Friedenserziehung*. Opladen: Leske Verlag, Budrich GmbH.

14. Lang-Wojtasik, G. (2015). Weltgesellschaft und Mensch – Kultur der Gewaltfreiheit als Option Globalen Lernens. In N. Frieters-Reermann, & G. Lang-Wojtasik (Eds.), *Friedenspädagogik und Gewaltfreiheit Denkstöße für eine differenzsensible Kommunikations- und Konfliktkultur* (pp. 21–37). Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.

15. Lang-Wojtasik, G., & Frieters-Reermann, N. (2015). Friedenspädagogik gewaltfrei? Einführende Überlegungen. In N. Frieters-Reermann, & G. Lang-Wojtasik (Eds.), *Friedenspädagogik und Gewaltfreiheit Denkstöße für eine differenzsensible Kommunikations- und Konfliktkultur* (pp. 7–19). Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.

16. Liebknecht, K. (1960). *Militarizm i antimilitarizm. V svyazi s rassmotreniem internacional'nogo dvizheniya rabochej molodezhi* [Militarism and anti-militarism. In connection with the consideration of the international movement of working youth]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

17. Lorenz, K. (1965). Über tierisches und menschliches Verhalten. *Aus dem Werdegang der Verhaltenslehre*. Vol. 2. München: Piper Verlag.

18. Lorenz, K. (1973). *Die acht Todsünden der zivilisierten Menschheit*. München: Piper Verlag.

19. Lorenz, K. (1977). Aggressivität -arterhaltende Eigenschaft oder pathologische Erscheinung? In A. Mercier (Ed.), *Aggression und Toleranz* (pp. 9–27). Bern, Frankfurt am Main: Peter Lang.

20. Lorenz, K. (1994). *Agressiya (tak nazyvaemoe "zlo")* [Aggression (the so-called "evil")]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress", "Univers".

21. Natterer, N. (2016). Das Streitschlichterprogramm als Beitrag zur Friedenspädagogik in der Schule. *Zeitschrift für internationale Bildungsforschung und Entwicklungspädagogik*, 39(4), 27–30.

22. *Pedagogika mira: istoriya, teoriya, praktika* [Peace education: History, theory, and practice]. (1992). Moscow: Centr pedagogiki mira.

23. Plessner, H. (2004). *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Levels of organic life and the human: An introduction to philosophical anthropology]. Moscow: ROSSPE'N.

24. Senghaas, D. (1969). *Abschreckung und Frieden. Studien zur Kritik organisierter Friedlosigkeit*. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt.

25. Söder, J.R. (2015). Vertraute Fremdheit. Eine kurze Theorie der Gewalt. In N. Frieters-Reermann, & G. Lang-Wojtasik (Eds.), *Friedenspädagogik und Gewaltfreiheit Denkstöße für eine differenzsensible Kommunikations- und Konfliktkultur* (pp. 49–61). Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.

26. Valeev, I.I. (2007). *Pedagogika mira* [Peace education]. *Pedagogicheskij*

zhurnal Bashkortostana, (1), 30–43.

27. Wintersteiner W. (2004). Friedenspädagogik: die Pädagogik im Zeitalter der Globalisierung. In G. Steffens, & E. Weiß (Eds.), *Jahrbuch für Pädagogik 2004. Globalisierung und Bildung* (pp. 313–329). Frankfurt am Main: Peter Lang.

28. Wintersteiner, W. (2000). *Pädagogik des Anderen*. Münster: Agenda Verlag.

29. Wulf, C. (2015). *Antropologija v globalizirovanom mire. Na puti k novoj antropologii* [Anthropology in a globalized world. On the way to a new anthropology]. Moscow: Ideja-Press.

30. Wulf, C. (Ed.). (1973). *Friedenserziehung in der Diskussion*. München: Piper Verlag.

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Черепанова, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>, e-mail: e.s.cherepanova@urfu.ru

Information about the author

Ekaterina Sergeevna Cherepanova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chair of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2126-1678>, e-mail: e.s.cherepanova@urfu.ru

УДК 329.78+37.035.46+172.1 DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_138

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ПИОНЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР, ГДР И ЮГОСЛАВИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКОНФЛИКТНЫХ ПРОЕКТОВ ЧЕЛОВЕКА

Александр Сергеевич Луньков,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
istorik1981@mail.ru

Получена 07.06.2023.

Поступила после рецензирования 30.07.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Луньков А.С. Эволюция идеологии пионерского движения в СССР, ГДР и Югославии в контексте постконфликтных проектов человека // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 138–155. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_138

Аннотация

В статье исследуется дискурс постконфликтных проектов человека, появившихся или трансформировавшихся по итогам Второй мировой войны. При этом автор различает понятия «послевоенный» и «постконфликтный». Первый означает период времени после войны, второй подразумевает завершающий этап в жизненном цикле конфликта. «Горячая» фаза конфликта протекает в форме войны, а завершающий этап знаменуется перестройкой проектов человека и их приспособлением к новым реалиям. С точки зрения создания желаемого будущего, дети и молодежь – наиболее важный материал для субъектов и институтов проектирования человека. В работе анализируются изменения в деятельности пионерских организаций СССР, ГДР и Югославии. Отмечается, что проводимые в Советском Союзе реформы затронули и другие страны социалистического лагеря. Главная цель – реализация нового

© Луньков А.С., 2023

проекта человека. На смену юному революционному борцу и герою-подпольщику пришел прилежный ученик и помощник взрослых. Пионерское самоуправление все больше подчинялось школе как институту воспитания. Пионерская организация ГДР («тельмановцы»), основанная в 1948 г., стремилась к формированию миролюбивой, коллективистской личности. Большое внимание уделялось преодолению опыта войны и участия в нацистских детских организациях. Созданный в 1942 г. Союз пионеров Югославии («пионеры Тито») в послевоенный период ориентировался на общее для социалистического лагеря направление работы с детьми. Однако именно в этой стране наиболее ярко проявилась тенденция к демилитаризации пионерского движения, которое стало рассматриваться как институт организации досуга и воспитания в миролюбивом ключе.

Ключевые слова:

пионер, детское движение, проектирование человека, пионеры СССР, пионеры ГДР, пионеры Югославии, постконфликтная ситуация.

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>

UDC 329.78+37.035.46+172.1 DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_138

THE IDEOLOGICAL EVOLUTION OF THE PIONEER MOVEMENT IN THE USSR, THE GDR AND YUGOSLAVIA IN THE CONTEXT OF POST-CONFLICT PROJECTS OF A HUMAN

Alexander S. Lunkov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
istorik1981@mail.ru

Received 07.06.2023.

Revised 30.07.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Lunkov, A.S. (2023). The Ideological Evolution of the Pioneer Movement in the USSR, the GDR and Yugoslavia in the Context of Post-Conflict Projects of a Human. *Discourse-P*, 20(3), 138–155. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_138

Abstract

The article examines the discourse of post-conflict projects of a human that appeared or were transformed as a result of the Second World War. The author distinguishes between the terms “post-war” and “post-conflict”. If the first one means only a period of time after any war, then the second one implies the final stage in the life cycle of a conflict. The “hot” phase of a conflict proceeded in the form of war, whereas the final stage is marked by the restructuring of projects of a human and their adaptation to new realities. From the point of view of creating the desirable future, it is children and youth that are the most important material for the actors and institutions of designing a human. The article analyzes changes in the activities of pioneer organizations of the USSR, the GDR, and Yugoslavia. It is noted that the reforms carried out in the Soviet Union also affected other countries of the socialist camp. The main goal is the realization of a new project of a human. A diligent student and adult assistant replaced the young revolutionary fighter and partisan hero. Pioneer self-government was increasingly subordinated to the school as an educational institution. The Ernst Thälmann Pioneer Organization, founded in East Germany in 1948, sought to form a peaceful, collectivist personality. Much attention was paid to overcoming the experience of the war and participation in Nazi children’s organizations. In the post-war period, the Union of Pioneers of Yugoslavia (“Tito’s pioneers”), created in 1942, was focused on the common to the socialist camp direction of work with children. However, it was this country where the tendency towards the demilitarization of the pioneer movement was most clearly manifested, and started being regarded as an institution for organizing leisure and education in a peaceful manner.

Keywords:

pioneer, children’s movement, design of a human, pioneers of the USSR, pioneers of the GDR, pioneers of Yugoslavia, post-conflict situation.

Funding:

the research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00851, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00851/>

«Скаутская по форме и коммунистическая по содержанию»

По своей темпоральной интенции проектирование человека всегда устремлено в будущее. Именно в желаемом будущем находится точка завершения проекта. В этом плане невозможно разделить проект человека и проект желае-

мого будущего. Без реализации проекта будущего новый человек оказывается ненужным (и в этом главная трагедия объектов проектирования), а без нового человека будущее становится пустым. Уже состоявшаяся личность формально может выступить объектом проектирования, но ее темпоральный потенциал исчерпан, ее будущее уже наступило. Таких людей можно перевоспитать, переубедить, но не спроектировать заново. Поэтому логично, что субъекты и институты проектирования человека главное внимание уделяли и уделяют детям и подросткам. Именно молодежь должна помочь построить желаемое будущее и затем жить в нем.

В первом приближении проекты человека являются атрибутом жестко идеологизированных и тоталитарных обществ. Действительно, трудно себе представить коммунистический или фашистский режим XX в. без активной работы с молодежью в формате проектирования. Однако ослабление признаков тоталитаризма не означает прекращение проектирования желаемого человека. Как будет показано на примере ГДР (особенно ярко это проявлялось в ФРГ, но анализ данных явлений лежит за пределами проблемы нашего исследования), малейшее ослабление государственного проекта приводит к активизации других субъектов проектирования, например Церкви. При этом следует иметь в виду, что не менее, а в чем-то даже более мощный, чем советская пионерия, проект человека – скаутское движение в Европе и США – также активизировался в периоды постконфликтных ситуаций (после Первой и Второй мировых войн).

Наше исследование показало, что набор инструментов проектирования человека в индустриальных обществах и реализации этого проекта на практике в случае с детьми ограничен. Это ограничение проистекает из особенностей детской психологии, «индустриальных» способов работы с информацией и природы человека позднего Модерна в целом. Поэтому весь XX в. среди более или менее успешных проектов человека мы наблюдаем различные варианты скаутского движения. Эта форма и методы работы оказались настолько удачными, что с их помощью удавалось реализовать совершенно различное в идеологическом и культурном отношении содержание. Парадокс заключается в том, что объективация этих проектов в языке, текстах, дискурсе могла осуществляться с помощью одних и тех же слов, но на выходе давать, на первый взгляд, разный результат. Однако, согласно нашей гипотезе, сходный дискурс проектов формирует сходные результаты.

Осознание необходимости проекта человека, направленного на подрастающее поколение, у нового большевистского правительства России возникло практически сразу после революции. Еще не окончилась Гражданская война, еще не были запрещены и разгромлены остатки скаутских организаций, а Н.К. Крупская уже инициировала создание новой организации для детей и юношества. На наш взгляд, ключевым пунктом дискурса всего советского проекта человека первой половины XX в. является фраза: «Революция сделала наших ребят рано взрослыми» (Крупская, 1923, с. 5). Такой подход кардинально меняет темпоральную картину проектирования нового человека. Логика диахронного, последовательного развертывания проекта в контексте взросления, как отдельной личности, так и целого поколения, заменяется на принцип синхронности – «учатся в процессе работы» (с. 5). Традиционное воспитание оперирует

дискурсивными конструктами, которые дистанцируют от ребенка «момент будущего» («вот вырастешь, тогда...», «а кем ты хочешь стать, когда вырастешь?»). Будущее превращается в линию горизонта, которую, как ни старайся, никогда не достигнешь. Новое синхронное проектирование и разворачивание онтогенеза личности сталкивают ребенка с будущим, которое для него «уже наступило». Да, тебе еще нужно многому научиться, но учиться этому ты будешь не в школе, которая «носит ярко выраженную печать школы бюрократической, школы учебы» (с. 8), а в реальной практике организационной работы. Особенно это актуально, когда «после революционного праздника настали революционные будни» (с. 12). В.И. Ленин, выступая в 1920 г. на III Всероссийском съезде РКСМ, подчеркивал: «...нужно, чтобы Коммунистический союз молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр» (Ленин, 1974, с. 316–317). Для достижения данной цели Н.К. Крупская призывает обратить пристальное внимание на движение бойскаутов, которое, по ее словам, является глубоко буржуазным и враждебным пролетарской молодежи, но его методы работы с подростками привлекают тысячи молодых людей.

Кратко бойскаутские принципы и методы работы с подростками, в рецепции Н.К. Крупской, можно изложить следующим образом: 1) подросток уже не ребенок, и действительно увлечь его могут лишь идеалы взрослого человека; 2) сильное влияние на подростка внешнего впечатления; 3) тесная связь идеала и правил практического поведения; 4) ношение какого-либо знака; 5) перед подростком необходимо ставить постепенно усложняющиеся цели и т. д. (Крупская, 1923, с. 21–34). Эти и другие соображения были положены в основу довоенного строительства пионерской организации в СССР. Воспитание революционного борца за дело рабочего класса и строителя коммунизма выступало основной задачей. Это будущее должно было стать непримиримым врагом прошлого. Пример мифологизации фигуры Павлика Морозова показывает, что предела этой непримиримости быть не может. Также следует заметить, что для данной итерации проекта коммунистического нового человека, кроме всего прочего, также ставилась задача влияния на прошлое, т. е. на старшее поколение в лице школьных учителей, родителей и т. д. (Новиков, 2021, с. 155). Другим аспектом этого конфликта поколений были отношения между городом и деревней в указанный период. Детские и молодежные организации воспринимались властью как эффективный инструмент влияния на крестьянство. Использование таких организаций для продвижения политических идей в деревню было одним из способов формирования новой политической идентичности (Мищенко, 2020, с. 37), которая должна была стать основой новой культурной идентичности. Результат работы – успехи в индустриализации, коллективизации и подвиг советской пионерии в период Великой Отечественной войны. Подвиг, достигнутый дорогой ценой.

«Цель пионерии была сведена к хорошей учебе и дисциплине»

Постконфликтная ситуация на территории СССР характеризовалась рядом значимых для нашего исследования моментов. Само понятие постконфликтного

подразумевает существование не только точки разделения состояний общества во времени на довоенное и послевоенное, но и влияние на социум и личность определенных структур, возникших в период войны и «длящихся» в ситуации постконфликта. Прежде всего, речь идет о посттравматическом синдроме в глобальном масштабе. Своего рода посттравматическое стрессовое расстройство охватило все советское общество, при этом отдельные социальные группы переживали его по-разному. Дети и подростки военных лет оказались в ситуации украденного детства. Вся рассмотренная выше риторика советских руководителей и организаторов пионерского движения воплотилась на практике в изнуряющий труд вместо выбывших взрослых, участие в боевых действиях на фронте и в партизанских отрядах, вынужденное переселение и т. д. С детей спросили как со взрослых, но война может легко сломать любую взрослую психику, не говоря уже о детях и подростках. Что-то подобное интуитивно уловили субъекты проектирования человека, как партийные и комсомольские органы, так и отдельные личности, облеченные соответствующими полномочиями. С конца 1940-х гг. начались серьезные подвижки в понимании целей этого проектирования. Новый проект, при всей внешней приверженности довоенным идеалам коммунистического будущего, переносил желаемое будущее в область недостижимого, превращая его в тот самый постоянно отодвигающийся горизонт. Для сравнения: новый человек другой постконфликтной ситуации – периода завершения Гражданской войны и перехода к догоняющей модернизации и индустриализации – должен был быть борцом за приближение и достижение желаемого будущего (Новиков, 2020, с. 95). Ребенку следовало дожидаться наступления этого будущего в безопасности школьного пространства, где революционная риторика сменилась риторикой борьбы за хорошую успеваемость. Новый, постконфликтный человек должен был стать безопасным. В этом прослеживается прямая аналогия с отношением к ветеранам войн, особенно продолжительных и ожесточенных. Эти ветераны в мирном социуме часто воспринимаются как угроза из-за обладания специфическими навыками организованного насилия и пережитого опыта. Дети и подростки, пережившие войну, стали слишком неконтролируемыми и опасными для стабильности социальных институтов субъектами. Им на смену должны были прийти прилежные ученики.

Показательно, что у субъектов проектирования не было единства по поводу содержания нового проекта. Это отчетливо проявляется в разногласии официальных документов, резолюций и постановлений различных съездов. «Так, XII пленум ЦК ВЛКСМ (октябрь 1951 г.) одним пунктом декларировал, что вся деятельность пионерской организации должна строиться на основе всемерного развития инициативы и самостоятельности самих пионеров, а другим, что план работы дружины утверждается директором, а отряда – классным руководителем. Совет дружины или его сбор возможен только в присутствии директора или завуча, а совет отряда или сбор – только при участии учителей» (Кудинов, 2017, с. 142). Членство в пионерской организации перестало быть достижением. Н. К. Крупская в 1923 г. предлагала сформулировать определенные требования к кандидату в пионеры, чтобы принятие подростка в организацию стало определенным этапом в его развитии. В 50-е гг. начался процесс массовизации пионер-

ской организации, в 80-е гг. 100 % детей «пионерского возраста» были записаны в пионерию (с. 146). Уже в 50-е гг. с мест постоянно приходили сигналы, что пионерская работа превратилась в формальность, не отличается от школьных занятий или вообще не проводится, а пионерские комнаты в школах используются не по назначению (Нестерова, Слезин, 2016, с. 912).

Сравнение дискурсов довоенного и послевоенного проектов человека можно провести на материале официальных документов. В утвержденном летом 1924 г. «Организационном положении Детской коммунистической организации юных пионеров имени тов. Ленина» неоднократно повторяются слова «борьба», «борец» и т. д. При этом во всем тексте ни разу не встречаются слова «школа» и «учеба». Даже в одном из пунктов «Законов юных пионеров» – «Пионер стремится к знанию. Знание и умение – сила в борьбе за рабочее дело» – получение знаний и умений никак не связывается со школой. Более того, органы Народного комиссариата просвещения обязывают не создавать отдельных детских организаций¹. Все прочие институциональные моменты (от организации пионерских звеньев и отрядов до атрибутики) прямо вытекают из подобного дискурсивного содержания проекта. Однако уже в 30-е гг. начался процесс сращивания пионерской организации и школы. Если рассматривать конец 20-х – начало 30-х гг. как постконфликтное время (закончилась Первая мировая и Гражданская войны, интервенция и государственная раздробленность), то наша гипотеза о том, что в такие периоды человек-борец уже не нужен, получает косвенное подтверждение. Но поскольку изначальный пафос и мифология проекта не могут быть изменены в одночасье, основное дискурсивное содержание пионерской работы сохранялось до конца Великой Отечественной войны. Большой интерес представляет анализ движущих сил и мотивов внедрения так называемого школьного принципа организации Всесоюзной пионерской организации, но этот вопрос требует отдельного изучения. Заметим лишь, что решение связать деятельность пионерии с работой школы стало, скорее всего, результатом борьбы различных проектов нового человека.

Окончательное видоизменение рассмотренного выше проекта «пионера-борца» произошло в следующий постконфликтный период, в 1940–1950-е гг. Во время Великой Отечественной войны задачи школы и пионерии тесно переплетались. Не только борьба с беспризорностью и безнадзорностью, сбор макулатуры и металлолома (с чем пионеры могли справиться и без школы), но и контроль за посещаемостью учебных заведений, успеваемостью и т. д. в тесном контакте с администрацией школы и классными руководителями (Уфимцева, 2022, с. 382–383). Хотя сама обстановка способствовала возрождению нацеленности пионерской организации на воспитание подростков в духе милитаризма. Формально руководство комсомола в новых распоряжениях направляло пионерию именно по этому пути (с. 381), но фактически наиболее успешно выполненные пионерами задачи лежали в русле народного образования.

¹ Организационное положение Детской коммунистической организации юных пионеров имени тов. Ленина (1924, 4 августа). *Национальная электронная библиотека*. Взято 2 марта 2023, с https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011387556/

Для понимания содержания постконфликтного проекта человека, реализуемого в рамках пионерской организации, необходимо проанализировать его дискурсивное содержание. Наиболее ярко эволюция этого содержания проявляется в материалах публичного дискурса. Сравним варианты клятвы пионера за разные годы.

Таблица 1 – Эволюция клятвы пионера, 1922–1967 гг. (составлено автором)
Table 1 – Evolution of the pioneer's oath, 1922–1967 (compiled by the author)

Год	Текст клятвы пионера	Комментарии
1922	Честным словом обещаю, что буду верен рабочему классу; буду ежедневно помогать своим трудовым братьям; знаю законы пионеров и буду им повиноваться ²	В 1920-е гг. основной пафос клятвы пионера заключался в готовности к борьбе. При этом отсылка к законам пионеров удваивает это дискурсивное содержание, т. к. в этих законах опять же утверждается необходимость быть готовым к борьбе за дело пролетариата. Вариант 1922 г. наиболее близок к дискурсу скаутской организации, т. к. именно понятия верности и повиновения были там краеугольным камнем. Сравним это с присягой скаутов в одном из наиболее ранних вариантов.
1923	Я – юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира; буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров ³	
1924	Я – юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира; буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича, законы и обычаи юных пионеров ⁴	
1928	Я – юный пионер СССР, перед лицом товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение трудящихся всего мира; буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича – законы юных пионеров ⁵	

² *Комсомол и детское движение.* (1925). М., Л.: Молодая гвардия.

³ *Юный пионер. Сборник лекций, читанных на первых Московских губернских курсах работников детских коммунистических групп тт. В. Зориным, М. Стремяковым, Я. Смоляровым, Л. Котенко.* (1924). М.: Новая Москва

⁴ *Памятка юного пионера.* (1925). Симферополь: Крымгосиздат.

⁵ *Положение о детских коммунистических отрядах имени В.И. Ленина.* (1933). Смоленск: Гор. ВЛКСМ.

Год	Текст клятвы пионера	Комментарии
1938	Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение трудящихся во всем мире, за построение социалистического общества. Буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича и правила поведения юных пионеров ⁶	Этот вариант присяги впервые стал содержать мотив построения социалистического общества. Тем самым темпоральный акцент сместился в будущее – общество еще нужно построить.
1946	Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей, обещаю, что буду твердо стоять за дело Ленина-Сталина, за победу коммунизма. Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистической родины ⁷	Первый послевоенный вариант присяги кардинально изменился. Полностью ушел дискурс «дела рабочего класса», мировой революции («освобождение трудящихся всего мира») и верности законам пионерии. Акцент с верности организации смещен на верность государству. Показательно также дистанцирование одной из главных символических фигур – Ленина – от произносящего присягу. Из Ильича (по сути, это приятельское обращение к равному, такому же участнику революционного движения) он превратился в Ленина (более холодную, отдаленную и официальную фигуру).
1954	Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей, торжественно обещаю быть верным заветам Ленина, твердо стоять за дело нашей Коммунистической партии, за победу коммунизма. Обещаю жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей Советской Родины ⁸	Данная клятва содержит первый вариант нового дискурса – дискурса постконфликтного проекта человека. Мотив борьбы заменяется на мотив учебы. Тезис о «победе коммунизма» заменяет собой тезисы о «строительстве» или «борьбе» за коммунизм. Впервые появляется отсылка к Коммунистической партии.

⁶ Курятков, А. (2017). Устав пионера: руки не подавать. *LiveJournal*. Взято 1 марта 2023, с <https://a-kuryatkov.livejournal.com/82415.html>

⁷ *Постановления ЦК ВЛКСМ: О введении выборности в пионерских организациях. О порядке выдачи нагрудного пионерского значка «Всегда готов». Письмо обкомам, крайкомам, ЦК ЛКСМ союзных республик о тексте торжественного обещания.* (1946). Л.: ЛОУПИ.

⁸ Торжественное обещание юного пионера. (1954, 13 апреля). *Пионерская правда*, 30(3741), 1.

Год	Текст клятвы пионера	Комментарии
1957	Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Советскую Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия ⁹	Тезис борьбы вновь появляется, но идет последним после жизни и учебы. Партия получает статус института обучения и воспитания.
1967	Я (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза ¹⁰	Впервые появляется индивидуализация клятвы. Произносящий ее, с одной стороны, подчеркивает личную ответственность, с другой – утверждает свою индивидуальность. Не безликий и безымянный «юный пионер Советского Союза», а конкретный человек произносит эту клятву. Полное наименование пионерской организации также играет важную роль. Формализация отношений «человек – социальный институт» оставляет большой простор для формального отношения к своим обещаниям и обязанностям. Пионер становится не членом некой Организации, Сообщества с большой буквы, которое формально может называться как угодно, но по своей природе всегда остается прежним. Пионер дает первую, но далеко не последнюю в своей советской жизни присягу на верность формальной организации, не обладающей (что бы ни чувствовал произносящий эти слова) священным статусом.

Эволюция дискурсивного содержания клятвы пионера соответствует подобным изменениям остальных частей официального дискурса пионерии. Пионер как проект нового человека перешел от нацеленности на воспитание борца за дело революции, живущего в уже наступившем будущем, к формированию личности, которая должна учиться, взрослеть и только потом «стать достойным гражданином своей социалистической родины».

⁹ Курятков, А. (2017). Устав пионера: руки не подавать. *LiveJournal*. Взято 1 марта 2023, с <https://a-kuryatkov.livejournal.com/82415.html>

¹⁰ Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина. (1970). В *Документы ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о работе Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина* (с. 176). М.: Молодая гвардия.

“Keiner zu klein, Kämpfer zu sein”¹¹

Постконфликтная ситуация в Германии после окончания Второй мировой войны имела огромное количество особенностей и сложностей контекста, влиявших на характер реализации и содержание проекта человека. Это многообразие целесообразно ограничить до следующих моментов. Во-первых, разделенная Германия во многом потеряла субъектность в определении своего образа будущего. Более того, ГДР и ФРГ попали в орбиту влияния акторов, которые стремились реализовать диаметрально противоположные образы будущего. Во-вторых, с точки зрения организации работы с подрастающим поколением субъектам и институтам проектирования человека необходимо было каким-то образом утилизировать наследие нацистских институтов. Поэтому Пионерская организация имени Эрнста Тельмана (Pionierorganisation “Ernst Thälmann”) должна была заниматься как реализацией нового проекта человека в контексте социалистического строительства, так и деконструкцией нацистского образа будущего.

В первом приближении логика формулирования и развертывания проекта человека в ГДР с помощью пионерской организации во многом повторяла советский опыт. Шефство над пионерами должны были взять немецкие «комсомольцы» – члены Союза свободной немецкой молодежи (Freie Deutsche Jugend, FDJ). Дискурсивная сторона данного проекта созвучна содержанию официальных документов пионерии СССР, начиная с клятвы и обычаев пионеров и заканчивая организационной структурой. Более того, в Германии существовал и довоенный опыт создания коммунистических детских организаций, таких, например, как Союз юных спартаковцев (Jung-Spartakus-Bund, JSB), которые буквально копировали советскую пионерскую организацию 1920-х гг. Клятва и законы JSB (Ansorg, 1997, p. 33) представляют собой буквальный перевод русскоязычного текста соответствующих разделов нормативной базы пионерской организации СССР. Однако были и специфические моменты: упомянутые выше остатки нацистских институтов работы с детьми и подростками, а также взаимоотношения с Церковью, положение которой в Германии сильно отличалось от положения РПЦ в СССР. С учетом этих моментов содержание нового проекта человека в ГДР отличалось от аналогичного в СССР, хотя в отдаленной перспективе преследовало аналогичные цели.

Деконструкция нацистского прошлого могла пониматься в двух логиках. Прежде всего в логике преодоления духа милитаризма и политической ангажированности воспитательной работы в направлении формирования гуманистической личности. Так, во время дискуссии 1948 г., развернувшейся в FDJ по поводу направлений культурной и воспитательной работы с молодежью, был предложен проект, содержащий следующие принципы: самокритика и самообразование; желание работать и уважение к людям; дух сообщества и совместное образование; готовность помочь и чувство солидарности; чув-

¹¹ «Никто не может быть слишком мал, чтобы быть бойцом». Фраза из протокола заседания Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи ГДР от 20–21 мая 1948 г., ставшая девизом пионеров ГДР (Ansorg, 1997, p. 25).

ство справедливости и миролюбие; осознание того, что история развивалась в контексте (Ansorg, 1997, p. 36). По своему дискурсивному наполнению он пересекается с «пионерским» проектом только в плане коллективизма и самообразования. И он мог бы достаточно успешно реализоваться, потому что немецкое общество в тот исторический момент было готово «отвлечься» от реваншизма, переживания национальной травмы и ressentimentа в пользу гуманистических идеалов. Этот виртуальный проект требовал не только замены содержания, но и изменения формы и методов работы с молодежью. Условные «борцы за мир» и «миролюбцы» требовали совершенно разных методов для своего создания. Второй возможной логикой деконструкции нацистского наследия могло быть не преодоление, а замена старого содержания новым в рамках уже сложившихся институтов (или, скорее, в памяти о них, т.к. соответствующие нацистские институты работы с молодежью были ликвидированы). У советской пионерии уже был соответствующий опыт с использованием скаутских методов работы и замены дискурсивного содержания (например, скаутский принцип верности монарху или Родине в ранних редакциях законов пионеров заменен на верность рабочему классу).

Дискурс-анализ нормативных документов запрещенной нацистской молодежной организации «Гитлерюгенд» и, например, обычаев пионеров ГДР («тельмановцев») показывает их содержательное подобие, которое возникает из-за использования схожих риторических практик и дискурсивных конструкций. Так, во втором параграфе «Закона о Гитлерюгенде» 1936 г. заявляется: «Помимо родительского дома и школы, вся немецкая молодежь принадлежит Гитлерюгенду, воспитываясь физически, интеллектуально и нравственно в духе национал-социализма для службы нации и ее единству» (Die gesamte deutsche Jugend ist außer in Elternhaus und Schule in der Hitlerjugend körperlich, geistig und sittlich im Geiste des Nationalsozialismus zum Dienst am Volk und zur Volksgemeinschaft zu erziehen)¹². Такая же связка «дом – школа – сообщество» содержится в формулировке одного из законов «тельмановцев»: «Юные пионеры дорожат своим синим галстуком: в нашем галстуке мы видим часть синего флага Союза свободной немецкой молодежи. Три угла означают: школа – дом – пионерское общество» (Junge Pioniere halten ihr blaues Halstuch in Ehren: Wir sehen in unserem Halstuch ein Stück der blauen Fahne der Freien Deutschen Jugend. Die drei Ecken bedeuten: Schule – Elternhaus – Verband der Jungen Pioniere) (Ansorg, 1997, p. 54).

Столь явное сходство не могло быть случайным. Создатели нового проекта были вынуждены учитывать, что подавляющее большинство потенциальных «тельмановцев» имеет опыт членства в Гитлерюгенде (скорее всего, в его детских подразделениях – *Deutschen Jungvolk*¹³, членами которого могли быть

¹² Gesetz über die Hitlerjugend. (1936, Dezember 1). *Verfassungen der Welt*. Retrieved March 8, 2023, from <https://www.verfassungen.de/de33-45/hitlerjugend36.htm>

¹³ Следует отметить, что изначально *Deutschen Jungvolk* была отдельной организацией, но согласно «Второму указу о реализации «Закона о Гитлерюгенде» (Zweite Durchführungsverordnung zum Gesetz über die Hitler-Jugend (Jugenddienstverordnung)) от 25 марта 1939 г. стала структурным подразделением *Hitler-Jugend*.

мальчики от 10 до 14 лет, или *Jungmädelbund* для девочек такого же возраста). Более того, с учетом времени, прошедшего с момента роспуска нацистских организаций до создания немецкой пионерии, синие галстуки должны были надеть те подростки, которые в наиболее юном и восприимчивом возрасте носили коричневые рубашки и застали пик мощи нацистской пропаганды. Подобный опыт так просто не преодолеть, и определенную инерцию личностного развития можно только скорректировать в нужном направлении, наполнив старые привычки новым содержанием. Такая несколько прямолинейная преемственность дискурсивных практик между Гитлерюгендом и Пионерской организацией имени Эрнста Тельмана является, конечно, в основном внешним сходством. В случае с гитлеровской молодежью на первое место поставлены интересы самого сообщества и через него – нацистской партии. Во втором случае декларировалось формальное равенство трех составляющих – школа, дом, пионерская организация, что выражалось в образе треугольного пионерского галстука. Более глубоким различием являлся дух этих организаций. Гитлерюгенд был пропитан милитаризмом, тогда как «тельмановцы» должны были стать борцами за мир (но все равно борцами, а не пассивными свидетелями процесса).

Вторым специфическим фактором были взаимоотношения с религиозными организациями. Церковь в Германии в постконфликтный период находилась в двойственном положении. С одной стороны, различные христианские конфессии имеют большой потенциал в проповеди миролюбия и примирения. Однако для успешной реализации этого потенциала у конкретных церквей и религиозных организаций должно быть явно выражено моральное право вести такую проповедь. Поэтому усилия немецких католиков и протестантов в сфере постконфликтной деятельности могли выглядеть достаточно сомнительно в свете их недавнего и достаточно активного участия в жизни нацистского режима. На местном уровне это нивелировалось тем, что для населения Германии Церковь была настолько привычна, что никаких сомнений в ее необходимости даже не возникало. Хотя связи между официальной Церковью и бывшими национал-социалистическими правителями были очень тесными, но, как отмечает один из классиков немецкой исторической науки К. Клесманн, эти факты почти не рефлексировались населением, так что после войны Церковь была достаточно стабильным институтом (Kleßmann, 1986, p. 59).

Закономерно, что новые молодежные организации коммунистической направленности начали конкурировать с нею в деле воспитания подрастающего поколения. В ход шли различные ухищрения, например, проведение пионерским отрядом и церковным приходом своих мероприятий для детей в одно и то же время, чтобы не было возможности посетить и то и другое. Пасторы отказывались благословлять пионеров, а пионерские отряды исключали из своих рядов членов молодежных религиозных организаций (Ansorg, 1997, pp. 124–125). В условиях нахождения у власти в ГДР просоветского правительства, которое воспринимало Церковь как препятствие в быстром построении социализма, исход противостояния пионерии и религиозных молодежных организаций мог быть только один. С начала 1950-х гг. началось повсеместное наступление на воспитательную активность Церкви на законодательном уровне. Это показывает, что «тельмановцы» и FDJ не смогли конкурировать с Церковью

за влияние на всю немецкую молодежь. Если учесть, что формы и методы работы с детьми и подростками у конкурирующих проектов были очень похожими, следует признать, что при прочих равных условиях коммунистическое содержание проигрывало религиозному.

“U Savezu pionira djeci nije pruženo dovoljno zabavnog života, niti dječjeg veselja”¹⁴

Из всех рассматриваемых в настоящем исследовании стран реформа проекта человека, инструментом которой была реформа пионерской организации и другие мероприятия, выглядела наиболее революционно в послевоенной Югославии. Официально Союз пионеров Югославии («пионеры Тито») возник в 1942 г. на основе довоенных детских коммунистических организаций. Закономерно, что война, оккупация и развертывание партизанского движения в Югославии серьезным образом сказались на содержании работы пионерской организации. Однако практически сразу после окончания войны в стране развернулась дискуссия о новом социалистическом строительстве. В том числе звучали достаточно отчетливые голоса, что в странах советского блока возник новый правящий класс, который по-новому эксплуатирует общество. Речь шла о привилегированной партийной верхушке. Это «особый слой внутри самой бюрократии, состоящий из людей, не занятых непосредственно административной работой, составляет ядро *правлящей* бюрократии или того, что я называю новым классом» (Djilas, 1957, p. 42). В такой атмосфере возник отчетливый новый проект человека, в реализации которого важную роль должна была сыграть пионерская организация.

По мнению современных хорватских исследователей «толчком к организационной реформе стали мнения, согласно которым детская организация уступила «шаблонному и жесткому содержанию работы» и «введению чрезмерного воинственного духа и дисциплины», и поэтому «она все еще малочисленна и недостаточно популярна среди детей» (Duda, 2015, pp. 30–31). Ключевым организационным моментом стало отстранение от шефства над пионерией Союза социалистической молодежи Югославии. Вместо югославских «комсомольцев» воспитанием детей и подростков должны были заняться «образованные взрослые, учителя и специалисты... , которые будут работать с детьми по принципу волонтерства» (p. 31). Созданный для координации всей работы Инициативный совет Союза пионеров Югославии сформулировал направления своей работы следующим образом: «Союз пионеров как воспитательно-развлекательная внешкольная организация должен удовлетворять потребности детей в играх, развлечениях, физкультуре и путем организованной культурной и общественно полезной работы развивать у детей инициативу, творчество, чувство коллективизма, любовь к своей стране, свободолюбие нации и все

¹⁴ «В Союзе пионеров детям не было обеспечено достаточно ни веселой жизни, ни детской радости» (Duda, 2015, p. 30). Фраза приведена в источнике без ссылки и, по-видимому, относится к дискуссии о пионерской организации, развернувшейся в Югославии в конце 1940-х гг.

те черты и склонности, которые способствуют правильному и всестороннему развитию человека» (р. 31). Контраст с пионерией, которая воспитывает борца за дело пролетариата, разительный.

Анализ дискурсивного содержания основополагающих текстов югославской пионерии показывает ряд специфических моментов. Многонациональный характер государства и необходимость учета национальных интересов во внутренней политике породили потребность в новом человеке, который смог бы олицетворять единую многонациональную Югославию. До 1972 г. пионерская присяга содержала такой характерный тезис: «Я клянусь защищать братство и единство наших народов и свободу нашей Родины»¹⁵. Помимо этого, в тексте присяги можно выделить «личностный» блок, который содержит принципы уважения к старшим, любовь к дружбе, честность, т. е. в основном принципы для моральной ориентации человека в повседневной жизни. Завершается присяга обещанием следовать «идеям Тито» и уважать всех миролюбивых людей. По сути, без четкого идеологического содержания данный проект человека получился чрезмерно абстрактным и потому нереализуемым на практике. Проявлялось это и на институциональном уровне в 1950-е гг., когда Союз пионеров был фактически предоставлен сам себе. В этот период не удалось привлечь достаточно мотивированных и идеологически выдержанных (пусть не в коммунистическом смысле, но хотя бы имеющих представление об «идеях Тито») людей для работы с детьми и подростками. Местные пионерские организации часто оказывались «во власти отдельных лиц или групп мелкобуржуазного типа, бывших политиков и членов различных бывших гражданских партий, являвшихся носителями безыдейности, аполитичности и мелкобуржуазности» (Duda, 2015, р. 35). Итогом такой «пустоты» содержания стала фактическая неудача югославского проекта человека постконфликтного периода. На данный момент этот многострадальный регион демонстрирует пример перманентного воспроизводства конфликтной ситуации, выхода из которой пока не видно.

Заключение

Рассмотренные проекты человека постконфликтного периода обладают схожими чертами. В них прослеживается стремление создать личность, которая будет обладать чертами, важными с общечеловеческой, гуманистической точки зрения. Но вместе с тем такое стремление разрушает саму проектность этой деятельности, т. е. направленность к некоей четко обозначенной цели. Человек, обладающий гуманистической личностью, не может быть проектом. Наличие таких черт может быть условием реализации проекта, но не его целью. Иначе весь темпоральный цикл проекта, его интенция в четко определенное будущее будут нарушены, и на выходе мы получим человека без образа будущего. Идея «построения коммунизма к такому-то году» – это еще не образ будущего, хотя СССР и противостоящие ему страны Запада в рассматриваемый период имели

¹⁵ Sjećate li se pionirske zakletve? (2012, Novembar 29). *Radio Sarajevo*. Retrieved March 3, 2023, from <https://web.archive.org/web/20151020185329/http://www.radiosarajevo.ba/novost/95835/sjecate-li-se-pionirske-zakletve>

свои образы будущего. Но в случае с пионерской организацией, по-видимому, не удалось синхронизировать две реальности – реальность проекта, когда подростка готовили к жизни в будущем, «прекрасном далеко», а жить ему пришлось в «недостроенном коммунизме». Или в «развитом социализме». Или в «перестройке» недостроенного. Это сильно контрастировало с логикой довоенного советского проекта. Там пионер уже жил и активно действовал в той реальности, к которой его готовили, в реальности победившей пролетарской революции. Послевоенные пионерские движения СССР и ГДР смогли решить важные для общества задачи. У детей был преодолен опыт войны, опыт участия в нацистских организациях и т. д. Им вернули детство. В Югославии это сделали самым радикальным образом, превратив пионерскую организацию в институт развлечения и досуга. Все это было сделано за счет самой проектности, за счет возможности реально достичь желаемого будущего.

Список литературы

1. Баден-Пауль, Р. (1910). *Юный разведчик*. СПб.: Военная типография Главного штаба.
2. Крупская, Н.К. (1923). *Р.К.С.М. и бойскаутизм*. М.: Красная новь.
3. Кудинов, В.А. (2017). *История детского и юношеского движения в России*. Кострома: Издательство Костромского государственного университета.
4. Ленин, В.И. (1974). Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. В В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений* (Т. 41, с. 298–318). М.: Политиздат.
5. Мищенко, Т.А. (2020). Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. в деревне юго-запада Центра России. *Манускрипт*, 13(10), 34–40. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.7>
6. Нестерова, А.А., Слезин, А.А. (2016). Комсомол как организатор деятельности пионеров на рубеже 1950-х – 1960-х гг. *Политика и общество*, (7), 910–920. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.7.16022>
7. Новиков, С.Г. (2020). «Новый человек» как историко-педагогический феномен. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, (2), 92–96.
8. Новиков, С.Г. (2021). Пионерия в системе воспитания «нового человека» (1920-е годы). *Проблемы современного образования*, (3), 150–162. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-3-150-162>
9. Уфимцева, М.А. (2020). Перестройка работы пионерских организаций в годы Великой Отечественной войны: на материалах Свердловской области. *Историко-педагогические чтения*, (26), 380–385.
10. Ansorg, L. (1997). *Kinder im Klassenkampf. Die Geschichte der Pionierorganisation von 1948 bis Ende der fünfziger Jahre*. Berlin: Akademie Verlag.
11. Djilas, M. (1957). *The new class: An analysis of the communist system*. New York: Frederick A. Praeger.
12. Duda, I. (2015). *Danas kada postajem pionir. Djetinjstvo i ideologija jugoslavenskoga socijalizma*. Zagreb, Pula: Srednja Europa.

13. Kleßmann, C. (1986). *Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.

References

1. Ansorg, L. (1997). *Kinder im Klassenkampf. Die Geschichte der Pionierorganisation von 1948 bis Ende der fünfziger Jahre*. Berlin: Akademie Verlag.
2. Baden-Powell, R. (1910). *Yunyj razvedchik* [The young scout]. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya Glavnogo Shtaba.
3. Djilas, M. (1957). *The new class: An analysis of the communist system*. New York: Frederick A. Praeger.
4. Duda, I. (2015). *Danas kada postajem pionir. Djetinjstvo i ideologija jugoslavenskoga socijalizma*. Zagreb, Pula: Srednja Europa.
5. Kleßmann, C. (1986). *Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
6. Krupskaya, N.K. (1923). *R.K.S.M. i bojskautizm* [The Russian Communist Youth League and boy scouting]. Moscow: Krasnaya Nov'.
7. Kudinov, V.A. (2017). *Istoriya detskogo i yunosheskogo dvizheniya v Rossii* [The History of the children's and youth movement in Russia]. Kostroma: Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.
8. Lenin, V.I. (1974). *Zadachi soyuzov molodezhi. Rech' na III Vserossijskom s"ezde Rossijskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi 2 oktyabrya 1920 g.* [The tasks of the youth leagues. Speech delivered at the Third All-Russia Congress of the Russian Young Communist League, October 2, 1920]. In V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij* (Vol. 41, pp. 298–318). Moscow: Politizdat.
9. Mishchenko, T.A. (2020). *Molodoe pokolenie v konstruirovani novoj politicheskoy identichnosti v 1920-e gg. v derevne jugo-zapada Centra Rossii* [Young generation in constructing new political identity in the 1920s in the countryside of the Southwest of Central Russia]. *Manuskript*, 13(10), 34–40. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2020.10.7>
10. Nesterova, A.A., & Slezin, A.A. (2016). *Komsomol kak organizator deyatelnosti pionerov na rubezhe 1950–1960-h gg.* [Komsomol as an organizer of pioneer activities at the turn of the 1950s and 1960s]. *Politika i obshchestvo*, (7), 910–920. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.7.16022>
11. Novikov, S.G. (2020). *Pionerija v sisteme vospitaniya "novogo cheloveka" (1920-e gody)* [Pioneer organization in the "new man" upbringing system (1920s)]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, (3), 150–162. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-3-150-162>
12. Novikov, S.G. (2021). *"Novyj chelovek" kak istoriko-pedagogicheskij fenomen* ["New man" as a historical and pedagogical phenomenon]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (2), 92–96.
13. Ufimceva, M.A. (2020). *Perestrojka raboty pionerskix organizacij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: na materialax Sverdlovskoj oblasti* [Restructuring the work of pioneer organizations during the Great Patriotic War: On the materials of the Sverdlovsk Region]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*, (26), 380–385.

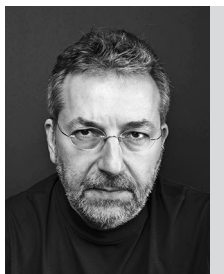
Информация об авторе

Александр Сергеевич Лушков, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9252-0107>, e-mail: istorik1981@mail.ru

Information about the author

Alexander Sergeevich Lunkov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9252-0107>, e-mail: istorik1981@mail.ru

ВОЙНА И ПРЕКРАЩЕНИЕ НАСИЛИЯ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВЫХ ИНСТИТУТОВ

Петар Боянич,

Университет Белграда,
Белград, Сербия;
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
bojanicp@gmail.com

Получена 07.06.2023.

Поступила после рецензирования 30.07.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Боянич П. Война и прекращение насилия: проектирование справедливых институтов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 156–167. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_156

Аннотация

В истоках институтов зачастую лежат насилие и сила, а война является одним из таких институтов. При этом война продолжает фигурировать как один из важнейших институтов, обеспечивающих долговременное единство группы, хотя и ценой противостояния с другой, соперничающей, группой. Поэтому важную роль в прекращении насилия играет то, насколько новые институции справедливы. Именно справедливость постконфликтных институтов позволяет добиться устойчивого мира. В статье рассматриваются особенности социальных и асоциальных актов, укрепляющих или подрывающих отношения в группе или между группами и влияющих на справедливость институтов. Прекращение разрушения и насилия заканчивает период вынужденного объединения группы и открывает возможности для поиска иной общей деятельности. Ее содержание составляет суть проекта, в котором наиболее важной в плане укрепления мира деятельностью выступает изменение человека. Значимой для такого проектирования является проблема, когда и как следует прекратить войну и можно ли это сделать в желаемый момент времени. При переходе войны в мир возникают различные препятствия, которые зачастую не зависят

© Боянич П., 2023

от злой или доброй воли участников установления мира. Автор приходит к выводу, что прекращение войны всегда сталкивается с проблемой фиктивного производства главного врага, чем занимается каждая из сторон конфликта для мотивации своего населения. Этот фиктивный враг выставляется источником и причиной грядущего тотального истребления. Для установления мира необходимо развенчать данную фикцию.

Ключевые слова:

война, конфликт, постконфликтная ситуация, постконфликтный институт, справедливый институт, Другой.

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>

UDC 172.4+355.018

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_156

WAR AND CESSATION OF VIOLENCE: DESIGNING JUST INSTITUTIONS

Petar Bojanic,

University of Belgrade,
Belgrade, Serbia;
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
bojanicp@gmail.com

Received 07.06.2023.

Revised 30.07.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Bojanic, P. (2023). War and Cessation of Violence: Designing Just Institutions *Discourse-P*, 20(3), 156–167. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_156

Abstract

Institutions are often rooted in violence and power, and war is one of them. At the same time, war continues to be one of the most important institutions that ensure the long-term unity of a group, albeit at the cost of confrontation with another, rival group. Therefore, an important role in cessation of violence is played by how fair new institutions are. It is the justice of post-conflict institutions that makes it possible to achieve sustain-

able peace. The article considers the features of social and asocial acts that strengthen or undermine relations in a group or between groups and affect the justice of institutions. Cessation of destruction and violence ends the period of forced unification of a group and opens up opportunities for finding other common purposeful activities. The content of this activity is the essence of the project, in which the most important activity in terms of fostering peace is human change. The significant problem for this is when and how war should be stopped, and whether it can be done at the desired time. During the transition from war to peace, various obstacles arise, which often do not depend on the evil or good will of the participants in peace establishment. The author comes to the conclusion that the end of war always faces the problem of fictitious construction of the main enemy, done by each party of the conflict to motivate its population. This fictitious enemy is always presented as the source and cause of the coming total extermination. To establish peace, it is necessary to debunk this fiction.

Keywords:

war, conflict, post-conflict situation, post-conflict institution, just institution, the Other.

Funding:

the research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00851, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00851/>

Введение

Первым, кто ввел в обиход понятие «справедливый институт», был, думается, Ж.-Ж. Руссо. Периоды мира или периоды институционального установления следует связывать с определенным коллективным действием, которое можно обозначить как прекращение или завершение войны. Понятие «справедливый институт» (just institution), которое используется здесь в единственном числе, служит образцом или регулятивным принципом для множества институтов, которые должны включать элементы справедливости, чтобы мир был в принципе возможен. Справедливость является минимальным и важным атрибутом мира. С этим связано и другое понятие – «справедливая война» (just war), которая, не будучи миром, все же определенно нацелена на достижение мира (Grotius, 1925, p. 860). Мир, или минимальное условие для мира, или минимальное условие для его справедливого установления в будущем времени начинается только тогда, когда мы прекращаем войну, крайнюю степень конфликта. Речь в данном случае идет о коллективном намерении. Поскольку война представляет собой крайнюю форму коллективного насилия, эта задача не может быть выполнена в одиночку, она достигается посредством согласованного коллективного действия группы людей. Вопрос, как и когда может быть закончена война, содержит дилемму, связанную с возможностью и временем ее прекращения. Прекращение войны подразумевает существование и будет

условием справедливого института. В этом смысле, поскольку «всему свое время», есть «свое время» и для мира.

Здесь интересен, прежде всего, вопрос о прекращении враждебных действий и окончании войны. Мы утверждаем, что прекращение войны следует отличать от войны как таковой, т. е. длительности войны. На самом деле прекращение войны не относится к послевоенному периоду. Оно лишь частично может быть связано с *jus post bellum*, поскольку с окончанием войны начинается новый период. *Jus terminatio*, в терминологии Д. Родина (Rodin, 2015), разграничивает и в то же время связывает длительность войны и время после войны, а также отсылает нас к самому началу войны и ее причине (Rodin, 2011). Описать и реконструировать процесс прекращения войны и выхода из войны – *jus terminatio* и *jus ex bello* – с теоретической точки зрения можно при выполнении следующих условий: 1) существование некоторого периода, когда происходит принятие решения о прекращении войны; 2) сложность процесса прекращения войны, включающего преодоление различных трудностей и прохождение ряда процедур (мы говорим о процессе, хотя и ограниченном временными рамками, но не одномоментном); 3) наличие норм, на основании которых война может быть прекращена. Ряд авторов подробно останавливаются на этом моменте, но используют разные формулировки (Mollendorf, 2008, p. 123; Orend, 2006, p. 160; Rodin, 2008, p. 54).

Оптика анализа основана на понимании войны как института силы и насилия. Рассмотрение институций выявляет фундаментальный институциональный парадокс: институции формируют людей, в то время как люди формируют институции; однако в этой динамике проективность людей и институций позволяет подготавливать к принятию и созданию новых форм институций. Это связано также с феноменом контринституций, или сопротивления институциям. Поскольку институции часто несправедливы и даже бесчеловечны в философско-антропологическом смысле, возникают попытки их ограничить или выдвинуть альтернативу.

Не менее важен вопрос проектирования справедливых институтов. Значимой с методологической точки зрения является трактовка проекта как понятия и действия, которое связано с пониманием пространственной проекции Г. Зиммеля и анализом идеи объекта у Ж. Деррида. Проектирование предполагает некую устремленность в будущее, которое дано не только во времени, но и в пространстве. Это социальное пространство, которое создано в еще не наступившем времени. Если несколько протоколов, например, «возможность», «горизонт» и «воображение» («если бы»), в какой-то мере переплетены и связаны, чтобы показать, что основной модус темпоральности проекта – будущее, то, что еще предстоит или что должно последовать. Если будущее раскрывается в воображаемом расстоянии между планом и проектом, между двумя понятиями или словами, которые всегда трудно различить, то возможно, что эта модальность времени имеет особый статус в отношении «время – пространство». Исходя из этого, можно поставить следующий вопрос: сколько будущего содержится в пространстве, или, точнее, связано ли будущее в большей степени с пространством, чем, например, с прошлым? Индивиды создают пространство, проецируя свои взаимоотношения. Выявление концепции проекта представляет

его по-новому, не как проецирование, обращение в будущее, перенесение предмета/объекта проекта, но как обнаружение, раскрытие уже имеющегося предмета. В концепции проекта его предмет представлен как предмет сознания, уже данный, предшествующий идее проекта и действию проектирования.

Проблема перехода войны в мир

Если не существует какой-либо инстанции (или некой мессианской фигуры), способной прекратить войну, то не существует и конкретного времени, которое бы могло гарантировать мир без конфликтов и каких-либо проявлений насилия, т. е. не существует будущей перспективы мира, не запятнанного войной и насилием. По сути, здесь мы остаемся в русле учения И. Канта и принимаем за исходную точку тот факт, что сначала находимся в состоянии войны, а затем она прекращается, точнее, *jus ex bello* и *jus in bello* разделяются не произвольной хронологической границей, а практиками, которые они задают (Lazar, 2010, p. 13).

Далее речь пойдет не о мире и времени, а о войне, разбитой на отдельные временные отрезки. Такое понимание подразумевает определенное регулирование и последующую трансформацию войны в мир посредством разнообразных практик, которые используются в ее различные периоды. Сам факт, что война реконструируется во времени, т. е. разбивается на временные промежутки – период до начала, начало, разгар войны, окончание и период после, свидетельствует о том, что на протяжении веков предпринимались попытки (до сих пор недостаточно успешные) не только регулировать войну и сделать ее менее жестокой и более справедливой, но и в конечном итоге предотвратить ее, исключить саму ее возможность. Если мы умеем распознавать отдельные действия в рамках войны и регулировать их на основе этических принципов (это и называется правовым регулированием войны, ибо «право цивилизует войну»), а также устанавливать порядок их протекания во времени, то это значительно меняет основания для ведения боевых действий и помогает «обосновывать стандарты, регулирующие то, как войны начинают и ведут» (Lazar, 2010, p. 21).

Прекращение войны или переход из состояния войны в состояние мира – это не только период после войны, или *jus post bellum*, но также и начальный период перехода от войны к миру. В этот момент происходит зарождение нового института из насилия и войны, потому что прекращение войны (прекращение боевых действий) означает, что одна или несколько групп людей прекращают убивать и начинают сотрудничать, устанавливая таким образом мир. Установить мир – быть в состоянии (или, по крайней мере, попытаться) жить вместе, жить рядом, точнее, сотрудничать. Установление мира означает самоучреждение группы или различных групп. Идея И. Канта о том, что война есть данность (существует, присутствует, имманентна) и, наоборот, мир требует усилий, строительства и установления¹, указывает на коллективное усилие, необходимость общей работы и в некотором смысле общего времени.

¹ И. Кант использует производные от глагола *stiften* – «создавать», «строить», «устанавливать».

На данном этапе мы можем представить себе ситуацию, когда группа людей решает прекратить убивать и самоорганизуется, чтобы решать проблемы с использованием мирных средств. В этой связи возникает ряд предварительных трудностей. Прежде всего, несмотря на то, что мы живем в эпоху войн, которые трудно прекратить, сложно представить себе войну, которую невозможно завершить и которая длится вечно. Однако существует риск того, что даже после окончания войны мир не наступит. Можно перечислить различные проблемы, возникающие после войны. Представляется, что чем более масштабной и длительной является война за справедливую цель, тем стабильнее будет мир. Но мирное будущее или перспектива мира при этом неизбежно будут запятнаны насилием, а справедливый институт может быть скомпрометирован незавершенным окончательно насилием, насилием, не преобразованным в справедливость через новые законы или новые принципы. То же самое касается и сообщества, подчиненного неэгалитарной модели, в которой победители систематически терроризируют побежденных или новое меньшинство. Интервенция в Косово служит отличным примером успешного прекращения насилия, которое сохранило противоречия между большинством и меньшинством, а мир остался лишь на горизонте. Является ли этот мир преждевременным, несвоевременным или единственно возможным? Еще одна трудность состоит в нашей общей непоколебимой вере в то, что с помощью насилия можно положить конец неприемлемой ситуации, а затем насилие прекратится само собой и воцарится мир.

Как и когда следует прекратить войну? Как можно распознать подходящий момент для восстановления института? Когда наступает время для мира? Каковы первые препятствия на пути прекращения любой войны? Вопрос мира или прекращения войны всегда решается Другим (противником или врагом). Установление мира и пацифизм, точнее, прекращение войны, всегда сталкиваются с проблемой фиктивного производства главного врага и фикцией нашего грядущего тотального истребления этим врагом.

Возможен ли институциональный дизайн?

Как можно начать описывать институциональные протоколы, даже фрагментарно, не прибегая к строгой тематизации? Как кратко описать то, что мы обозначим как *in-statuere* – институционализацию? Каковы моменты или условия, необходимые для того, чтобы что-то могло существовать во времени и пространстве и сохранять незримую стабильность статуи? Можно ли это обозначить словом «институт»? Есть три основных протокола.

Институт (institution) – совокупность актов, факторов и фактов, которые при определенных условиях и следовании определенным правилам способны держаться вместе. Сложная и многозначная связь фигуры и фигуративного с институтом и его практиками (по Ж. Делёзу), вероятно, имеет преимущество перед другими способами обозначения чего-то, что в первую очередь держится вертикально и способно сохраняться во времени. Институт (или множество институционализирующих действий) является, прежде всего, архитектурным и искусственным созданием: он создан людьми и не имеет отношения к природе или Богу (строительство Вавилонской башни является первой сценой создания

института). Институт защищает плоды коллективной работы от разрушения и стабилизирует связи между людьми через их совместное и ангажированное действие. Порождающий и регенеративный потенциал института определяется его необходимой открытостью для новых участников и инновационных акторов. Онтологическая неполноценность и институциональный дефицит, вызванные постоянной скрытой нехваткой новых ангажированных участников и их деятельности, могут быть представлены как фиктивное социальное тело, которому всегда не хватает реальности. Существует ряд установленных характеристик и парадоксов института: институт зависит от других институтов и всегда связан с ними; институт опирается на насилие и принуждение; война является одним из первых институтов; институт имеет принудительный характер, т.к. одновременно удовлетворяет естественные потребности индивида и ограничивает его желания; институт предшествует индивидуальному и индивидам; институт языка играет решающую роль и предшествует всем другим институтам, язык – априорное условие существования института. Кроме того, сюда следует добавить проективную и документальную составляющие института и институциональной деятельности. Как проект институт гарантирует выживание группы как совокупности различных участников и элементов во времени и пространстве, а документальные и архивные протоколы подтверждают, что институт существует и стойко держится в течение длительного времени.

Ангажированность (engagement) – вид социального действия, который критически важен для образования группы или института. Действие считается ангажированным, если оно является публичным и доведенным до всеобщего сведения (в противном случае это негативное социальное действие или незаявленное социальное действие, совершенное втайне). Это действие по своей сути провокационно, ибо призывает и реализует обязательство по отношению к Другим, направлено ко всем Другим, не только членам определенной группы, побуждает присутствующих стать ближе. Брать или исполнять обязательство означает действие, которое побуждает окружающих действовать, обязывает их делать что-то в качестве членов будущего единого органа – комитета. Как отмечает М. Гилберт, «взаимно принятое обязательство связывает стороны тем, что они действуют по отношению друг к другу в соответствии с обязательствами» (Gilbert, 2013, p. 899). Однако ангажированность отличается тем, что требует высокой степени обязательности («отдать все силы», «безусловная преданность делу»), а также в некотором роде жертвы (для Других, с Другими, даже по отношению к Другим и вместо них)², которая является действием, побуждающим

² В этой жертве мы приближаемся к Другим (слово *engage* происходит от глагола *vado*, образованного от германского *wadi* и латинского *vas, vadis*, что означает «продвижение к другому») (Кемп, 1973, p. 16). Мы связаны с Другими, когда предлагаем «залог», тем самым «обременяя» или «обязывая» их отвечать на наши действия. Два слова или два протокола – франко-англо-немецкое слово *engagement* и англо-французское *commitment/commettre* – подразумевают, что мы говорим о конкретном виде обязательства (ни совершенного, ни несовершенного), которое лежит в основе формирования коллективной субъектности, ангажированной группы или института.

и Других присоединиться, повторить наше действие, выстраивая таким образом будущую совместную работу.

Контринститут (counter-institution) – отдельный институт, существующий параллельно или даже в оппозиции к действующим институтам и различным индивидуальным или групповым актам. Для него характерно производство множества критических и ангажированных действий, направленных на обновление, изменение и деконструкцию закосневших авторитарных моделей. Впервые термин «контринститут» (contre-institution) использовал А. Сен-Симон, рассуждая об Англии, где существуют «смежные» или «регулирующие» институты. Понятие «контринститут» синонимично понятиям «новый институт» или «Европа». Если старые институты связаны с закрытыми суверенными институтами суверенных государств, то Европа выступает как контринститут. Однако государство тоже может быть контринститутом, если противостоит тем институтам, которые представляют личные интересы, угрожают интересам других индивидов/групп или пренебрегают ими. Если старые институты поощряют невежество и предрассудки, свойственные тому периоду, когда они были созданы, контринституциональные практики выступают условием для появления новых правил, которые затем изменяют связи между социальными акторами. Эти практики указывают на фундаментальный парадокс института: как институты формируют людей, так и люди формируют институты; люди формируются таким образом, чтобы воспринимать и производить новые формы институтов. Следует отметить, что в современной науке понятие «контринститут» используется редко, чаще встречаются другие наименования – негосударственная организация, корпорация, общественное объединение и т. д. Однако в 1960-е гг. этот термин применялся для обозначения определенных гражданских групп, которые напоминали контргруппы, описанные Сен-Симоном применительно к Англии начала XIX в.

Операция или операции, устанавливающие отношения между определенными элементами и организующие их в некий порядок (что и описывается словом «институционализировать»), являются искусственным и архитектурным действием. Оно осуществляется группой людей, а не возникает самопроизвольно в природе или в результате действия высших сил. Протокол, который можно назвать архитектурным, отвечает за создание и сохранение определенных элементов во времени и пространстве. Нельзя создать институт без определенных архитектурных состояний и движений: идея, план, проект, платформа, диаграмма, граница, стена, прозрачность (отсутствие стен), порог, форма, основание и т. д.

Институт всегда представляет собой архитектурную конструкцию, даже если он не является материальным. Например, для создания института необходимо разработать его план и проекцию. Первым этапом может стать порог, установленный на основании и обозначающий начало чего-то совершенно нового во времени и пространстве. Порог выступает первым элементом создаваемого института, т. к. расположен в начале нового здания или конструкции, и одновременно является границей между прошлым и будущим. Философия и архитектура – это в первую очередь институциональные практики, т. е. практики, которые институционализируют все, что существует и находится в наших

руках. В институте первоначальную или основополагающую роль играет та его часть, которая возникает в самом начале, ставится на первое место, что мы и называем порогом. Конечно, если мы углубимся в детали и начнем рассматривать вопрос, имеют ли все институты порог, при каких обстоятельствах они могут его не иметь³, то придем к тому, что существует альтернативный вариант положения порога – противоположение (*counter-position*) порога. Если порог – это *primum*, начало института как такового, то судьба нового контринститута, чье появление всегда возможно, также решается на пороге.

Порог – это, прежде всего, маленькая стена, наименьшая из возможных, через которую можно перешагнуть или перепрыгнуть. Иными словами, порог требует прыжка или шага. Также порог – это текст, формула, пароль, надпись или документ. У Ф. Рабле новый институт противопоставляется епископству или аббатству, он приносит свободу, образование и помощь большой группе людей (не существует институтов, программа которых не содержала бы различные протоколы помощи). Поэтому порог должен быть «чем-то невозможно малым» или «чем-то возможным в наименьшей степени» и «ведущим нас в невозможное». Рабле, вдохновленный произведениями Ф. Колонны, в «Гаргантюа и Пантагрюэле» на десяти страницах раскрывает свою ключевую идею о том, как спроектировать и построить монастырь Телем⁴, который должен стать институтом без стен (и, следовательно, без порога и границ). Хотя Рабле придумывает определенные требования и условия для тех, кто может быть частью этого института, кто имеет право войти, и хотя имеется некая видимость входа и надвратная надпись (как в Академии Платона), институт открыт для всех. Здесь нет правил, сроков, распорядков; каждый делает, что хочет и желает, но в согласии с волей всех других индивидуальных волей. Это возможно, как считает Рабле, при отсутствии стен: «...где и сзади и спереди стены, там и застенков, и зависть, и ропот, и взаимные козни»⁵.

Нам еще только предстоит осознать и обосновать эту оду прозрачности (осуждающую ложь и лицемерие) и демократии (а также стеклу, поскольку XX столетие стало материальным архитектурным ответом Рабле). Мы по-прежнему не имеем убедительных аргументов в пользу свободной воли, прозрачного и взаимного дружеского обмена между актерами, т. е. любви; мы по-прежнему не имеем убедительных аргументов против тех правил и норм, на которые опираются наши институты.

Последний протокол проистекает не из сопротивления или антагонизма, существование которых можно было бы предположить, исходя из значения *counter* в том смысле, в котором оно используется в контринституциональном протоколе. Скорее, этот протокол представляет собой что-то новое – критику, точнее, взаимную критику, регистр провокации и демократии (Apel, 2017, p. 316).

³ Карантинная зона может быть совершенно закрытым институтом и не иметь порога; дом может быть полностью открытым и не иметь порога, особенно когда мы находимся «онлайн»; институт собственности также имеет различные пороговые модели и т. д.

⁴ Thélème от греч. *thelema* – «воля».

⁵ Rabelais, F. (1951). *Gargantua* (p. 170). Paris: Gallimard.

Институт всегда стремится к инклюзивности и порождению новых элементов, при этом элементы, которые еще не являются его частью, уже как бы присутствуют, связаны с его существованием (являются его институциональной фикцией). Здесь мы говорим обо всех возможных и невозможных элементах, т. к. каждый институт потенциально может вместить все. Именно поэтому можно утверждать, что вне института нет ничего. Эти элементы влияют друг на друга, исправляют, критикуют, взаимно дополняют. Другими словами, они изменяют формы своего взаимодействия, предвосхищая появление новых, пока еще воображаемых членов. Предварительные модели истинной институциональной практики – близость, симпатия, дружба, общность, совместное выживание. Создается впечатление, что подобный театр действий мог бы объяснить, что такое взаимная критика или каков статус критики, который упоминает Ж. Деррида, говоря о народной критике и различиях у П. Бурдьё – внутри группы, которая встречается от случая к случаю.

Итак, группа элементов (воображаемых или реальных) встречается вместе, чтобы учредить себя как группу, *consortium*⁶. Чтобы это произошло, критическая ангажированность или даже просто критика или ангажированность должны быть неотъемлемыми частями данной конструкции. Как происходит процесс критики в группе, что делает его возможным, каковы его истоки? Речь идет о рефлексии (иногда это может быть суждение, спор или невроз) по поводу всего, что каждый из нас индивидуально полагает перед Другими или самим собой. Критика подразумевает, что мы являемся частью общности – *universitas*⁷. Эта общность находится в перманентном кризисе, поскольку в любой момент может распасться. Мы как группа постоянно возобновляем и конструируем себя как общность, конструируем некую тотальность знания⁸ или множество различных протоколов истины. Критика разрушает нас, но в то же время удерживает вместе, потому что эта способность (быть критиком, критиковать, вопрошать и приводить к кризису) или этот протокол – неотъемлемый элемент всякой совместной работы и соприсутствия. Университет или консорциум создает определенные знания или полноту знаний. В то же время иногда он формирует полноту личности (человека, как сказал бы Цицерон) или группы – некий новый университет или институт или контринститут. Взаимная критика или ангажированность являются инструментом⁹, который формирует полноту личности или всесторонне развитого человека. Парадоксально, но индивид может стать таким идеальным только в том случае, если способен быть партнером или дольщиком. Это важно, поскольку сразу исключает лидерство и неравенство. Очевидно, что идеальный исследователь обычно не рассматривается в рамках таких категорий (как быть партнером, как производить действия, которые могут быть легко продолжены и развиты другими людьми). Кажется, именно поэтому

⁶ Слово *consortium* содержит латинский корень *consort, sort* – партнер-дольщик.

⁷ *Universitas* – слово, которое противопоставляется индивидуальному. Его использует пять раз Цицерон, переводя греческие слова *kath' holon* и *ho' lotés*.

⁸ *Universitas* также означает и *et universum, et totum, et omne* из трактата Плутарха «Об Осирисе и Исиде».

⁹ Понятия *instrumentum* и *institution* во многих текстах выступают как синонимы.

у нас возникают трудности с конструированием группы или новой общности: критика, которая недостаточна, неконструктивна, является ложной формой ангажированности (лицемерием), означает, что каждый работает только на себя, а не для Других или не для всех, что приводит к невозможности создания общего, совместного – *universitas*.

Заключение

Существуют определенные методы, означающие различные способы применения насилия, которые превращают один порядок в другой или что-то старое в нечто новое. Эти методы являются насилием как таковым. Предварительным условием для того, чтобы определенное совместное действие осуществлялось должным образом, выступает немедленная приостановка двух видов насильственных действий: произвольного насилия со стороны личности (индивидуальный террор и терроризм) и коллективного насилия (войны, даже оборонительные, войны за демократию, войны против террора и терроризма). Несмотря на то, что второй вид насилия считается институциональным, несмотря на то, что сама война полагается примером института, нет полной уверенности, что это действительно так. Можно приводить рациональные аргументы в пользу возможности преобразования насилия или победоносной войны в справедливость, законность, порядок или институт. Или даже настаивать на преобразовании и переходе индивидуального насилия или войны в некоторые виды совместного, одобряемого институционального действия. Но более корректным представляется понимание, что появление разнообразных институциональных актов, практик или действий (прежде всего тех, которые никогда не устраняют и институционально не пренебрегают оставшимися Другими) лучше описать как прерывание или прекращение насилия или войны.

Группа индивидов производит институциональные акты только в том случае, когда ее акторы действуют в одно и то же время в общем направлении. Они сознательно рассчитывают друг на друга (принимая во внимание принадлежность друг друга к группе и гармонию с Другими), априори учитывают всех, кто еще не является составной частью их группы или частью какой-либо другой группы. В этом смысле группа лиц, безусловно, способна успешно совершать определенные насильственные действия, но она этого не делает, приобретая статус новой сущности или учреждения (институциональный статус). Такая группа открыта и позитивно настроена по отношению к Другим. Если при этом выполняются и другие условия одобряемого совместного действия, количество так называемых негативных социальных действий или даже просто плохих (асоциальных) действий будет снижаться вплоть до их полного устранения.

References

1. Apel, K.-O. (2017). *Transzendente Reflexion und Geschichte*. Berlin: Suhrkamp Verlag.
2. Gilbert, M. (2013). Commitment. In H. LaFollette (Ed.), *The international*

encyclopedia of ethics (pp. 899–905). London: Wiley-Blackwell.

3. Grotius, H. (1925). *De Jure Belli ac Pacis*. Oxford, London: Clarendon Press.
4. Kemp, P. (1973). *Théorie de l'engagement. Vol. 1: Pathétique de l'engagement*. Paris: Éditions du Seuil.
5. Lazar, S. (2010). Endings and aftermath in the ethics of war. *CSSJ Working Papers Series*, 2–35.
6. Mollendorf, D. (2008). Jus ex bello. *The Journal of Political Philosophy*, 16(2), 123–136.
7. Orend, B. (2006). *The morality of war*. Peterborough: Broadview Press.
8. Rodin, D. (2008). Two emerging issues of jus post bellum. War termination and the liability of soldiers for crimes of aggression. In C. Stahn, & J.K. Kleffner (Eds.), *Jus post bellum: Towards a law of transition from conflict to peace* (pp. 53–91). The Hague: T.M.C. Asser Press.
9. Rodin, D. (2011). Ending war. *Ethics & International Affairs*, 25(3), 359–367. <https://doi.org/10.1017/S0892679411000177>
10. Rodin, D. (2015). The war trap: Dilemmas of jus termination. *Ethics*, 125(3), 674–695. <https://doi.org/10.1086/679559>

Информация об авторе

Петар Боянич, доктор философии (PhD), профессор, Университет Белграда, Белград, Сербия; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9324-2209>, e-mail: bojanicp@gmail.com

Information about the author

Petar Bojanic, PhD, Professor, University of Belgrade, Belgrade, Serbia; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9324-2209>, e-mail: bojanicp@gmail.com

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_168

«СТАБИЛИЗИРУЮЩАЯ» ТУРЦИЯ В НЕСТАБИЛЬНОМ МИРЕ

Обзор книги: Altun, F. (2022) Küresel belirsizlik çağında istikrarlaştırıcı güç Türkiye. İstanbul: Paradigma yayınları

Разиль Илшатович Гузаеров,

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия,
guzaerov99@bk.ru

Получена 04.04.2023.

Поступила после рецензирования 13.06.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Гузаеров Р.И. «Стабилизирующая» Турция в нестабильном мире // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 168–179. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_168

Аннотация

Турция планомерно работает над увеличением своего влияния на мировой арене, что вызывает особый интерес исследователей. Однако отсутствие в открытом доступе ключевых документов в области турецкой внешней политики затрудняет ее изучение. Восполнить данный пробел помогают работы турецких политиков, демонстрирующих собственный взгляд на развитие системы международных отношений, место и роль Турции в ней. Настоящая статья представляет собой рецензию на книгу «Турция как стабилизирующая сила в эпоху потрясений» Ф. Алтуна, главы Департамента по коммуникациям при президенте Турции. Политик обосновывает действия Турции на международной арене, характеризуя ее как стабилизирующую силу (державу). Описывается становление Турции как центра силы, который перешел от насильственной вестернизации, приведшей к росту национальной неуверенности и обесценению национальных интересов, к модернизации по-турецки. Освещается

© Гузаеров Р.И., 2023

современное состояние международной системы, которая характеризуется как крайне нестабильная ввиду неэффективности международных институтов (в частности, ООН) и политики великих держав. На этом фоне внешнеполитические маневры Турции оцениваются как направленные исключительно на общечеловеческое благо. Авантюрные действия Анкары, ее участие в конфликтах оправдываются тем, что они способствуют стабилизации обстановки в регионе. В целом книга Ф. Алтуна представляет собой популистские размышления, но в то же время демонстрирует туркоцентричный взгляд на мировую политику и мироощущение политической элиты. Тем самым становится очевидным отказ Анкары от идей А. Давутоглу и прозападной ориентации внешней политики.

Ключевые слова:

Турция, Ф. Алтун, туркоцентричность, внешняя политика, стабильность, Р.Т. Эрдоган.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_168

“STABILIZING” TURKEY IN AN UNSTABLE WORLD

Book review: Altun, F. (2022) *Kuresel belirsizlik çağında istikrarlaştırıcı güç Türkiye*. İstanbul: Paradigma yayınları

Razil I. Guzaerov,

Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
guzaerov99@bk.ru

Received 04.04.2023.

Revised 13.06.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Guzaerov, R.I. (2023). “Stabilizing” Turkey in an Unstable World. *Discourse-P*, 20(3), 168-179. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_168

Abstract

Turkey is systematically working to increase its global influence, which is of particular interest to researchers. However, the lack of publicly available basic documents in the field of Turkish foreign policy makes it difficult to study it. Books of Turkey’s politicians, who demonstrate their own view on the development of the system of inter-

national relations, and the place and role of Turkey in it, help to fill this gap. This article is a review of the book “Türkiye as a stabilizing power in an age of turmoil” by Fahrettin Altun, Director of the Turkey Directorate of Communications (Presidential Spokesperson). The politician justifies Turkey’s actions in the international arena, describing it as a stabilizing power. He traces the formation of Turkey as a center of power, which has moved from forced Westernization leading to an increase in national uncertainty and the devaluation of national interests to modernization in the Turkish manner. The book highlights the current state of the international system, which is characterized as extremely unstable due to the inefficiency of international institutions (in particular, the United Nations) and the policies of the great powers. Against this background, Turkey’s maneuvers in foreign policy are assessed as aimed exclusively at the universal good. Ankara’s adventurous actions and its participation in conflicts are justified by the fact that they contribute to regional stabilization. In general, the book consists of populist reflections, but at the same time, it demonstrates the Turkey-centric view of world politics and the attitude of political elites. Thus, Ankara’s rejection of the ideas of Ahmet Davutoğlu and the pro-Western orientation of foreign policy becomes obvious.

Keywords:

Turkey, Fahrettin Altun, Turkey-centrism, foreign policy, stability, Recep Tayyip Erdoğan.

Введение

Турция становится государством, которое увеличивает свое влияние в мировой политике. С момента прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) внешнеполитический курс прошел серьезную трансформацию от прозападной направленности к выработке туркоцентричных взглядов и ориентации на национальные интересы. Однако отсутствие в открытом доступе документов, связанных с внешней политикой и подходами к ее реализации, затрудняет анализ действий Анкары. Восполнить данный пробел помогают публикации государственных деятелей. Так, свои труды с актуальным видением роли Турции в системе международных отношений и основных направлений ее внешнеполитической деятельности публиковали бывший министр иностранных дел и премьер-министр А. Давутоглу (Davutoğlu, 2010), действующий президент Р. Т. Эрдоган (Erdoğan, 2021), пресс-секретарь президента И. Калын (Kalın, 2022). Книги представляют интерес в первую очередь тем, что демонстрируют взгляд турецкой политической элиты на внешнюю политику.

В 2022 г. в свет вышла книга «Турция как стабилизирующая сила в эпоху потрясений» Фахреттина Алтуна (Altun, 2022). Работа интересна, прежде всего, тем, что ее автор является главой Департамента по коммуникациям при президенте Турции. Также он обладает опытом работы в научной сфере, занимается исследованиями в области политической коммуникации, социологии и культурологии. Образование получил в Стамбульском университете, степень магистра по социологии – в Университете Мимара Синана. В 2006 г. получил

докторскую степень по философии в Стамбульском университете. Свою трудовую деятельность начал в качестве приглашенного преподавателя на факультете политических наук Университета Юты. В Стамбульском университете с 2008 по 2014 г. заведовал кафедрой коммуникаций, а с 2015 по 2017 г. преподавал на кафедре социологии. В 2014–2018 гг. работал генеральным координатором и заместителем генерального координатора крупнейшего аналитического центра Турции – Фонда политических, экономических и социальных исследований (SETA). В тот же период был деканом факультета коммуникаций Университета Ибн Халдуна¹.

В своей книге Ф. Алтун объединил опыт работы в сферах науки и государственного управления и попытался показать роль Турции в системе международных отношений.

Результаты исследования

Книга начинается с рассуждений о таком явлении, как вестернизация. Именно эта тема была в центре интеллектуальной жизни Турции в начале 2000-х гг. Часть турецких политологов и социологов воспринимала вестернизацию как реформистское движение, которое должно стать движущей силой обновления страны. Сторонники такого подхода рассматривали вестернизацию в качестве объекта социокультурной реальности, а не политического или идеологического выбора. Противники вестернизации воспринимали ее как историческое, культурное, социальное и политическое отчуждение, глобальный проект по легализации углубления и институционализации неравенства и несправедливости в незападном мире. По их мнению, идея добровольной вестернизации на деле оказалась принудительной модернизацией по западному образцу.

Ф. Алтун утверждает, что турецкому обществу была привита неуверенность, в основе которой лежала психология побежденных. Вестернизация лишь усиливала это чувство. Турция находилась под гнетом западных держав, применявших различные методы эксплуатации незападных обществ и управления ими. Своими рассуждениями автор подводит к мысли, что долгое время Турция развивалась по неверному пути, который был навязан западными странами и демонстрировал плачевное состояние самовосприятия турецкого общества к началу XXI столетия. Переломить ситуацию смог Р.Т. Эрдоган.

Уже в начале книги автор заявляет о необходимости отказа от прежнего курса. Вестернизация Турции была начата ее основателем и лидером М.К. Ататюрком, стремившимся разорвать связи с османским прошлым и создать республику по образцу Запада, который виделся «единственной и высшей цивилизацией в мире» (Sezik & Ağır, 2016, p. 227). Более того, и ПСР сначала придерживалась курса на вестернизацию, которая была необходима для вступления в Евросоюз. В данном случае можно говорить, что вестернизация Ататюрка была заменена идеей вступления в ЕС (Аватков, Баранчиков, 2017, с. 5). Однако затягивание данного процесса и нежелание европейских стран иметь в лице Анкары равноправного партнера со временем привели к разочарованию в проевропейском

¹ Professor Fahrettin Altun: Biography. (n. d.). *Presidency of the Republic of Türkiye*. Retrieved April 2, 2023, from <https://www.iletisim.gov.tr/english/baskan>

курсе. Началась переоценка глобальной роли Турции в духе неосманизма, когда страна стала восприниматься в качестве наследника Османской империи (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 95–96), что и привело, как пишет Ф. Алтун, к возникновению чувства национальной неуверенности. «Наследники османов» не могли быть довольны реальным положением страны в мировой политике. Можно сказать, что возврат имперского мышления стал одной из причин активизации внешней политики Турции и перехода к более наступательной политике при защите национальных интересов.

Выборы 2002 г. автор называет первым шагом на пути к спасению (Altun, 2022, pp. 11–12). Перед Турцией, неспособной использовать свой потенциал и открывшиеся после окончания холодной войны возможности, замкнутой на себе, встал естественный вопрос: останется ли она страной, управляемой извне и вовлеченной в кризисы, или же станет самостоятельным актором на международной арене, выдвигающим конструктивные предложения по решению глобальных вопросов. Лидерство Р.Т. Эрдогана и победа его политического движения стали первым условием того, что Турция перешла к реализации нового вектора развития.

По мнению автора, именно Р.Т. Эрдоган смог сделать из Турции влиятельное государство, которое реализует свой вариант модернизации на основе исторического выбора, культурной действительности, философской глубины, стратегических возможностей, политических достижений и притязаний. Турция больше не ограничена западными идеологическими шаблонами и начала формировать собственные правила игры. Ф. Алтун отмечает, что такими переменами осталась недовольна прозападная часть турецкой политической элиты, которая сконцентрирована только на упущенных привилегиях, что не позволяет ей объективно оценить происходящие перемены. В этих строках чувствуется упрек в сторону оппозиционных сил, стремящихся перед выборами 2023 г. оспорить успешность президентства Р.Т. Эрдогана.

Основная часть книги начинается с теоретического обзора. Ф. Алтун анализирует понятие *güç*, которое переводится с турецкого как «сила», «держава» (Altun, 2022, pp. 25–27). Подчеркивается, что изменения политической атмосферы в мире, отношений между великими державами, социального и технологического развития добавили новые характеристики в данное понятие. Описывая разные виды силы – «мягкой», «умной», статус-кво и ревизионисткой, автор приходит к выводу, что ни одна из них не смогла удержать систему международных отношений от роста нестабильности, никакое государство не предложило действенных механизмов для разрешения кризисов. Однако есть страны, по отношению к которым нельзя использовать вышеупомянутые определения. Ф. Алтун называет их *стабилизирующими силами/державами* (p. 26). В отличие от сил статус-кво и ревизионистов стабилизирующие державы придерживаются иного подхода в осуществлении внешней политики. В борьбе за реформирование и реабилитацию системы международных отношений они исходят из чувства справедливости, а не законности, стремятся предотвратить переход региональных и глобальных конфликтов в горячую фазу, чтобы не стать частью игры между великими державами. По мнению автора, Турция – наиболее очевидный пример такой державы.

Примечательно, что в своем анализе Ф. Алтун вступает в своеобразный спор с А. Давутоглу, чей труд «Стратегическая глубина» долгое время считался настольной книгой по внешней политике Турции (Ирхин, Нелина, 2020, с. 25–26). Давутоглу отстаивал преимущественное использование «мягкой силы» во внешней политике и отказ от жестких методов решения конфликтов. Наиболее отчетливо это проявилось в стратегии «ноль проблем с соседями», которая была направлена на «обнуление» всех проблем с соседними государствами и увеличение влияния Турции за счет «мягкой силы»². Ф. Алтун, в свою очередь, заявляет о ее несостоятельности и переходе к новой внешнеполитической стратегии, где главной максимой становится справедливость. Опора на эту категорию, а не на международное право позволяет автору характеризовать прямое участие Турции в вооруженных конфликтах и поддержку какой-либо из воюющих сторон как благо, направленное на стабилизацию обстановки в регионе.

Затем автор переходит к характеристике состояния системы международных отношений (Altun, 2022, pp. 51–100). Основная мысль заключается в том, что мир находится в спирали неопределенности. Вторжение США в Ирак, финансовый кризис 2008 г., «арабская весна», пандемия и другие события потрясли весь мир. Либеральный интернационализм не смог сформировать устойчивый мировой порядок. Международные организации не превратились в платформы, способные предоставлять необходимое количество гуманитарной помощи, находить пути решения глобальных и региональных кризисов. Этими кризисами мир платит цену за безуспешность и недостатки системы.

Ф. Алтун подчеркивает, что США не справились с формированием новой системы международных отношений. Несмотря на провозглашение победы либерального капитализма, организации, созданные для сдерживания СССР, не смогли дать ответы на вызовы современной эпохи. Более того, возникли новые угрозы и вызовы, что лишь усложнило глобальную систему, а западные страны не желали искать решения. Так, например, Запад смог сформировать общую среду в вопросе борьбы с терроризмом, однако руководствуется реактивными подходами для противодействия этому явлению. Ни Россия, ни Китай, по мнению автора, не сделали ничего существенного для формирования нового миропорядка, хотя и бросили вызов старому. Здесь важно отметить, что конкретных предложений не поступает и от самой Турции (Ирхин, Москаленко, 2021, с. 94–95). Турецкое руководство активно прибегает к популизму во внешней политике. Громкие высказывания и публичные вызовы всей системе используются для демонстрации самостоятельности Турции, ее независимости и готовности к защите угнетенных. В то же время, несмотря на то, что данный дискурс демонстрирует излишнюю амбициозность турецкого руководства, оно довольно грамотно доносит свои послылы, которые находят отклик среди общественности (Аватков, 2021, с. 552).

Особое внимание Ф. Алтун уделяет международным организациям (Altun, 2022, pp. 103–137). Подчеркивается их бездеятельность и безуспешность

² Davutoğlu, A. (2010, May 20). Turkey's zero-problems foreign policy. *Foreign policy*. Retrieved April 2, 2023, from <https://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/>

в предотвращении и разрешении конфликтов, работе с беженцами, борьбе с пандемией. Геополитические условия XXI в., по мнению автора, не позволяют организациям работать над своей миссией. Особое внимание уделяется ООН и НАТО. В целом этот анализ повторяет тезисы Р. Т. Эрдогана (Аватков, Гузаеров, 2023, с. 197–198). Отмечается, что ООН больше не способствует поддержанию безопасности и стабильности в мире, не справляется с поставленными задачами. Совет Безопасности (СБ) превратился в инструмент защиты интересов постоянных членов. Более того, право вето позволяет им помогать своим союзникам, не пропуская обвинительные резолюции. В пример приводятся США, которые с 1946 по 2002 г. 24 раза наложили вето на резолюции, связанные с Израилем, а Россия и Китай с помощью этого инструмента поддерживали Б. Асада.

Автор считает, что СБ должен стать более инклюзивным. Для этого предлагаются два шага. Во-первых, отказ от права вето. Во-вторых, динамические критерии членства. Так, все члены G20 могли бы стать постоянными членами СБ. Реформирование откроет окно возможностей для определения новых целей и реабилитации международных организаций. Однако нет никаких доказательств, что предложенный вариант поможет организациям обрести вторую жизнь. Из этого можно сделать вывод, что главной целью Турции является постоянное членство в Совбезе ООН, все остальное служит лишь прикрытием.

Что касается Североатлантического альянса, то он столкнулся с проблемой отсутствия общего противника, что вылилось, по словам Э. Макрона, в «смерть мозга НАТО» (Altun, 2022, р. 118). По мнению Ф. Алтуна, главная проблема заключается в том, что организация не смогла обновить свою оборонную стратегию, которая учитывала бы новые геополитические реалии и потребности в безопасности всех членов. Автор предлагает расширить сферу деятельности НАТО и выработать стратегию решения проблем с беженцами, борьбы с терроризмом, пандемией и т. д. Украинский кризис может стать точкой начала глубоких трансформаций в организации, однако невозможно предположить степень влияния данного события на эти изменения.

Кроме того, Турция недовольна отсутствием поддержки в борьбе с курдскими формированиями, которые она считает террористическими. Ряд членов НАТО активно их вооружает, сотрудничая в борьбе с ИГИЛ³. Турция, которая стабильно выделяет 2% ВВП в бюджет Североатлантического альянса, участвует по мере возможностей в его операциях и отводит большую роль поддержке безопасности своих союзников, ждет понимания в курдском вопросе. Однако на деле Анкара, как отмечает Ф. Алтун, не видит ни поддержки, ни просто сочувствия.

В третьей главе автор анализирует современные конфликты (Altun, 2022, pp. 141–183), длинный перечень которых демонстрирует безуспешность международного сообщества в формировании механизмов их решения. Неудачные попытки решения проблем в Афганистане, Сирии, Ливии, Йемене, Сомали, Ираке, кипрского вопроса, украинского кризиса, прокси-войн в треугольнике «Персидский залив – Иран – Израиль» – лишь небольшая часть примеров неэффективности международных организаций. Для Ф. Алтуна эти неудачи происходят из неравенства, которое заложено в саму суть институтов во время

³ Запрещенная в России террористическая организация.

их формирования. Как только в мире возникает конфликт, великие державы начинают действовать, исходя из собственной выгоды. Так, автор пишет, что пока гражданские лица выступают против Б. Асада из-за его вины в страшной войне, определенные государства рассматривают жизнеспособность режима как возможность сохранения своего геополитического влияния в регионе.

Турция особо обеспокоена ростом напряженности в мире, потому что вокруг нее сосредоточено большое количество конфликтов. Помимо этого, Анкара, находящаяся в кольце столкновений и нестабильности, вынуждена бороться с террористической угрозой и внутри страны. В целом можно сказать, что за миротворческой деятельностью Турции и обвинением всех в бездейственности кроется банальное желание обезопасить собственные границы. Однако на деле сама Анкара выступает источником проблем для сопредельных государств. Ее действия вносят большой вклад в поддержание дуги нестабильности в регионе, потому что она сама является ее частью (Колотов, 2022, с. 266).

Ф. Алтун подчеркивает, что пока Запад пытается решить проблемы с помощью санкций, Турция стремится сохранять возможность ведения диалога со всеми сторонами конфликта, предпринимает усилия по поиску решений и началу региональных процессов в этом направлении. Так, Анкара смогла организовать переговоры министров иностранных дел России и Турции по украинскому вопросу, обеспечить работу переговорных групп в Стамбуле и т. д. Также приводятся примеры действий Анкары в решении иранского ядерного вопроса, проблем в отношениях Израиля и Сирии, ливийского кризиса и т. д. Хотя ничего из предпринятого Турцией не привело к каким-либо результатам, это преподносится как активная дипломатия, а неудачи оправдываются нежеланием других держав поддержать ее действия. Отмечается, что Анкара ищет пути решения конфликтов не для того, чтобы добиться общественного одобрения, а для защиты международной безопасности. Однако заметно, что Р. Т. Эрдоган в своих публичных выступлениях постоянно ищет этого одобрения (Надеин-Раевский, 2017, с. 150–152).

Четвертая глава книги (Altun, 2022, pp. 187–212) посвящена проблемам радикального национализма, популизма и исламофобии. Последние 20 лет правительства в различных регионах мира сталкиваются с оживлением идеологических и политических движений, которые становятся причиной целого ряда процессов в мировой политике, т. к. влияют на внешнюю политику стран. Для Запада это не является чем-то новым. Пробуждение различных движений, события 11 сентября 2001 г., дискурс о столкновении цивилизаций, появление новых террористических организаций, кризис 2008 г. подготовили почву для роста праворадикализма, популизма и исламофобии в западном мире. Дискриминационные движения начали формировать политические общества и партии или усиливать маргинальные партии. Для получения поддержки от подобных движений многие политики начали следовать их дискурсу.

Однако нельзя смотреть на такие движения просто как на политический тренд. Они, с одной стороны, усиливают шовинизм в собственных странах, с другой – утверждают антиисламский и антимусульманский дискурс. Исламофобия становится «раком» XXI столетия. Рост подобных настроений Ф. Алтун связывает с публикацией работы С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», где

мусульманский мир рассматривается как угроза для Запада. Автор подчеркивает, что сторонники этого подхода указывают на неизбежность столкновения. Подобные настроения особенно усилились после событий 11 сентября.

Заканчивается книга Ф. Алтуна выводами о том, что современный миропорядок не может обеспечить стабильность и безопасность системы международных отношений. Однако Турция стремится исправить сложившуюся ситуацию, связывая свои выгоды с миром и стабильностью в регионе. Это та сила, которая выступает за диалог и мир в Сомали, Йемене, Ливии, Восточном Средиземноморье, на Балканах, Кавказе и т. д. Опыт Турции может быть полезен всем, потому что она никогда не избегает ответственности в решении конфликтов.

Заключение

Рецензируемая работа, как и книга Р. Т. Эрдогана (Erdogan, 2021), представляет из себя набор популистских размышлений, яркий пример туркоцентричного взгляда на развитие мировой политики. Автор преподносит действия Турции на международной арене как направленные исключительно на общее благо. При этом Турция оказывается чуть ли не единственным государством, которое заботят не только национальные интересы, но и интересы всего человечества. Хотя достаточно очевидна роль политики Анкары в росте нестабильности в Сирии, Ливии, Нагорном Карабахе и т. д., ее суть умело переворачивается турецкими политиками. Особо подчеркнем, что Ф. Алтун уделяет основное внимание внешней политике Турции, что можно считать свидетельством ее приоритета над внутренней. Как представляется, успехи Анкары на международной арене должны положительно сказаться на благосостоянии страны и ее граждан. Отсутствие подобной корреляции оправдывается несправедливостью системы международных отношений и политикой великих держав.

Интерес труд Ф. Алтуна вызывает в первую очередь тем, что предоставляет возможность проследить трансформацию турецкой внешнеполитической мысли. Происходит отказ от прежних ценностных оснований, выработанных в «стратегической глубине» А. Давутоглу. Теперь главным внешнеполитическим ориентиром становится справедливость, исходя из собственного понимания которой Анкара разрабатывает и реализует внешнюю политику. Книга также интересна тем, что демонстрирует видение турецкими политиками места их страны в системе международных отношений. Для них Турция – одна из великих держав, которая четко артикулирует свои интересы, с чем и связана особая внешнеполитическая активность в последние годы. Синдром имперскости не позволяет принять реальное положение страны, что приводит к объявлению крайне амбициозных задач, зачастую не соответствующих имеющимся ресурсам.

Список литературы

1. Аватков, В. А. (2021). Популизм во внешней политике Турецкой Республики. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 21(3), 543–554. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554>

2. Аватков, В. А., Баранчиков, А. А. (2017). «Бесшумная революция» Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. *Мировая политика*, (4). <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.4.24470>
3. Аватков, В. А., Гузаеров, Р. И. (2023). «Мир больше пяти» или справедливость по-турецки. *Современная Европа*, (1), 194–201. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010163>
4. Ирхин, А. А., Москаленко, О. А. (2021). «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 21(1), 91–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>
5. Ирхин, А. А., Нелина, Л. П. (2020). Россия и Турция в Черноморском регионе: диалектика сотрудничества и конкуренции региональных держав после 2014 года. *Причерноморье. История, политика, культура*, (29), 21–27. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2020.35.88.003>
6. Колотов, В. Н. (2022). Большая игра и евразийская система дуг нестабильности на современном этапе. В Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова (Ред.), *Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени: Доклады XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (23–25 июня 2021 г., Санкт-Петербург)* (Т. 2, ч. 2, с. 255–272). СПб.: НП-Принт.
7. Надеин-Раевский, В. А. (2017). Р. Т. Эрдоган как пример политика-харизматика. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10(6), 138–154. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154>
8. Altun, F. (2022). *Kuresel belirsizlik çağında istikrarlaştırıcı güç Türkiye*. İstanbul: Paradigma yayınları.
9. Davutoğlu, A. (2010). *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*. İstanbul: Küre yayınları.
10. Erdoğan, R. T. (2021). *Daha adil bir dünya mümkün*. İstanbul: Turkuvaz kitap.
11. Kalın, I. (2022). *Akıl ve erdem. Türkiye'nin toplumsal muhayyalesi*. İstanbul: İnsan yayınları.
12. Sezik, M., & Ağır, O. (2016). Türkiye'nin kamu yönetimini değiştiren faktörler: batılılaşma ve küreselleşme. *The Journal of Academic Social Science Studies*, (49), 225–240.

References

1. Altun, F. (2022). *Kuresel belirsizlik çağında istikrarlaştırıcı güç Türkiye* [Türkiye as a stabilizing power in an age of turmoil]. İstanbul: Paradigma yayınları.
2. Avatkov, V. A. (2021). Populizm vo vneshnej politike Tureckoj Respubliki [Populism in the foreign policy of the Turkish Republic]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 21(3), 543–554. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554>
3. Avatkov, V. A., & Baranchikov, A. A. (2017). “Besshumnaya revolyuciya”

Prezidenta Turcii Redzhepa Tajipa Erdogana [Turkish President Recep Tayyip Erdogan's "silent revolution"]. *Mirovaya politika*, (4). <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2017.4.24470>

4. Avatkov, V.A., & Guzaerov, R.I. (2023). "Mir bol'she pyati" ili spravedlivost' po-turecki ["The world is more than five", or Turkish justice]. *Sovremennaya Evropa*, (1), 194–201. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010163>

5. Davutoğlu, A. (2010). *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu* [Strategic depth. Turkey's international position]. İstanbul: Küre yayınları.

6. Erdoğan, R.T. (2021). *Daha adil bir dünya mümkün* [A fairer world is possible]. İstanbul: Turkuvaz kitap.

7. Irkhin, A.A., & Moskalenko, O.A. (2021). "Mir bol'she pyati". Stanovlenie Turcii v kachestve global'nogo aktora mirovoj politiki: perspektivy i vyzovy dlya Rossii ["The world is bigger than five". Turkey's emergence as a global actor in world politics: Prospects and challenges for Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 21(1), 91–107. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107>

8. Irkhin, A.A., & Nelina, L.P. (2020). Rossiya i Turkiya v Chernomorskom regione: dialektika sotrudnichestva i konkurencii regional'nyh derzhav posle 2014 goda [Russia and Turkey in the Black Sea region: Dialectic of cooperation and rivalry of the regional powers after 2014]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura*, (29), 21–27. <https://doi.org/10.35103/SMSU.2020.35.88.003>

9. Kalın, I. (2022). *Akil ve erdem. Türkiye'nin toplumsal muhayyilesi* [Wisdom and virtue: Türkiye's social imagination]. İstanbul: İnsan yayınları.

10. Kolotov, V.N. (2022). Bol'shaya igra i evrazijskaya sistema dug nestabil'nosti na sovremennom e'tape [The Great game and the Eurasian system of arcs of instability at the present stage]. In N.N. Dyakov, & P.I. Rysakova (Eds.), *Rossiya i Vostok. K 100-letiyu politicheskix i kul'turnyx svyazej novejshego vremeni: Doklady XXXI Mezhdunarodnogo kongressa po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki (23–25 iyunya 2021 g., Sankt-Peterburg)* (Vol. 2, part 2, pp. 255–272). Saint Petersburg: NP-Print.

11. Nadein-Raevskiy, V.A. (2017). R.T. Erdogan kak primer politika-xarizmatika [R.T. Erdogan as an example of a charismatic politician]. *Kontury global'nyx transformacij: politika, e'konomika, pravo*, 10(6), 138–154. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154>

12. Sezik, M., & Ağır, O. (2016). Türkiye'nin kamu yönetimini değiştiren faktörler: batılılaşma ve küreselleşme [Factors altering Turkey's public administration: Westernization and globalization]. *The Journal of Academic Social Science Studies*, (49), 225–240.

Информация об авторе

Разиль Илшатович Гузаеров, младший научный сотрудник, отдел Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0006-9975>, e-mail: guzaerov99@bk.ru

Information about the author

Razil Ilshatovich Guzaerov, Junior Researcher, Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0006-9975>, e-mail: guzaerov99@bk.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуючную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуючные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуючными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательно подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию,

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. Информация об авторе

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. Information about the author

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitija territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-ОЗ) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefeter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov